

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Дятлова Анастасия Константиновна

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ НА
РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

Специальность 07.00.09 –
Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук
профессор
В.В. Кондрашин

Пенза – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
----------------------	----------

Глава I

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	22.
--	------------

§1. Концепции развития внешней политики Российской империи	22.
§2. Англо-американская историография о роли Николая II в дальневосточной политике России	38.
§3. Деятельность С.Ю. Витте в контексте рассмотрения внешней политики России на Дальнем Востоке.	42.

Глава II

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ 1894- 1904гг.	56.
--	------------

§1. Последствия японо-китайской войны 1894-1895гг. и активизация внешней политики России на Дальнем Востоке	56.
§2. Цели, задачи и значение строительства Транссибирской железнодорожной магистрали	70.
§3. Причины и последствия строительства Китайской Восточной железной дороги.....	83.
§4. Аренда Ляодунского полуострова и начало изменений в дальневосточной политике России.....	93.
§5. На пути к русско-японской войне 1904-1905гг.: боксерское восстание и проблема оккупации Манчжурии,.....	102.

Глава III

ИЗУЧЕНИЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ.....	115.
§1. Причины русско-японской войны	115.
§2. Русско-японские отношения во время войны 1904-1905ГГ.	123.
§3. Портсмутский мирный договор: его результаты и последствия.....	129.
§4. Последствия русско-японской войны 1904-1905 гг.	137.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	143.
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	153.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Центры по изучению российской истории в США возникли в первой половине XX в. Традиционно к ним относятся Колумбийский, Гарвардский, Чикагский, Калифорнийский, Вашингтонский и Гавайский университеты. По мере улучшения отношений между СССР и США количество исследований по истории России на Западе стало увеличиваться. Этому способствовало подписанное в 1958 г. соглашение о создании Межуниверситетского комитета, в рамках работы которого американские и советские ученые получили возможность проводить совместные исследования и работать в архивах. Способствовал изучению истории России в США основанный в 1974 г. Институт изучения российской истории и культуры, названный в честь одного из первых американских специалистов по истории Сибири и Дальнему Востоку Дж. Кеннана. В 1980-е гг. интерес к истории Сибири и Дальнего Востока не спадает, появляются исследования, посвященные проблемам регионального развития. Однако в 1990-е гг. наблюдается уменьшение количества работ. Как отмечает профессор Мичиганского университета В. Шляпентох, «...как только Россия перестала быть страной, угрожающей США, интерес к ней и ее истории резко снизился»¹.

Между тем, с 1990-х гг. начинается новый этап англо-американской историографии российской истории, который характеризуется следующими моментами. Во-первых, практически исчезает влияние так называемой теории тоталитаризма, автором которой считался М. Фейнсол². Суть ее, по выражению профессора Мичиганского университета Д. Бурбанка, заключалась в том, что за

¹ Цит. по: Шляпентох В. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб., 2003.

² Fainsod M. How Russia is Ruled. Harvard, 1953.

каждым научным аргументом скрывалась мораль насчет СССР¹. Во-вторых, возрастает интерес к истории дореволюционной России. В-третьих, Россия перестает противопоставляться Западу и начинает рассматриваться как его часть.

В центре внимания диссертационного исследования оказываются работы современных англо-американских историков, посвященные изучению темы внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. Исследования ученых из Великобритании, США и Канады представляют особый интерес. Он обусловлен определенным соперничеством стран этого блока и России в сфере политики, геополитики и науки. Основатель геополитики Х. Маккиндер объяснял его противостоянием теллуократии и талассократии как противоположных гносеологических и онтологических концептов². Источниковая база настоящего исследования позволяет на основе проведенного анализа создать целостное представление о степени изученности темы внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии.

Объектом исследования является комплекс работ современных англо-американских исследователей, посвященный теме внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв.

Предметом исследования выступают концепции и оценки современных англо-американских исследователей по вопросам внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XX–XX вв.

Цель работы состоит в том, чтобы проследить изучение дальневосточного направления внешней политики Российской империи на рубеже XIX–XX вв. на современном этапе в англо-американской

¹ Бурбанк Д. Новые течения в американской историографии о России: власть и культура // Исторический ежегодник. Омск, 1996 (1997). С. 62–64.

² Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 2004. Vol. 23. № 4. P. 421–437.

историографии и охарактеризовать опыт, накопленный исследователями. Для достижения поставленной цели нами было определено несколько задач:

- выявить и изучить концепции развития внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии;

- на основе анализа современных англо-американских исследований определить ключевые политические фигуры в Российской империи указанного периода, определяющие ход и развитие дипломатии на Дальнем Востоке;

- объяснить трактовку современными англо-американскими исследователями японо-китайской войны 1894–1895 гг. как поворотного момента во внешней политике России на рубеже XIX–XX вв.;

- раскрыть характер строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и Китайской Восточной железной дороги в свете современной англо-американской историографии;

- проанализировать внешнеполитический аспект русско-японской войны 1904–1905 гг. (ее причины, ход, итоги, последствия) с точки зрения современных англо-американских исследователей.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1991 г. по настоящее время. Выбор таких хронологических рамок объясняется тем, что после распада СССР западные ученые, во-первых, получили доступ к российским архивам, а, во-вторых, стали в меньшей степени испытывать давление, вызванное противостоянием между СССР и Западом.

Географические рамки исследования определяются выбором в качестве объекта исследования работ современных историков из Великобритании, США и Канады.

Методология исследования. Рассматривая работы современных англо-американских исследователей по внешней политике России на Дальнем

Востоке в конце XIX – начале XX в., автор диссертации стремился руководствоваться главными принципами историографического исследования¹.

Принцип историзма позволил изучить взгляды различных ученых на цели, задачи, характер и итоги внешней политике России в указанном регионе в их развитии. Изучение различных сторон и аспектов многочисленных исторических исследований по указанной теме определил принцип историко-системного изучения. Применяя принцип целостности, удалось систематизировать воззрения современных англо-американских ученых на такие ключевые проблемы российской дальневосточной внешней политики как идеология внешней политики России, японо-китайская война 1894–1895 гг. и ее последствия для российской дипломатии, строительство Транссибирской железной дороги и КВЖД, аренда Ляодунского полуострова, боксерское восстание и оккупации Манчжурии, русско-японская война 1904–1905 гг.

Сравнительно-исторический метод позволил обосновать оригинальность взглядов англо-американских ученых. Стало возможным оценить вклад каждого исследователя в изучение истории внешней политики России на Дальнем Востоке. При помощи историко-генетического метода был проанализирован процесс развития современной англо-американской историографии. Проблемно-хронологический метод позволил выявить тематику и ее трактовку исследований современных англо-американских авторов.

Степень изученности темы. Литературу, посвященную изучению современной англо-американской историографии, можно разделить на две группы. К первой относятся историографические обзоры в рамках диссертационных исследований по теме внешней политике России на рубеже XIX–XX вв.

¹ Перечень используемых методов историографического исследования составлен на основе классификации И.Д. Ковальченко (Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003).

Среди российских ученых можно назвать И.В. Лукоянова, который в своей диссертации делает подробный анализ наиболее значимых работ западных авторов¹. Среди исследований, написанных до распада СССР, И.В. Лукоянов отмечает исследования А. Малоземова «Российская дальневосточная политика 1881–1904 гг.»², Дж. Лензена «Баланс интриг: международное соперничество в Корее и Манчжурии, 1884–1899 гг.»³ и Я. Ниша «Истоки русско-японской войны»⁴. Среди работ современных англо-американских авторов И.В. Лукоянов обращает внимание на исследования С. Пейн «Имперские противники: Китай, Россия и спорная территория»⁵, Д. Макдоналда «Правительство США и внешняя политика в России, 1900–1914 гг.»⁶, Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе «Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией»⁷.

В.Г. Дацышен в диссертации «Российско-китайские отношения в 1881–1903 гг.» также дает характеристику современным англо-американским работам⁸. Он отмечает исследования Дж. Стефана «Российский Дальний Восток»⁹, Дж. Форсайта «История народов Сибири. Российская Северо-

¹ Лукоянов И.В. Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.: борьба за выбор политического курса: Дис. ... докт. истор. наук. СПб., 2009.

² Malozemoff A. Russian Far-Eastern Policy 1881–1904. With Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War. Berkeley, 1958.

³ Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899. Tallahassee, 1982. Vol. II.

⁴ Nish J. The Origins of the Russo-Japanese War. L., N.Y., 1985.

⁵ Paine S.C.M. Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier, 1858–1924. N.Y., 1996.

⁶ Mc Donald D. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914. Cambridge, 1992.

⁷ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.

⁸ Дацышен В.Г. Российско-китайские отношения в 1881–1903 гг.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Иркутск, 2006.

⁹ Stephan J. The Russian Far East: a History. Stanford, 1994.

Азиатская колония 1581–1990 гг.»¹, С.Г. Маркса «Дорога к власти...»². В.Г. Дацышен подчеркивает, что в этих работах сохраняется традиционный подход к освещению проблем российско-китайских отношений. Между тем, в западной историографии так не появилось комплексного исследования по истории российско-китайских отношений рубежа XIX–XX вв.

Ко второй группе относятся рецензии на отдельные монографии. Так, например, анализу работы Д. Ливена «Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней» посвящена рецензия А.Н. Медушевского³. Автор отмечает, что американский исследователь при анализе понятия и сущности империи использует спорные подходы. Между тем, значительный сравнительный материал о государственности империй различных эпох, как отмечает А.Н. Медушевский, позволяет размышлять о целом комплексе проблем, а именно: факторы образования империй, их устойчивые признаки, стадии эволюции, взаимосвязь процессов глобальной интеграции и национального развития. Еще одним существенным плюсом работы Д. Ливена автор публикации называет постановку проблемы постимперского развития России.

Рассмотрению работы Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе «Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией» посвящена рецензия Ю.А. Полунова⁴. Автор обращает внимание на использование междисциплинарного подхода при изучении исторических проблем. Благодаря этому становится возможным изучать внешнюю политику

¹ Forsyth J. History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. Cambridge, 1994.

² Marks S.G. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. L., 1991.

³ Медушевский А.Н. Д. Ливен. Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней // Российская история. 2008. № . С. 185–187.

⁴ Полунов А.Ю. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией // Российская история. 2010. №5. С. 203–205.

в контексте эпохи, соотносить ее с достижениями общественной мысли, литературы и искусства. Вместе с тем, Ю.А. Полунов указывает на определенные недостатки работы. Во-первых, он отмечает ряд редакторских и корректорских ошибок, обилие англицизмов, а также ряд фактических ошибок, что затрудняет восприятие материала. Во-вторых, как отмечает автор, Схиммельпеннинку так и не удалось в достаточной мере проследить взаимовлияние идеологии и дипломатии.

На страницах западных журналов также появляются рецензии на исследования современных англо-американских авторов. В частности, Д.Н. Коллинс анализирует работу С.Г. Маркса «Дорога к власти: Транссибирская железная дорога и колонизация российской Азии, 1850–1917 гг.». Он полагает, что тема железных дорог для С.Г. Маркса была всего лишь своеобразным прикрытием, за которым «спрятаны» три основные проблемы: особенности развития экономики империи, продвижение России на Восток как способ удовлетворить национальное самолюбие и противостоять «желтой угрозе» и слишком инертный, неповоротливый бюрократический аппарат¹.

Рассмотрению монографии С. Харкейва «Граф Сергей Витте и сумерки имперской России: биография» посвящена статья В. Джонса «Возрождая наследие Сергея Витте»². Рецензия довольно обширна, содержит практически краткий пересказ книги без тщательного анализа. Автор отмечает, что в качестве основы данной работы был положен труд А.В. Игнатьева «С.Ю. Витте – дипломат». И хотя в целом подходы к изучению данной проблемы выводы автора не новы, В. Джонс утверждает, что исследование С. Харкейва является значительным вкладом в развитие западной историографию.

¹ Collins D.N. Steven G.M. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917 // European History Quarterly. 1993. № 23 (1). P. 628–629.

² Jones W. Revive the Legacy of Russia's Sergei Witte // Executive Intelligent Review. 2006. № 13. P. 37–41.

Источниковую базу диссертационного исследования можно разделить на две группы. К первой относятся историографические источники. По видам их можно разделить на пять больших групп: монографии (более 20 работ)¹, научные статьи (более 20 работ)², рецензии³ (более 10), диссертации (1 работа)⁴ и многотомные коллективные труды энциклопедического характера (5 многотомных изданий)⁵.

Авторы исследований по истории внешней политики России являются представителями англо-саксонской исторической школы трех стран: Великобритания (Д. Ливен, Дж.Э. Хейвуд, Х. Маккиндер, Я. Ниш, Дж. Джукс, Р. Чаркс, Т. Коуэн и др.), США (С.Г. Маркс, С. Харкейв, Ф. Патрикеев, Г.

¹ См., напр.: Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч.; Hancave S. Count Sergei Witte and the twilight of Imperial Russia: a biography. N.Y., 2004; Jukes G. The Russo-Japanese War 1904–1905. Oxford, 2002; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007; Cassels A. Ideology and International Relations in the Modern World. L., N.Y., 1996; Cowen T. The Russo-Japanese war: from the outbreak of hostilities to the Battle of Liaoyang. L., 1904.; и др.

² См., напр.: Хейвуд Дж.Э. «Самый катастрофичный вопрос»: железнодорожное строительство и военная стратегия в позднеимперской России // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VI. М., 2009. С. 112–143; Mackinder H.J. Указ. соч.; Маркс Стивен Г. «Браво, храбрый тигр Востока!»: русско-японская война и подъем национализма в Британском Египте и Индии. Т. IV. М., 2007.; Hsu Ch. Y. A Tale of two railroads: «Yellow Labor», agrarian colonization, and the making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s–1910s // *Ab Imperio*. 2006. № 3. PP. 217–253; и др.

³ См. напр.: Collins D.N. Указ. соч.; Jones W. Указ. соч.

⁴ См., напр.: Trudov A. Taming the Dragon: Russian Imperial Drive towards the Far East (mid. 16th century to 1905), its historical significance and consequences: A thesis ... the degree of Master of Arts in Military Studies and Diplomacy. Honolulu, 2004; и т.д.

⁵ См., напр.: Encyclopedia of World History. Voll. I–VII. N.Y., 2008; Cambridge History of Japan. Voll. I–VI. Cambridge, N.Y., 2008; Cambridge History of Russia. Voll. I–III. Cambridge, N.Y., 2006; Cambridge History of Southeast Asia. Voll. I–II. Cambridge, N.Y., 2008.

Шукман, С. Пэйн, А. Трудов, К. Дэвис, Д. МакКензи, Д. Стоун, А. Коуэн, А. Малоземов, М. Корт, Ф. Вцислоу и др.) и Канада (Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе).

Нами были изучены работы, написанные в разных жанрах исторической науки. Главным представляются исследования англо-американских авторов, посвященные изучению истории внешней политики России на Дальнем Востоке в указанный период (С.Г. Маркс, Д. МакКензи, Р. Чаркс, С. Пэйн, Ф. Патрикеев, Г. Шукман и др.). Одним из крупнейших англо-американских исследователей является выпускник Гарварда профессор С.Г. Маркс. В 1988 г. ему была присвоена степень доктора наук. История Транссибирской магистрали была темой его докторской диссертации. В монографии «Транссибирская железная дорога и колонизация российской Азии, 1850–1917 гг.» автор рассматривает проблему строительства Великого Сибирского пути в контексте изучения развития внутренней и внешней политики России¹. В качестве основного источника С.Г. Маркс использует российскую периодическую печать («Инженер», «Известия императорского русского географического общества», «Известия собрания инженеров путей сообщения», «Железнодорожная газета», «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь», «Восточное обозрение»). Не меньшего внимания заслуживают его отдельные статьи. Так, в работах ««Браво, храбрый тигр Востока!»: русско-японская война и подъем национализма в Британском Египте и Индии»², «Покоряя Великий Восток. Куломзин, крестьянские поселения и создание современной Сибири»³ и «Бремя

¹ Marks S.G. Указ. соч.

² Он же. «Браво, храбрый тигр Востока!»: русско-японская война и подъем национализма в Британском Египте и Индии // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. IV. М., 2007. С. 89–107.

³ Он же. Conquering the Great East. Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Armonk, N.Y., London, 1995. P. 23–39.

Дальнего Востока: вопрос о строительстве Амурской железной дороги в России, 1906–1916 гг.»¹ автор рассматривает различные аспекты внешней политики России: от проблемы так называемой «желтой угрозы» и определенным образом связанной с ней переселенческой политикой до влияния поражения России в войне 1904–1905 гг. на колониальную политику Великобритании.

Чиа Йин Хсу, профессор Государственного университета Портленд, в статье «Рассказ о двух дорогах: «желтый труд», аграрная колонизация и становление российских дальневосточных рубежей, 1890–1910 гг.» рассматривает тему строительства железных дорог на Дальнем Востоке². Она анализирует решение царского правительства о строительстве КВЖД и те социально-экономические последствия, к которым это решение привело. Свои выводы автор строит на основании данных четырех фондов РГИА, а также некоторых опубликованных источников и исследовании С.Г. Маркса «Дорога к власти...» Неудивительно, что многие положения Ч.Й. Хсу схожи с мнением С.Г. Маркса.

Во многом отличается от других работа Д. Маккензи «Имперские мечты в столкновении с реальностью: царская внешняя политика России, 1815–1917 гг.»³. При рассмотрении проблем внешней политики России на Дальнем Востоке, автор отмечает, что российская экспансия на Восток отличалась от экспансии великих индустриальных стран Европы и в ней отражалась экономическая слабость, недоразвитость и даже попытки казаться великой державой.

¹ Он же. The Burden of the Far East: the Amur Railroad Question in Russia, 1906–1916 // *Sibirica: the Journal of Siberian Studies*. 1993/94. № 1. P. 9–28.

² Hsu C.Y. A Tale of two railroads: «Yellow Labor», agrarian colonization, and the making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s – 1910s // *Ab Imperio*. 2006. № 3. P. 217–253.

³ Mackenzie D. Imperial Dreams Harsh Realities: Tsarist Russian Foreign Policy, 1815–1917. N.Y., 1994.

Так же выделяется из списка исследований работа С. Пейн «Японо-китайская война 1894–1895 гг.: восприятие разных сторон, вопросы о силе и превосходстве»¹. Основным результатом столкновения между Японией и Китаем, по мнению автора, стало изменение статуса обеих стран в мире, а также вмешательство в японо-китайские отношения третьих стран. Кроме того, спорным является мнение автора о том, что именно после японо-китайской войны Япония предстала в глазах западных держав мощной империей.

Рассмотрение проблемы развития железнодорожной сети в России в указанный период – основная тема исследования Ф. Патрикеева и Г. Шукмана «Железные дороги и русско-японская война: война транспортная»². Уделяя внимание как финансово-техническим, так и социально-экономическим аспектам строительства железной дороги на Восток, авторы обращают особое внимание на ее внешнеполитическое и международное значение. Они подчеркивают тот факт, что это активное продвижение России вглубь своей страны и на территорию Манчжурии было воспринято на международной арене с определенной тревогой, особенно в Японии, где сложилось впечатление, что в планах влияния Российской империи находится весь Китай, а не только его северная часть. Экспансия России на Восток с ее масштабным железнодорожным строительством стало представлять угрозу для Японии. Авторы полагают, что, если бы не было этой железной дороги, масштаб войны не просто был бы меньший, но ее можно было избежать.

Ко второй группе относятся работы геополитического характера (Г. Киссинджер, Дж. ЛеДонн и др.). Англо-американские исследователи приходят к единому мнению о том, что дальневосточная экспансия России в конце XIX в. не отвечала насущным интересам страны. Так, Г. Киссинджер считает, что

¹ Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: perceptions, power and primacy. Cambridge, N.Y., 2003.

² Patrikeeff F., Shukman H. Railways and the Russo-Japanese war: Transporting war. L., N.Y., 2007.

экспансия России на Дальний Восток в конце XIX в. была экономически необоснованной, и именно поэтому закончилась провалом. В своей работе он утверждает, что уже с середины XIX в. экспансионизм начал способствовать упадку империи. Россия, по выражению автора, поглощала всё больше земель, которые ей были не нужны, и которых она не могла «переварить»¹. О том же говорит и Дж. ЛеДонн в своей монографии «Российская империя и мир, 1700–1917 гг.: геополитика расширения и сдерживания»².

Третью группу составляют биографии крупных политических деятелей эпохи (С. Харкейв, Д. Ливен, Ф. Вчисло, У. Джонс и др.). Среди них следует назвать исследование профессор Лондонской школы экономики и политических наук Д. Ливена «Николай II: император Всея Руси»³. Он, также как и англо-американские специалисты по геополитики, приходит к выводу, что на дальневосточную политику России тратила те ресурсы, которые необходимо было направить на решение внутренних проблем. Вину за неверную расстановку приоритетов он возлагает на Николая II.

Много работ посвящено личности и деятельности С.Ю. Витте. Современные западные специалисты считают, что именно благодаря этому человеку российская дальневосточная экспансия была успешной в течение определенного времени. Среди множества работ можно отметить исследования С. Харкейв, Ф. Вчисло и др.

С. Харкейв в 1940-х гг. работал в качестве аналитика в области внешней политики в Информационной службе зарубежного вещания и Управлении стратегических служб (прообраз ЦРУ). Позже он начал свою преподавательскую деятельность в Университете Вайоминг, а затем в Университете Бингэмптом. Профессор С. Харкейв читал курс новой истории

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.

² John P. LeDonne. The Russian Empire and the World. The Geopolitics of Expansion and Containment. N.Y., Oxford, 1997.

³ Lieven D. Nicholas II: Emperor of All the Russians. L., 1993.

Европы и России. В 2004 г. вышла его последняя крупная работа «Граф Сергей Витте и сумерки имперской России: биография»¹, написанная на большом количестве опубликованных источников (дипломатические документы, опубликованные в журнале «Красный Архив», воспоминания В.М. Вонлярлярского, мемуары С.Ю. Витте, дневники Николая II, А.Н. Куропаткина, В.Н. Ламздорфа, А.С. Суворина, А.А. Половцова, материалы «Сборника договоров России с другими государствами, 1856–1917» и др.). В ней автор рассматривает роль С.Ю. Витте во внешней политике Российской империи, высоко оценивая его заслуги перед российским правительством. В том же духе написана работа профессора Университета Вандербильта Ф. Вчисло «Рассказы об имперской России: жизнь и время Сергея Витте, 1849–1915 гг.»². Основываясь на многочисленных источниках (Бахметьевский архив российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета, материалы РГИА, опубликованные работы С.Ю. Витте, дневники Николая II, В.Н. Ламздорфа, А.В. Богдановича и др.), автор утверждает, что успехи российской внешней политики на Дальнем Востоке были связаны именно с Витте, а ее провал – с желанием Николая II поскорее избавиться от неудобного чиновника.

К четвертой группе относятся работы по военной истории (Дж. Джукс, А. Маршал и др.). Среди них есть как комплексные исследования, так и обзорные работы. В числе первых необходимо отметить монографию профессора Университета Глазго А. Маршалла «Российский генеральный штаб и Азия, 1800–1917 гг.»³. В исследовании, написанном с использованием материалов РГВИА, говорится о том, что неудачи внешней политики России на Дальнем Востоке следует объяснять провалом работы военной разведки в регионе. Силы

¹ Hancave S. Указ. соч.

² Wcislo W. Tales of Imperial Russia: The Life and Time of Sergei Witte, 1849–1915. N.Y., Oxford, 2011.

³ Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. L., N.Y., 2006.

Японии были недооценены, по мнению автора, по двум причинам. Первая заключалась в том, что в течение долгого времени приоритетным считалось западное направление, а не Дальний Восток (военная разведка которого началась только в 1880-х гг.). Вторая причина связана с ощущением собственного превосходства российских генералов над японцами (автор использует слово «расизм»).

В качестве примера общих работ можно назвать монографию Дж. Джукса «Русско-японская война 1904–1905 гг.»¹. Автор несколько лет работал в Министерстве обороны Великобритании, а позже преподавал в Австралийском национальном университете в Канберре. На страницах сравнительно небольшого исследования он уделяет внимание скорее фактической стороне дела, нежели аналитической. Между тем остается непонятным, какими источниками автор пользовался при написании работы, т. к. в ней отсутствует библиографический список.

В пятую группу вошли монографии и статьи, в которых вопросы внешней политики так или иначе связаны с проблемами развития общественно-политической мысли и идеологии (Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, А. Касселс и др.). В своих работах профессор Университета Брок Д. Схиммельпенник ван дер Ойе рассматривает внешнюю политику России в указанном регионе и вслед за многими исследователями отмечает ее непоследовательность и противоречивость. В монографии «Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией», написанной с использованием широкой источниковой базы, рассматриваются различные концепции внешнеполитического развития². Идея о существовании четырех различных идеологий, смена которых приводила к

¹ Jukes G. Указ. соч.

² Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Указ. соч.

изменению темпа российской экспансии, оказалась настолько востребованной и удобной, что многие исследователи взяли ее на вооружение¹.

О том, что на дальневосточную внешнюю политику России оказывали влияние идеи панславизма, пишет А. Касселс в своем исследовании «Идеология и международные отношения в современном мире»². Автор отмечает, что поворот России к Востоку связан с ее поражением в Крымской войне. Стремясь восстановить статус великой державы, она обратила свое внимание на Восток, вооружившись идеологией панславизма. Автор отмечает, что ее влияние не было значительным и постоянным, но все же именно она привела Россию к войне.

Исторические источники представлены тремя видами. К первому относятся источники личного происхождения (мемуары С.Ю. Витте, дневники Николая II, В.Н. Ламздорфа, А.Н. Куропаткина, А.И. Богдановича, воспоминания А.П. Извольского и П.Н. Милюкова)³. Ко второму – делопроизводственные материалы, в частности деловая переписка С.Ю. Витте и Николая II, С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина и др.⁴ К третьему – политические

¹ См., напр.: Макаренко В.П. Моральные концепты политических идеологий: специфика концептологического подхода // Политическая концептология. 2012. № 3. С. 214–215; Он же. Научно-обывательское знание – интеллектуально-политические моды? // Политическая концептология. 2009. № 2. С. 18–19; Воловников В.Г. Смейтесь, глядя на врага. О монографии Т.А. Филипповой «Враг с Востока» // Восточный архив. 2013. № 2 (28). С. 90–94; Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006; и др.

² Cassels A. Ideology and International Relations in the Modern World. L., N.Y., 1996.

³ Витте С.Ю. Воспоминания. Мемуары: в 3 т. М., 1960; Дневник императора Николая II 1890–1906. М., 1991; Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991; Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010; Богданович А.И. Три последних самодержца. М., 1990; Извольский А.П. Воспоминания. М., 1924; Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

⁴ Письмо С.Ю. Витте Николаю II о необходимости скорейшего заключения мира с Японией и решения вопроса о народном представительстве // Витте

сочинения, характеризующиеся более глубокой аргументацией и рассчитанные на специалистов управления и представителей правящей элиты (4-томный труд главнокомандующего русской армией А.Н. Куропаткина и комментарии к нему С.Ю. Витте¹).

В диссертации эти источники используются для того, чтобы подтвердить или опровергнуть точку зрения англо-американских исследователей, не все из которых использовали опубликованные и архивные источники.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем выявлены и классифицированы новые историографические источники по вопросам дальневосточной политики России на рубеже XIX–XX вв.; дана обобщающая характеристика современной англо-американской историографии внешней политики России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.; проведен анализ новейших работ по теме исследования с точки зрения геополитических интересов России на Дальнем Востоке в указанный период; изучение современных англо-американских исследований позволило охарактеризовать опыт построения отношений с такими ключевыми странами региона как Китай и Япония.

Положения, выносимые на защиту:

1. Практически все современные англо-американские историки в области изучения российской внешней политики на Дальнем Востоке в 1894–1905 гг.

С.Ю. Хроника. Документы. Воспоминания. СПб., 1999. С. 182–183; Переписка С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина в 1904–1905 гг. // Красный архив. 1926. № 6. С. 65–81; Переписка о подкупе китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-ин-Хуана // Красный архив. 1922. № 2. С. 287–293; Накануне русско-японской войны (декабрь 1900 г. – январь 1902 г.) // Красный архив. 1934. № 2 (63). С. 3–54.

¹ Куропаткин А.Н. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина: в 4 т. СПб.; Варшава, 1906–1907; Витте С.Ю. Вынужденные разъяснения по поводу отчета Ген.-Ад. Куропаткина о войнѣ съ Японіей. М., 1911.

приходят к выводу о том, что самодержавие не справлялось с защитой интересов России на Дальнем Востоке.

2. В современной англо-американской историографии ведутся дискуссии по вопросу влияния различных общественно-политических взглядов на развитие внешней политики России в конце XIX – начале XX вв. С одной стороны, выдвигается положение о наличии одной концепции развития, которая претерпевала различные внутренние изменения. С другой стороны, ему противопоставляется тезис о том, что в России существовали разные подходы в понимании роли и места империи в мировом развитии, и смена таких концепций приводила к изменению темпа дальневосточной экспансии.

3. Современные англо-американские исследователи считают, что строительство железных дорог было главным фактором утверждения России на Дальнем Востоке и обеспечения ее внешнеполитических интересов.

4. Современные западные авторы признают ответственность за развязывание русско-японской войны 1904–1905 гг. не только России, но и Японии, а также европейских держав.

5. В работах современных англо-американских исследователей подчеркивается влияние поражения России в войне с Японией на подъем и развитие антиколониального движения в странах юго-восточной Азии.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета. Основные положения были озвучены автором в докладах на международных (Саратов, 2011; Пенза, 2012) и региональных (Пенза, 2008, 2009, 2010) научных конференциях. Основные результаты опубликованы в 13 публикациях, включая три статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях (в соответствии с перечнем ВАК) (общий объем 3,5 п. л.).

Структура диссертации подчинена исследовательской логике и состоит из введения, трех глав, построенных по проблемно-хронологическому принципу, списка использованных источников и литературы.

Глава I

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

§1. Концепции развития внешней политики Российской империи

Конец XIX века — эпоха удивительная во всех отношениях. Бурное экономическое развитие стран Запада не только значительно изменило жизнь людей, облик городов, но и повлекло за собой значительные внутри- и внешнеполитические изменения. К этому времени мир был уже поделен на сферы влияния. Началась борьба за его передел. В связи с этим, политическое руководство развитых стран стремилось выработать, создать некую идеологическую доктрину, которая бы обосновывала активную внешнюю политику.

Говоря об историографии внешней политики России, мы можем отметить, что ранее в исторической науке (как отечественной, так и зарубежной) проблема выработки и принятия решений не рассматривалась как борьба различных идеологий. Говорилось либо о борьбе между различными группировками (например, противостояние между С.Ю. Витте и «безобразовской кликой»¹), либо же единой империалистической тенденции развития². В связи с этим интересна работа Дэвида Схиммельпеннинка ван дер Ойе «Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией», в которой автор подробно рассматривает четыре существовавшие в тот момент концепции предназначения империи. Каждая из них в той или иной мере повлияла на царскую политику того времени.

¹ См., например Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М., 1989. С.150–153.

² Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М., 1947. С. 72.

Первая концепция, на которую обращает внимание автор, известна как «конквистадорский¹ империализм»². Она представляет собой идею активной экспансии России на Дальний Восток. Именно этой концепцией так сильно увлекся Николай II. Представителем и ее идейным вдохновителем является, по мнению автора, Н.М. Пржевальский. Именно его идеи об имперском завоевании ради самого завоевания, как утверждает автор, стали выражением очень агрессивного направления в политике царского правительства в отношении Азии³. Анализируя работы самого Николая Михайловича, автор приходит к выводу о том, что известный путешественник искренне критиковал российских дипломатов за пассивность по отношению к Китаю. Он полагал, что «волей-неволей нам придется свести здесь давние счеты и осязательно доказать своему заносчивому соседу, что русский дух и русская отвага равно сильны – как в сердце Великой России, так и на Далеком Востоке Азии»⁴. Схиммельпеннинк также видит определенное влияние идей Н.М. Пржевальского на Николая II. Он считает, что во многом именно благодаря

¹ Для отечественной историографии более характерен термин «конквистадорский». См., например Филиппова Т.А. «Враг с Востока»: Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012; Макаренко В.П. Научно-обывательское знание – интеллектуально-политические моды? // Политическая концептология. 2009. № 2. С. 5–28; Он же. Моральные концепты политических идеологий: специфика концептологического подхода // Политическая концептология. 2012. № 3. С. 212–227; Воловников В.Г. Указ. соч. С. 90–94. Термин «конквистадорский» использован в работе Схиммельпеннинка ван дер Ойе Д. Указ. соч. (авторизированный перевод с английского – Н.Мишаковой).

² Термин «конквистадорский империализм» автор использует для обозначения идеи об имперском завоевании ради самого завоевания, которая стала выражением очень агрессивного направления в политике царского правительства в отношении Азии. См. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 40–41.

³ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 40–41.

⁴ Цит. по Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 51.

рассказам Николая Михайловича будущий российский самодержец заразился идеей покорения азиатских народов¹.

В этом вопросе мнение североамериканского ученого расходится с точкой зрения ряда отечественных исследователей. Так, Мультатули П.В. утверждает, что «Большая Азиатская программа» стала закладываться в планах Николая II еще до его вступления на престол². Путешествие на Дальний Восток впечатлило будущего императора, его потрясли сила, внутренняя мощь этой обширной территории. Именно это, а не какие-либо идеологии, как отмечает автор, обратили внимание наследника престола на этот регион.

Возвращаясь к работе Схиммельпеннинка, отметим, он считал, что Н.М. Пржевальский был одним из наиболее красноречивых выразителей примитивной жажды завоевания в России. Автор подчеркивает, что его «конквистадорский империализм» со стремлением к порабощению представляет собой один из элементов, лежавших в основе российской политики на Дальнем Востоке в начале правления Николая II. Однако ее последствия, как показали события 1904–1905 гг., были поистине катастрофическими³. Между тем в работе отмечено, что наличие такой концепции не является исключительной чертой России. Политика многих развитых держав в отношении Дальнего Востока имела схожий характер.

Стоит отметить, что изучение концепции «конквистадорского империализма» в России сквозь призму взглядов Н.М. Пржевальского интересно, ново и актуально. Ряд современных отечественных исследователей взяли эту идею в разработку. Писали о Н.М. Пржевальском и его внешнеполитической концепции как особом направлении внешнеполитической

¹ Там же. С. 59.

² Мультатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917). М., 2012. С. 207.

³ Там же. – С.61.

идеологии такие российские историки, как Андреев А.И.¹, Воловников В.Г.², Макаренко В.П.³. Интересно, что все они ссылаются на рассматриваемую нами монографию Схиммельпеннинка.

Если же сравнивать данное исследование с более ранними достижениями исторической науки по этой теме, то необходимо подчеркнуть следующее. Так называемая «идеология Пржевальского» долгое время не была предметом отдельного изучения. Это объясняется тем, что, как правило, выразителями идеи политики захватов на Дальнем Востоке называли Николая П., А.М. Безобразова или Е.И. Алексеева. Новизна исследования Дэвида Схиммельпеннинка ван дер Ойе в контексте рассмотрения указанной проблемы, на наш взгляд, заключается в том, что он смог на основе анализа многочисленных источников показать активную политику России на Дальнем Востоке как продолжение именно конкретной концепции развития. Более того, проведя параллели с аналогичными идеями на Западе, автору удалось доказать, что такая активная политика России на Дальнем Востоке была сродни политике других европейских держав. Следовательно, самодержавная Россия шла путем европейского колониализма. Подобная общемировая тенденция, как известно, испытала крупнейший кризис в виде Первой мировой войны, а, следовательно, русско-японская война стала ярким предвестником надвигающейся катастрофы, и ее действительно можно назвать «Мировой войной под номером ноль»⁴.

¹ Андреев А.И. Указ. соч. С. 67.

² Воловников В.Г. Указ. соч. С. 91.

³ Макаренко В.П. Научно-обывательское знание – интеллектуально-политические моды? // Политическая концептология. 2009. № 2. С. 18.

⁴ Именно под названием «The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero» в 2007 г. вышел двухтомник статей историков-исследователей проблемы из разных стран. По сути, появление такого исследования ознаменовало новый этап в изучении русско-японской войны 1904–1905 гг. и внешней политики России накануне. См. Kowner R. Between a colonial clash and

Второй концепцией внешней политики России на рубеже XIX–XX вв. является т.н. «восточничество». Согласно этой идеи, судьба России тесно связана с Востоком. Однако, если исходя из первой Россия – страна западная, и Восток для нее – объект для завоевания, то вторая концепция предполагала наличие той общности, которая объединяла Россию и Азию.

Схиммельпеннинк в своей работе заявляет о том, что поворот России к Востоку был связан с решением Александра III о строительстве Транссибирской железной дороги¹. Среди славянофилов появились те, которым стало казаться, что будущее России лежит именно в Азии. Эта группа людей, идейным вдохновителем которой был Э.Э. Ухтомский, получила название «восточники». Автор исследования показывает степень влияния идей «восточничества» на российского самодержца через призму взглядов и развитие карьеры Э.Э. Ухтомского. Свои выводы Схиммельпеннинк делает на основе анализа многочисленных неопубликованных источников из архивов ИРЛИ, РГИА, ГАРФ, АВПРИ, РНБ, РГВИА, СПбФ АРАН, РНБ², работ самого Э.Э. Ухтомского (например, «Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (1890–1891 гг.)», «От Калмыцкой степи до Бухары», «К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку» и др.), а также ряда зарубежных³ и отечественных⁴ исследований.

World War Zero: The Impact of the Russo-Japanese War in a global perspective // The Impact of Russo-Japanese War. L., N.Y., 2007. PP. 1–25.

¹ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 71.

² См. название конкретных фондов по каждому архиву Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 95–100.

³ Например, Webb J. The Harmonious Circle: The Lives and Work of G.I. Gurdjieff, P.D. Ouspensky, and Their Followers. N.Y., 1987; Lieven D. Указ. соч.

⁴ Например, Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Л., 1928; Рыбаченок И.С. Дальневосточная политика России 90-х гг. XIX в. на страницах русских газет консервативного направления // Внешняя политика России и общественное мнение. М., 1993.

В 1890–1891 гг. Э.Э. Ухтомский сопровождал цесаревича Николая на Дальний Восток. С 1896 г. он являлся издателем «Санкт Петербургских ведомостей», и за первое десятилетие редакторства Ухтомского, как отмечает Схиммельпеннинк, газета завоевала репутацию самого авторитетного издания по азиатским вопросам¹. В 1896 г. Э.Э. Ухтомский сопровождал Ли Хунчжан почти по всей поездке, когда тот приехал на коронацию Николая II, и принял участие в переговорах о строительстве Транссибирской магистрали на территории Манчжурии. Кроме того, он был назначен председателем Русско-Китайского банка. Автор отмечает, что Э.Э. Ухтомский сильно сблизился с С.Ю. Витте, который также видел большие перспективы России на Дальнем Востоке². Однако, как показано в работе, после боксерского восстания и неудавшейся роли посредника в переговорах роль и влияние Э.Э. Ухтомского снизилась. Николай стал склоняться к иному курсу во внешней политике.

В работе отмечено, что всё же «восточничество» не было полной противоположностью «конквистадорского империализма». Э.Э. Ухтомский не призывал отказываться от аннексий на Востоке. Он предсказывал, что царь в конце концов присоединит Китай к своим владениям, но такое присоединение произойдет мирным путем, согласно логике общего наследия и схожих интересов. Даже Николай II иногда соглашался с такими мыслями. Министра финансов С.Ю. Витте эти идеи устраивали, поскольку они поддерживали его собственные амбициозные замыслы в отношении Дальнего Востока³.

Автор вполне правомерно отмечает, что «восточничество» Э.Э. Ухтомского никогда не было основным движущим фактором российской политики на Дальнем Востоке. Однако оно отразило определенные представления двора и образованной общественности о месте России в мире. Более того, перед лицом растущего соперничества за влияние на Дальнем Во-

¹ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 80–81.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 94.

стоке «восточничество» было привлекательной доктриной, поскольку в ней Россия выступала в качестве если не спасительницы, то соратника и доброго соседа.

Схиммельпенник показывает истинное влияние этих идей на определение курса внешней политики. Вдохновленный такими личностями, как Э.Э. Ухтомский, император начал вести крайне рискованную политику на Востоке, кульминация которой наступила в момент катастрофического столкновения с Японией в Маньчжурии. В итоге «восточничество» как элемент российской политики пошло ко дну вместе с российским флотом в Цусимском проливе¹. Таким образом, эта концепция развития внешней политики Российской империи не выдержала испытание войной с Японией. Тем не менее, ее влияние надолго пережило революцию 1917 г. На протяжении всего XX в. русские продолжали верить, хотя и пользовались при этом другой политической терминологией, что их страна едина с Востоком в борьбе против упадочного, меркантильного Запада.

Такое подробное изучение идей Э.Э. Ухтомского и их влияния на внешнюю политику Российской империи в западной историографии было сделано впервые. Интересно, что и в отечественной исторической науке этой проблеме уделялось не так много внимания. В большинстве случаев идеи Э.Э. Ухтомского лишь упоминались в контексте дальневосточной политики в указанный период².

Между тем, в современной отечественной историографии стали появляться работы, целью которых является комплексное осмысление идей этого мыслителя. К ним можно отнести исследования В.В. Суворова. Он называет Э.Э. Ухтомского одним из инициаторов дальневосточной политики

¹ Там же.

² Например, Чернов К.Н. Россия – Восток во взглядах Н.М. Пржевальского и Э.Э. Ухтомского // Мир Евразии. 2010. № 1 (8). С. 66; Мультатули П.В. Указ. соч. С. 210.

России, который побуждал Николая II к распространению влияния России в этом регионе не путем колониальной экспансии европейских держав, а осуществляя цивилизаторскую миссию пробуждения Востока¹. Вряд ли можно сказать, что деятельность князя и его идеи имели столь сильное влияние на процесс выработки и принятия решений, однако они соответствовали общему вектору развития общественно-политической мысли конца XIX в. Эта идея и объединяет работы канадского исследователя и российского ученого.

Третья концепция развития внешней политики Российской империи, по мнению Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе, была ближе к идеям восточников. Связана она с именем выдающегося деятеля эпохи С.Ю. Витте, и в литературе, как отечественной, так и зарубежной, известна под названием «*penetration pacifique*» или идея «мирного проникновения» на Дальний Восток. Сразу отметим, что из всех представленных систем, данная концепция является наиболее изученной. Среди отечественных исследований, на которые ссылается автор, можно назвать работы Тарле Е.В. «Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики»², Игнатьева А.В. «С.Ю. Витте – дипломат»³, Ананьича Б.В. и Ганелина Р.Ш. С.Ю. «Витте – мемуарист»⁴ и Корелина А.П. и Степанова С.А. «С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат»⁵.

Как и многие исследователи, Схиммельпеннинк отмечает тот факт, что С.Ю. Витте обладал глубоко современным видением империи⁶. Вместе со

¹ Суворов В.В. Князь Э.Э.Ухтомский: жизнь, деятельность, идейное наследие : Дис. ... канд. истор. наук. Саратов, 2011. С. 198.

² Тарле Е.В. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. Л., 1927.

³ Игнатьев А.В. Указ. соч.

⁴ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте – мемуарист. СПб., 1994.

⁵ Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998.

⁶ Там же. С.105.

своими соотечественниками и современниками, он выступал за решительную экономическую экспансию на Тихом океане. Однако его идея «мирного проникновения» для России того времени была уникальна. Тогда как англичане, немцы и другие европейцы понимали роль инвестиций, железных дорог и банков в схватке за Азию, российское правительство недооценило важность новых методов и средств борьбы за контроль над нужными и важными территориями.

Автор отмечает, что близость двух концепций («восточничества» и «мирного проникновения») привела к тесному сотрудничеству С.Ю. Витте и Э.Э. Ухтомского. Однако, как отмечено в работе, министр финансов вряд ли считал Российскую империю восточной страной. Несмотря на увлечения идеями славянофильства в молодости, он выступал за современную Россию, которая сможет на равных конкурировать с Западом. К сожалению, С.Ю. Витте был единственным видным сторонником тихого проникновения в Восточную Азию на рубеже XIX–XX вв. Оказавшись в политической изоляции, вызванной в значительной степени особенностями самодержавного строя, он не смог в полной мере осуществить свою программу реформ и вывести страну из экономического и политического застоя. Это, в свою очередь, привело к падению престижа России на международной арене.

И последняя, четвертая концепция, которой уделяется внимание в работе Схиммельпеннинка, связана с так называемой «желтой угрозой». Канадский исследователь доказывает, что представления о «желтой угрозе» не играли в восточноазиатской политике на рубеже веков столь важной роли, как идеи, обсуждавшиеся выше, но они составляли скрытое интеллектуальное течение, влияние которого ощущалось в Петербурге¹. Ведущим сторонником этого течения в официальных кругах автор называет генерала А.Н. Куропаткина.

¹ Там же. – С.139.

Впервые термин «желтая угроза» или «желтая опасность» появился в 1880-х гг. во Франции под воздействием ряда военных неудач этой страны в Индокитае¹. Французский публицист Поль Леруа Болье впервые употребил это выражение по поводу пробуждения Востока, особенно Китая и Японии, и таким образом предостерегал о скором нашествии желтой расы на Европу. В России страх перед тем, что на территорию российского Дальнего Востока может хлынуть гигантский поток рабочей силы из Азии так же возник в 80-х гг. XIX в.

Выделяя четыре концепции, Дэвид Схиммельпеннинк ван дер Ойе стремится показать определенные закономерности развития внешней политики России на рубеже веков. Вместе с тем в работе предпринята попытка доказать, что как бы ни отличались эти идеи друг от друга по методам и степени влияния на царя, целью всех четырех был Восток, куда устремилась не только Россия, но и весь мир.

Если, при рассмотрении развития внешней политики России в Азии и на Дальнем Востоке Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе выделяет четыре концепции, то в работе американского ученого Д. МакКензи «Имперские мечты в столкновении с реальностью, 1815–1917 гг.» формулируется тезис о существовании одной империалистической идеологии, основанной на идеи «бремени белого человека». В отличие от предыдущего исследователя, МакКензи не разделяет идеи Н.М. Пржевальского, Э.Э. Ухтомского, А.Н. Куропаткина или С.Ю. Витте, поскольку все эти представители общественно-политической мысли видели будущее развитие России именно на Востоке. В качестве доказательства своей идеи он приводит следующие факты. Н.М. Пржевальский пропагандировал идею о том, что жители Монголии и Синьцзян желают стать российскими подданными². Известный отечественный китаевед

¹ Чжинцин С. Китайская политика в русской публицистике конца XIX – начале XX века: «желтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке. М., 2008. С. 75.

² MacKenzie D. Указ. соч. Р. 136.

В.П. Васильев еще в 1883 г. выдвинул концепцию об особой миссии России на Востоке. Выдающийся российский философ В. Соловьев провозгласил идею о том, что Россия должна активизировать свою политику в Азии для того, чтобы защитить европейцев от «желтой угрозы». Князь Э.Э. Ухтомский заявлял о том, что азиатские приграничные районы вскоре станут домом для русских. С.Ю. Витте использовал идеи восточников (под которыми автор подразумевает всех выше упомянутых) и развил их далее. Фактически, он создал свою теорию экономического империализма, основанную на доминировании России в Манчжурии и северном Китае при помощи Транссибирской магистрали¹. Такой взгляд МакКензи схож с выводами, к которым пришел Б.А. Романов, который утверждал, что, по сути, никакие концепции не могли изменить сущности самого империализма².

В продолжение темы отечественной историографии отметим, что точка зрения современных ученых несколько отличается от позиций советских историков. Так, например, А.В. Ремнев, на настоящий момент один из самых авторитетнейших исследователей истории Дальнего Востока, считает, что в имперской России конца XIX в. существовали две основные концепции: «цивилизационная миссия России в Азии и «желтая опасность», от которой Россия должна защитить Европу»³.

Идею двух концепций находит свое отражение в работах Хвостовой И.А., в которых речь идет о борьбе двух группировок. В первую входит А.М.

¹ Ibid. P. 137.

² См. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М., 1947. С. 72.

³ Цит. по: Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 357.

Безобразов и его клика, во вторую – С.Ю. Витте, В.М. Ламздорф и частично А.Н. Куропаткин¹.

О двух возможных направлениях развития дальневосточной политики говорит и К.Н.Чернов. Однако, в отличие от И.А. Хвостовой, к сторонникам активной внешней политики он относит Н.М. Пржевальского и его колониальный экспансионизм. К партии мира он причисляет Э.Э. Ухтомского с его, как подчеркивает автор, новаторским проектом для российской политической и общественной мысли конца XIX в.².

Вместе с тем отметим, что идея Схиммельпеннинка о существовании четырех различных концепций развития внешней политики России на Дальнем Востоке стала активно развиваться в трудах современных отечественных исследователей. Например, профессор В.П. Макаренко в своих статьях³, ссылаясь на работы американского автора, вслед за ним отмечает наличие четырех «идеологий русской дипломатии в Азии». Также, со ссылкой на исследования Схиммельпеннинка, появляются публикации, посвященные отдельным концепциям (например, о «конквистадорском империализме»⁴), существующим в рамках системы четырех идеологий.

Между тем, изучение проблемы мирного проникновения в Китай как отличной от других концепций актуальна в зарубежной историографии. И сегодня интерес молодых ученых на Западе вызывает концепция экономического развития империи, предложенная С.Ю. Витте. Примером

¹ Хвостова И.А. Политическое противостояние в дальневосточном вопросе на рубеже XIX-XX вв.: С.Ю. Витте – А.М. Безобразов // Достижения вузовской науки. 2013. № 5. С.19–20.

² Чернов К.Н. Указ. соч.. С. 66.

³ Макаренко В.П. Моральные концепты политических идеологий: специфика концептологического подхода // Политическая концептология. 2012. № 3. С. 214–215; Он же. Научно-обывательское знание – интеллектуально-политические моды? // Политическая концептология. 2009. № 2. С. 18–19.

⁴ См. Воловников В.Г. Указ. соч. С. 90–94; Андреев А.И. Указ. соч. С. 20.

может служить работа Алекса Трудова «Укрощая дракона: Продвижение Имперской России на Дальний Восток (середина XVI в. – 1905 г.) его историческое значение и последствия»¹. Алекс Трудов называет С.Ю. Витте архитектором внешней политики Российской империи² и показывает, что он выработал новую цель российской дипломатии. Витте утверждал, что именно экономическая, а не военная мощь должна быть ключевым компонентом при формировании геополитической картины. Россия обязана была превратиться в колониальную державу, что позволит ей стать равной державам Запада.

Автор показывает то, на чем основывалась концепция Витте, достаточно верно. Так, он отмечает, что в отличие от западных держав, целью которых было экономическое и политическое подчинение народов Востока, Российская миссия в регионе должна была носить защитный и просветительский характер. В защите своих восточных соседей, входящих в сферу ее влияния, от чрезмерных политических и колониальных претензий других держав и заключалась задача России. В этом заключалась сущность новой формулы российской идеологии, которой постоянно не доставало в предыдущей дальневосточной политике России³. Успех концепции мирного проникновения гарантировал бы России принятие ее в семью развитых промышленных стран Запада. В этом случае Российская империя становится покровителем и защитником азиатов, несущих к тому же и цивилизационную миссию. Вместо прямой аннексии, Витте предлагал вариант, по которому русские и азиаты могли бы мирно сосуществовать и помогать друг другу. Российское мирное проникновение в Азию, таким образом, было попыткой заложить экономически прочные основы на территории Китая с помощью создания «особых отношений» с Пекином.

¹ Trudov A. Указ. соч.

² Ibid. – P.69.

³ Ibid. – P.71.

Между тем, А. Трудов показывает, что такое амбициозное понимание ситуации было несколько ошибочным и привело самодержавие к рискованной и тяжелой одиссее на Дальнем Востоке, которая началась с молниеносного подъема национальной экономики, а закончилась драматическим поражением в русско-японской войне.

Такое достаточно классическое понимание проблем внешней политики России на Дальнем Востоке и оценка деятельности и роли С.Ю. Витте молодым американским историком объясняется главным образом выбором тех источников и исследований, на которые он опирается. Архивные данные Трудов не привлекает, но использует мемуары С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина, дневник Ламздорфа и произведение Э.Э. Ухтомского «Путешествие на Восток...»¹. Среди монографических работ, на которые автор активно ссылается, присутствуют широко известные труды видных западных и отечественных исследователей. Это «Российская дальневосточная политика 1881–1904 гг. Уделяя особое внимание причинам русско-японской войны» А. Малоземова, «Николай II – император Всея Руси»² Д. Ливена, «Дорога к власти: Транссибирская железная дорога и колонизация российской Азии, 1850–1917 гг.» С. Маркса, «Причины русско-японской войны» Я. Ниша, «Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией» Д. Схиммельпеннинка ван дей Ойе, а также «Россия в Маньчжурии (1892–1906 гг.). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма» Б.А. Романова, «Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики» Е.В. Тарле, «Сергей Юльевич Витте и его время» Ананьича Б.В. и Ганелина Р.Ш., «С.Ю. Витте – дипломат» А.В. Игнатьева.

Проблема «желтой угрозы» получила наиболее широкое освещение в современной англо-американской историографии. Ей уделено внимание в

¹ Ibid. PP. 97–101.

² Lieven D. Указ. соч.

исследовании Алекса Маршала «Российский Генеральный штаб и Азия, 1800–1917 гг.»¹, работе Чиа Йин Хсу «Рассказ о двух дорогах: «желтый труд», аграрная колонизация и становление российских дальневосточных рубежей, 1890–1910 гг.»², в многочисленных работах Стивена Маркса³. Во всех работах отмечен тот факт, что хотя и проблемы «желтой угрозы» обсуждалась в российском обществе, но до русско-японской войны она не была фактором, определяющим направление внешней политики Российской империи.

Совершенно иной точки зрения придерживается исследователь А. Касселс. В своей работе «Идеология и международные отношения в современном мире» он говорит о том, что на дальневосточную внешнюю политику России на Дальнем Востоке оказывали влияние идеи панславизма⁴. Автор отмечает, что поворот России к Востоку связан с ее поражением в Крымской войне. Стремясь восстановить статус великой державы, она обратила свое внимание на Восток, вооружившись идеологией панславизма. А. Касселс отмечает, что ее влияние не было значительным и постоянным, но все же именно она привела Россию к войне

Таким образом, рассматривая концепции развития внешней политики России на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии, мы можем отметить следующее. Во-первых, всех исследователей можно условно разделить на две группы: тех, кто говорит о существовании нескольких концепций (например, Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе), и тех, кто не выделяет отдельные идеи, а доказывает наличие одной (например, Д. МакКензи).

¹ Marshall A. Указ соч. Р. 67–107.

² Hsu Ch.Y. Указ. соч. PP. 230–234.

³ См. например Marks Steven G. Указ соч.; Он же. *Conquering the Great East. Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. Armonk, N.Y., 1995.

⁴ Cassels A. *Indeology and International Relations in the Modern World*. L., N.Y., 1996.

Во-вторых, современные историки отмечают сильную приверженность царя различным идеям. Причем те исследователи, которые говорят о существовании разных концепций, объясняют постоянную смену курса во внешней политике, или, по крайней мере, изменение темпов экспансии, сменой симпатий самодержца той или иной идее. Те же, кто считает, что существовала лишь одна концепция – движение на Восток – утверждают, что дальневосточная политика России была обусловлена чисто политическим мотивом – стремлением утвердить свои позиции в данном регионе.

§2. Англо-американская историография о роли Николая II в дальневосточной политике России

За время правления Александра III все более и более упрочивалось влияние России на международной арене. Российская империя на некоторое время получила гарантии спокойствия на внешних рубежах страны, дабы полностью обратиться к развитию внутреннему. Однако эти гарантии не были абсолютными. Необходимо было поддерживать сложившуюся ситуацию и не ввязываться во внешнеполитические авантюры, а за это «время спокойствия» разобраться с внутренними проблемами империи. Об этом говорил и С.Ю. Витте, и П.А. Столыпин, и многие другие. В записке «По поводу турецкого вопроса» С.Ю. Витте пишет: «лучший и вернейший союзник России есть время. Каждый год, прожитый спокойно ... народом равносителен выигрышу хорошего и полезного сражения»¹. Действительно, России того времени как никогда нужны были эти 20 лет покоя. Николай II в самом начале своего правления еще прислушивался к советам тех чиновников, которые заложили основы международного престижа страны при его отце. Однако с течением времени решения молодого императора становились все более поспешными, а действия – опрометчивыми. Почему? В этом отношении для нас интересно мнение современных англо-американских исследователей, которые по-разному оценивают роль императора в определении направления развития внешней политики Российской империи в конце XIX – начале XX вв.

Создавая образ Николая II, профессор Сидни Харкейв в исследовании «Граф Сергей Витте и сумерки имперской России: биография» сравнивает последнего российского императора с его отцом. Он отмечает, что сын мало чем был похож на своего великого царя-миротворца. Там, где Александр III был решителен, Николаю не хватало силы воли. Там, где Александр внушал трепет и даже страх, Николай проявлял снисходительность. Александр III

¹ Цит. по: Игнатьев А.В. Указ. соч. С. 56.

всегда проявлял самостоятельность в делах и решениях, а вот Николай, как считали многие, часто прятался за материнскую юбку, говоря образным языком¹. Среди многих недостатков последнего Романова автор выделяет еще один, значительным образом повлиявший на развитие всех сфер политической жизни. Он заключался в неумении Николая быть истинным главой семьи. Слабость характера императора сразу же почувствовали его дяди и кузены. Более самостоятельные, более напористые, великие князья быстро научились помыкать царем². Это привело к тому, что министрам и чиновникам высокого ранга проще было договориться именно с ними, и через них влиять на царя. В результате этого в нужный момент правительство не смогло выработать единую позицию по какому-либо вопросу, что и привело к печально известным последствиям.

Феликс Патрикеев и Гарольд Шукман в работе «Железные дороги и русско-японская война: война транспортная» так же уделяют внимание личности Николая II и его роли в контексте рассмотрения проблем внешней политики указанного периода. Отметим, что авторы работы характеризуют Николая II как человека средних способностей, неопытного и слабохарактерного³. Его мать, вдовствующая императрица, ее двор и придворная камарилья считали Николая человеком, не способным самодержавно править страной. Ему больше нравилось быть со своей семьей в Царском Селе, чем общаться с министрами в столице и противостоять требованиям общества к переменам. Кроме того, он был упрям и мог действовать импульсивно в своих тщетных попытках показать силу своего характера. Однако мнения и советы других людей часто оказывали на него сильное влияние. Это ярко показали годы, предшествующие русско-японской

¹ Harcave S. Указ. соч. P.59.

² Ibid. P.60.

³ Patrikeeff F., Shukman H. Railways and the Russo-Japanese war: Transporting war. L., N.Y., 2007. P. 18.

войне. В работе отмечено и то сильное влияние, которое оказывал на российского царя кайзер Вильгельм II, который с явным цинизмом и лицемерием поощрял стремление Николая II установить российское влияние на Дальнем Востоке. Между тем в работе подмечено, что и без этого Николай стремился исполнить свою мечту – стать истинным наследником традиции восточной экспансии, неся в Азию христианство.

Влияние личности Николая на внешнюю политику Российской империи показано в различных работах Дэвида Схиммельпеннинка ван дер Ойе. Он отмечает, что Николай вступил на престол слишком молодым и почти неподготовленным самодержцем. Он обладал более беспокойным и противоречивым характером, чем его предшественники¹. Царь, по мнению канадского исследователя, является самой противоречивой фигурой России рубежа веков² (даже по сравнению с С.Ю. Витте, который на тот момент являлся главным архитектором дальневосточной политики). Для периода правления Николая II характерна непоследовательная дипломатия. В доказательство тому автор приводит тот факт, что если с 1815 г. министрами иностранных дел являлись три человека, что с 1894 г. по 1917 г. не менее девяти человек занимали этот пост³. Между тем, автор более сдержан в своих оценках личности Николая II в отличие от многих своих коллег.

Отметим, что при изучении работ современных англо-американских исследователей не было найдено положительных характеристик Николая II как государственного деятеля. С. Харкейв, Ф. Патрикеев, Г. Шукман, Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе перечисляют те отрицательные черты

¹ Schimmelpenninck van der Oye D. Russian foreign policy, 1915–1917 // The Cambridge History of Russia. Voll. II. Imperial Russia, 1689–1917. N.Y., 2006. P. 567.

² Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С.106.

³ Schimmelpenninck van der Oye D. Russian foreign policy, 1915 – 1917 // The Cambridge History of Russia. Voll. II. Imperial Russia, 1689–1917. N.Y., 2006. P. 568.

русского монарха, которые значительным образом повлияли на формирование внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. Отметим, что большинство авторов изученных нами работ приходят к выводу о негативной роли Николая II во внешней политике России. В этом отношении их позиция несколько расходится с точкой зрения советских исследователей¹, согласно которой главной причиной неудач России на международной арене в указанный период является не конкретный правитель, а самодержавие в целом.

Между тем, необходимо отметить, что в современной российской историографии роль Николая II во внешней политике России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. показана не в столь негативном значении. Например, И.В. Лукоянов в своих работах изображает последнего русского самодержца как человека достаточно решительного, умеющего настоять на своем².

О том, что Николай II был достаточно прозорлив, утверждает П.В. Мультатули. В своей работе «Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917 гг.)» он отмечает, что император понимал неизбежность войны с Японией, но в настоящий момент она была ему не нужна³.

Итак, мы видим определенные расхождения в оценке роли Николая II и его взглядах на дальневосточную политику России в современной англо-американской и отечественной историографии.

¹ См., например Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М., 1947. С. 281–300.

² См. Лукоянов И.В. Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.: борьба за выбор политического курса: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2009. С. 32. Автор отмечает, в частности, что именно благодаря твердой позиции русского императора и его прекрасной осведомленности о настроениях американского общества и президента Т. Рузвельта Россия избежала унижительной для великой державы уплаты контрибуции.

³ Мультатули П.В. Указ. соч. С. 278.

§3. Деятельность С.Ю. Витте в контексте рассмотрения внешней политики России на Дальнем Востоке

В данном параграфе мы уделим внимание тому, какую роль, по мнению современных западных исследователей, играл министр финансов С.Ю. Витте во внешней политике России. В первом параграфе настоящей главы нами были рассмотрены различные концепции внешней политики России. Мы склоняемся к тому мнению, что существовало действительно несколько различных взглядов на то, как она должна была осуществляться. Все эти идеи, как мы уже отмечали, имели различную степень влияния на царя и, следовательно, на выбор и корректировку курса. Интересно, что каждая из рассмотренных нами концепций была ведущей в определенный момент времени. Между тем, выбор конкретной идеи определялся скорее субъективными факторами (личностью царя).

Анализ международной ситуации конца XIX века, по нашему мнению, показывает вполне объективную необходимость проведения политики, направленной на поддержание status quo на Дальнем Востоке. Это объясняется тем, что Российская империя в тот период времени не располагала ни финансовыми ресурсами, ни достаточным авторитетом на международной арене для проведения активной внешней политики. Осознавая шаткость и недолговечность с таким трудом выстроенной системы отношений с зарубежными странами, министр финансов С.Ю. Витте всеми силами стремился продлить это «состояние спокойствия» по периметру границ и, особенно, на Востоке для стабилизации внутреннего положения в стране и проведение необходимой внутренней модернизации. Заставив Японию отказаться от условий Симоносекского договора, он получил определенное влияние на китайское правительство, обезопасив тем самым дальневосточные границы. Но С.Ю. Витте только начал свою программу экономических

преобразований, а ее продолжение требовали мира. Новый монарх, как оказалось, этого обеспечить не мог.

Витте всегда был фигурой неоднозначной. Одни его уважали и ценили, другие ненавидели и завидовали. Но практически все понимали, что он, как метко выразился еще один видный деятель эпохи П.Н. Милюков, – «господствующая фигура момента»¹. И это действительно так.

Многие обвиняют Витте в том, что именно он создал такую систему, при которой один неловкий поступок нарушал равновесие сил в регионе, что при такой ситуации война не могла не начаться. Отчасти это так. Однако не стоит забывать о том, что Витте это сам прекрасно понимал и оттягивал начало войны, как мог, дабы накопить достаточно сил. Для России того времени главной задачей было установить контроль над китайской территорией, чтобы не пустить туда западные державы. Наиболее адекватным вариантом осуществления этой цели в рамках той системы было строительство железной дороги. Но строительство Транссибирской магистрали как фактор явной экономической экспансии не мог не вызвать реакцию претендовавшей на влияние в этом регионе Японии. Осознавая это, Витте создал хрупкую систему равновесия в регионе, которую Николай так опрометчиво разрушил. Всю свою несостоятельность как политика самодержец проявил в ходе русско-японской войны. Затеяв кровавую и априори бесперспективную авантюру, Николай II не только не знал, как из нее выйти, но на первых порах даже этого не понимал и не хотел. Однако начавшаяся революция остудила пыл юного монарха, и он вновь обратился за помощью к С.Ю. Витте, который в очередной раз спас самодержавие.

Возникает вопрос: почему же умный, проницательный Витте шел на поводу у царизма? Его экономическая программа так и не была реализована, три революции первой трети XX века минимизировали значение его

¹ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 213.

дипломатических побед, а он все продолжал защищать существующий в стране строй. Вероятно, в рамках той системы он просто не мог вести себя по-иному.

Как же оценивают роль С.Ю. Витте сегодня на Западе? В чем заключалась концепция развития России по Витте? Какова оценка его деятельности за рубежом? В данном параграфе мы попробуем проанализировать взгляды различных зарубежных исследователей и ответить на эти вопросы.

Выше мы уже говорили о работе Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе «Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией». В ней автор сравнивает С.Ю. Витте с Лопахиным — персонажем пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад». По мнению канадского исследователя, министр финансов напоминал Лопехина тем, что большинство современников тоже относилось к нему с презрением. Наделенный почти сверхчеловеческой энергией и способностями, Сергей Юльевич часто плыл против течения, почти в одиночку пытаясь втащить империю, которая только-только вышла из аграрной стадии, в капиталистическую эру¹. В работе документально доказано, что Витте оставил свой след в истории русской внешней политики, особенно в том, что касалось ее устремлений на Дальнем Востоке. Автор отмечает, что, хотя его должность не была напрямую связана с дипломатией, в течение одиннадцати лет на посту министра финансов, с начала строительства Транссибирской железной дороги в 1892 г. и до отставки в августе 1903 г., Сергей Витте был одним из ведущих архитекторов наступательной политики на Тихом океане².

Автор высоко оценивает роль Витте. Он отмечает его глубокое видение империи. Его концепция «мирного проникновения» на Восток была уникальной именно для России. В работе показано, что, хотя подобные идеи на Западе были актуальны и имели более широкое практическое применение, в самодержавной

¹ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 104.

² Там же. С. 105.

России только С.Ю. Витте осознал необходимость использование подобной концепции на Родине. Более того, Витте удалось соединить в своей концепции идеи восточников и цели западников. Схиммельпеннинк подчеркивает, что, несмотря на увлечении идеями славянофилов в молодости, он выступал за современную Россию, которая может на равных конкурировать с Западом¹. Витте не считал империю восточной страной, но между тем ее будущее развитие он видел именно на Востоке.

Как показывает Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе, идеи Витте отражали насущные потребности страны. Но он не просто видел потребности, он понимал, как их можно удовлетворить. Витте был единственным сторонником мирного проникновения на Восток. Он понимал, что не военная мощь, но экономическая экспансия сильнее привяжет к империи приграничные территории других стран и поможет России стать мощной мировой державой. К сожалению, сторонников он так и не смог себе найти.

Что же помешало Витте до конца осуществить свою программу? Почему в 1903 г. он уходит с поста министра финансов? Ответ на этот вопрос предполагает анализ как объективных, так и субъективных факторов. В исследовании показано, что то, к чему так стремился Витте, а именно тесная связь, взаимопроникновение и взаимовлияние российской и западной экономических систем имело оборотную сторону. Россия начала входить в мировую экономику, а, следовательно, стала переживать со всеми странами не только периоды подъема, но и спада. Если в период с 1892 г. по 1900 г. политика Витте имела поразительный успех, и экономика России переживала бурный рост², то уже в 1902 г. провал экономической политики Витте становился всё более очевидным³. Кроме того, уход С.Ю. Витте с поста министра финансов был вызван и рядом субъективных причин. К ним

¹ Там же. С. 105.

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 123.

Схиммельпеннинк относит особый стиль поведения С.Ю. Витте, его «женитьба на разведенной еврейке»¹, и его отношения с Николаем II². Все эти факторы привели к тому, что в 1903 г. Витте был фактически отстранен от дальневосточной политики, хотя и не надолго – до Портсмута, когда Николай осознал, что без него снова не обойтись.

В работе затронута проблема степени виновности Витте в развязывании русско-японской войны³. Безусловно, нельзя сказать, что министр финансов не нес никакой ответственности за ситуацию, которая сложилась к 1904 г. Витте сам понимал, что еще японо-китайская война 1894–1895 гг. была реакцией Японии на строительство Великого Сибирского пути. Однако в то время внимание всех развитых стран устремилось на Восток. Россия не могла не участвовать в этой дипломатической войне, иначе бы у ее дальневосточной границы оказались мощные европейские державы. Россия обязана была опередить их хотя бы на шаг в дипломатии, поскольку отставала на несколько шагов в экономике. Это подчеркивает профессор Схиммельпеннинк, это понимал только Витте.

Высоко оценивает роль С.Ю. Витте и молодой исследователь Алекс Трудов. Он считает Сергея Витте самым способным государственным деятелем в истории имперской России конца XIX в.⁴. Противоречивость его натуры и выдающаяся карьера, как отмечает автор, демонстрируют парадокс российской внутренней и внешней политики, которые были тесно связаны между собой. Несмотря на противоречивые исторические оценки, Витте считается одной из ключевых фигур поздней Российской империи. Вслед за Схиммельпеннинком Трудов называет Витте главным архитектором внешней политики Российской

¹ Цит. по: Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 123.

² Там же. С. 124.

³ Там же. С. 128.

⁴ Trudov A. Указ. соч. Р. 60.

империи¹. В этой роли Витте выработал новую цель российской дипломатии. Он утверждал, что именно экономическая, а не военная мощь должна быть ключевым компонентом при формировании геополитической картины. Он считал, что во второй половине XIX в. отношения России и Запада можно было «полностью сравнить с отношениями между колониями и их метрополиями». Витте твердо верил в возможности рыночной конкуренции, считая, что господство метрополий основывается не на военной силе. Экономика становится главным оружием в борьбе за территории. Поэтому он утверждал, что Россия обязана превратиться в колониальную страну, что позволит ей стать равной державам Запада. Такое видение ситуации, как полагает автор, фактически привело Россию к рискованной и опасной аванюре на Дальнем Востоке, результатом которой стало тяжелое для страны поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг.

Автор показывает, что, предвидя надвигающуюся катастрофу, Витте старался провести, по сути, революционные изменения в структуре имперской власти с самого верха. Безграничное желание и стремление Витте превратить свою отсталую страну с аграрной экономикой в первоклассную современную европейскую державу произвело обратный эффект. Его комплексная программа экономических реформ сломала традиционную структуру самодержавия и в значительной степени способствовала дезинтеграции Российской империи. Именно крушение системы Витте, как считает молодой ученый, привело к печальным последствиям, которые включали не только крупный военный конфликт с Японией, но и революцию 1905 г. и установление конституционной монархии, которая существовала до 1917 г., когда власть взяли большевики².

С. Маркс также считает С.Ю. Витте крупнейшим государственным деятелем эпохи. Он отмечает, что убийство Александра II положило конец эпохе реформ. Александр III и Николай II были политическими реакционерами,

¹ Ibid. P. 69.

² Ibid. P. 60–61.

которые отказались от рассмотрения проблемы самодержавия, которые ввели железные законы, дали новую жизнь и даже увеличили численность тайной полиции¹. Практически единственным министерством, решившимся на проведение значительных реформ, было Министерство Финансов, возглавляемое с 1892 по 1903 гг. С.Ю. Витте. Был введен золотой стандарт, страна была открыта для иностранных инвестиций, которые должны были стимулировать дальнейший промышленный рост. Главным образом благодаря этим усилиям к 1914 г. Россия имела 5-ый в мире по величине промышленный сектор. Как результат, росло благосостояние предпринимателей, увеличилась численность среднего класса и пролетариата.

Но Витте, как показывает автор во многих своих работах, обладал способностью мыслить шире, чем простой чиновник. Автор отмечает еще важную черту министра финансов — умение воплощать идеи в жизнь. Транссибирская железная дорога, золотой стандарт, винная монополия — все эти проекты не принадлежали Витте, но только он смог их претворить в жизнь².

В своих работах Маркс небольшое внимание уделяет взаимоотношениям Витте и Николая II. Он подчеркивает, что поначалу эти две значительные для внешней политики фигуры могли работать вместе, поскольку Николай еще помнил о том, с каким почетом и уважением относился к министру финансов его отец. Однако вскоре, как отмечает Маркс, Николай стал ощущать себя всего лишь сторонним наблюдателем, зрителем пьесы Витте, разыгрываемой на Дальнем Востоке. Слишком сильное влияние Витте на дальневосточные дела стало задевать личные амбиции российского императора³. Именно личная неприязнь к Витте, к его манере общения и к его значительному авторитету привела к смещению и отстранению от дел министра финансов.

¹ Marks Steven G. Historical Context // Understanding Contemporary Russia. L., 2009. P. 54.

² Он же. Указ соч. P. 119.

³ Ibid. P. 139–140.

О Витте как о человеке, ответственном за один из самых динамичных периодов экономического развития России досоветского периода, говорится и в работе Феликса Патрикеева и Гарольда Шукмана «Железные дороги и русско-японская война: война транспортная». Авторы работы называют его наиболее верным защитником политики постепенной экономической эксплуатации Дальнего Востока¹. Его подход к решению задачи строительства железнодорожной сети основывался на идее о том, что стабильность России, а, значит и всей монархии, должна быть обеспечена экономическим развитием страны. Авторы отмечают, что он не был ни реакционером, ни либералом. Он проводил свою собственную политику. В работе не показаны личные мотивы, личная заинтересованность Витте, но создается образ человека, продумывающего всё до мелочей. Скорее всего, как нам кажется, у Витте такой возможности не было, учитывая характер нового самодержца. Ему приходилось решать многие вопросы быстро, иногда облекая в более благопристойную форму авантюрные действия Николая II. К сожалению, данный аспект проблемы своего отражения в работе не нашел.

Наиболее комплексным исследованием, посвященным роли Витте, является работа Сидни Харкейва «Граф Сергей Витте и сумерки имперской России: биография». В ней автор подробно изучает жизнь и деятельность С.Ю. Витте, показывая то влияние, которое он оказал на развитие внутренней и внешней политики. Работу Харкейва можно сравнить с исследованиями А.В. Игнатьева «С.Ю. Витте — дипломат» и книгу Е.В. Тарле «Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики». Для исследования Харкейва характерна большая аналитическая работа в отношении происходящих в Российской империи рубежа XIX-XX вв. событий, основанная на большом количестве опубликованных источников.

¹ Patrikeeff F., Shukman H. Указ. соч. Р. 18.

К тем же выводам приходит в своем исследовании Ф. Вчисло, профессор Университета Вандербильта. В работе «Рассказы об имперской России: жизнь и время Сергея Витте, 1849–1915 гг.»¹, созданной с использованием многочисленных источников², автор утверждает, что успехи российской внешней политики на Дальнем Востоке были связаны именно с Витте, а ее провал – с желанием Николая II поскорее избавиться от неудобного чиновника.

С.Ю. Витте действительно был противоречивой фигурой. Оценка его деятельности всегда была неоднозначной. Если мы обратимся к таким более ранним работам, как, например, Small «Паломничество С. Ю. Витте в Портсмут»³ или Струве П. «Графъ С.Ю. Витте. Опыт характеристики»⁴, то увидим, насколько полярны были мнения в отношении этого человека. В советское время вопрос о степени виновности Витте в развязывании трагичной для русского народа русско-японской войны 1904-1905гг. был одним из основных предметов споров в исторической науке.

В российской исторической науке о С.Ю. Витте написано много. Условно все работы можно разделить на четыре группы. К первой отнесем публикации, посвященные личности министра финансов⁵. Ко второй – работы, в которых

¹ Wcislo W. Tales of Imperial Russia: The Life and Time of Sergei Witte, 1849–1915. N.Y., Oxford, 2011.

² документы Бахметьевского архива российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета, материалы РГИА. Ф. 40, 199, 229, 237, 239, 241, 268, 272, 560, 563, 564, 573, 575, 1276, 1327, 1544, 727, 864, 966, 1622, опубликованные работы С.Ю. Витте, дневники Николая II, В.Н. Ламздорфа, А.В. Богдановича и др.

³ Small Паломничество С. Ю. Витте в Портсмут. СПб., 1906.

⁴ Струве П. Графъ С.Ю. Витте. Опыт характеристики. Москва, 1915.

⁵ См., например, Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С.32–52; Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999; Гиндин И.Ф. С.Ю.Витте как государственный деятель // Сергей Юльевич Витте – Государственный деятель, реформатор, экономист. М., 1999. Ч.1. С. 49–110; Глебова И.И. "Образ"

изучается экономическая деятельность Витте¹. Тема железнодорожного строительства нами отнесена к третьей группе². В четвертую группу входят

С.Ю.Витте в отечественных документальных публикациях // Сергей Юльевич Витте – Государственный деятель, реформатор, экономист. М., 1999. Ч.2. С. 123–142; Игнатъев А.В. Публицистическая деятельность С.Ю.Витте // Вестник Российского университета дружбы народов. 1996. № 1. С.91–97; Корелин А.П. Сергей Юльевич Витте // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С.8–47; Михайлец Г. Иуда России, спаситель России? // Босс. 2003. № 8. С.122–127; Ильин С. Витте. М., 2005.

¹ См., например, Ананьич Б.В. С.Ю.Витте и П.А.Столыпин – российские реформаторы XX столетия: Опыт сравнительной характеристики // Звезда. 1995. № 6. С. 104–108; Блажих И.А. Экономические взгляды С.Ю.Витте // Сергей Юльевич Витте – Государственный деятель, реформатор, экономист. М., 1999. Ч.1. С. 179–208; Герасимов В. Премьер, которого не хотели слышать: С.Ю.Витте: Страницы истории // Правительственный вестник. 1990. № 52. С. 9; Зайцева Н.Л. Сергей Юльевич Витте – реформатор России // Сб. науч. тр. МСХА: Мат-лы науч. конф. М.: МСХА, 2000. Вып. 4. С.197–202; Курлова С.Ф. Человек, который делал хорошо все, за что брался (Сергей Юльевич Витте и его программа развития России) // ЭКО: Экономика и организация промышленного производства. 1992. № 9. С. 120–127; Красовитов Д.В. Реформы С.Ю. Витте в области железнодорожного строительства // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: Сб. тез. докл. II Новосиб. межвуз. науч. студ. конф. Новосибирск, 1995. С.76; Мартынов С.Д. Государственный человек Витте. СПб., 2006; Полунов А.Ю. Отец золотого рубля: Денежно-финансовая реформа Сергея Витте // Родина. 2003. № 8. С.70–71; Тимошенко А.И. Концепция развития Сибири (конец XIX – начало XX веков) // ЭКО: и организация промышленного производства. 1994. № 4. С. 121–141.

² См., например, Букин А. Железная ось империи // Деловые люди. 2004. № 3 (156). С. 108–111; Зензинов Н.А. Строители Китайской Восточной железной дороги // Инженеры путей сообщения: железнодорожный путь, мосты, строительство. М., 2007. С. 526–545; Раш К. Дорога и Судьба // Завтра. 2000. № 35/352. С.6; Канн С.К. С.Ю.Витте и создание Комитета Сибирской железной дороги // Вопросы истории Сибири XX века: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2008. Вып.8 С. 13–22; Лукоянов И.В. С.Ю.Витте и планы сооружения Сибирской железной дороги: К предыстории русско-японской

исследования по внешней политике России в конце XIX – начале XX вв. и той роли, которую в ней играл Витте¹. Встречаются как положительные, так и отрицательные оценки его деятельности. Например, И.В. Лукоянов, анализируя деятельность С.Ю.Витте на Дальнем Востоке, считает, что не всегда министру финансов удавалось правильно расставить приоритеты и трезво оценить обстановку². Между тем, многие исследователи сходятся на том, что Витте, по меткому выражению А.Ю. Полунова, был человеком «большой идеи»³. Б.Ю.

войны // Новый Часовой. 1996. № 4. С. 45–52; Мартынов С.Д. КВЖД: политика Витте и русский капитал в Маньчжурии // Годы. Люди. Судьбы: История российской эмиграции в Китае: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию г. Харбина и КВЖД. М., 1998. С.45–47; Хусаинов Ф.И. Железнодорожные страницы в биографии С.Ю.Витте // Бюллетень транспортной информации. 2007. № 10 (148). С.34–40.

¹ См., например, Ананьич Б.В. Запад и Восток в экономической программе С.Ю.Витте // Россия во внешнеэкономических отношениях: уроки истории и современность. М., 1993. С.18–28; Блажнова Т. Граф Полусахалинский и его половина // Карьера. 2001. № 5. С. 66–69; Боханов А. "Русский Бисмарк" // Родина. 1996. № 2. С. 77–82; Верисоцкая Е.В. С.Ю.Витте и российская дипломатия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века // Мат-лы XXI российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония). Владивосток, 2007. С.57–65; Дацышен В. Андреевский флаг над Порт-Артуром // Азия и Африка сегодня. 1998. № 3. С.65–69; Доккю Ч. С.Ю.Витте и Р.Р.Розен: Два взгляда на политику России на Дальнем Востоке (1895-1903) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Докл. междунар. науч.-практ. конф. М., Иркутск, 1995. С.125–130; Игнатъев А.В. Указ. соч.; Игнатъев А.В., Субботин Ю.Ф. Под гром пушек: С.Ю.Витте и договоры 1904 и 1905 годов с Германией и Японией // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С.319–336; Краснова Л.И. С.Ю.Витте и российский Дальний Восток // Международные отношения в тихоокеанском регионе в XIX-XX веках. Хабаровск, 1997. С.88–102; Мартынов С.Д. Витте-дипломат. Поручение в Портсмуте // Звезда. 2003. № 7. С.143–157.

² Лукоянов И.В. Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.: борьба за выбор политического курса: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2009. С.24.

³ Полунов А.Ю. Указ. соч. С.71.

Кагарлицкий утверждает, что, будучи всего лишь министром финансов, Витте удалось сосредоточить в своих руках огромную власть, которая далеко выходила за пределы его полномочий¹. Ему вторит С.Д. Мартынов и формулирует некий девиз министра финансов: «мне есть дело до всего»². Этот исследователь, оценивая взгляды Витте, отмечает дальновидность его суждений. Он особо подчеркивает, что этот царский чиновник одним из первых пришел к осмыслению роли России как азиатской державы³. Очень точно о нем сказал А.Н. Боханов: «этот сановник оказал заметное, а во многих случаях определяющее воздействие на различные направления внутренней и внешней политики России, стал олицетворением возможностей и бессилия мощной авторитарной самодержавной системы»⁴.

Сегодня на Западе большинство ученых говорят о выдающейся роли С.Ю. Витте. Во многих исследованиях, посвященных внешней политике, показана его скорее созидательная роль. Созидательная – по отношению к государству, которому он служил. В отличие от многих своих современников он не просто видел основные тенденции развития, не просто понимал необходимость реформ - он сам проводил эти реформы и претворял в жизнь невозможные для остальных идеи. Современные западные историки видят трагедию С.Ю. Витте в том, что его характер, амбиции, энергия невозможно было применить в полную силу в условиях российского самодержавия. В стране, где все зависело от царя, практически невозможно было проводить свою политику. Тот факт, что Витте долгое время это все же удавалось делать, только усугубило его же ситуацию и ухудшило положение при дворе.

¹ Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М., 2009. С. 390.

² Цит. по Мартынов С.Д. Государственный человек Витте. СПб, 2006. С. 240.

³ Там же. С. 242–243.

⁴ Боханов А. Указ. соч. С. 77.

Наиболее крупные ученые, такие как Сидни Харкейв, Дэвид Схиммельпеннинк ван дер Ойе, Стивен Маркс, утверждают, что Витте не выдумывал ничего нового. Его видение ситуации, его понимание направления движения, его конкретные действия находились в русле мирового развития. Но если на Западе эти идеи и тенденции выходили на государственный уровень и находили общественную поддержку, то в России Витте оказался один. С 1903г. он уже не мог проводить свой курс в полной мере. Его звали тогда, когда никто не брался за решение безнадежной проблемы. Именно поэтому в его действиях есть ошибки, а некоторые решения могут показаться непоследовательными, но у него действительно не было сильных сторонников. Витте не смог ни стать частью системы в полной мере, ни побороть ее. Как истинный сторонник самодержавия об этом он даже и не думал.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, современные зарубежные исследователи отмечают то, что Российская империя, вступив в новую экономическую эпоху, вслед за многими странами начала разрабатывать определенную идеологическую основу для своей внешнеполитической деятельности. Некоторые исследователи считают, что существовало несколько концепций, и их смена приводила к смене курса. Другие же полагают, что существовала лишь концепция движения на Восток в духе московских царей, и в конце XIX – начале XX вв. темп этого движения ускорился, что было связано как с объективными процессами (быстрое экономическое развитие России и мира), так и с субъективными факторами (личностью царя и высокопоставленных сановников).

Во-вторых, современные англо-американские исследователи сходятся в оценке роли Николая II. В многочисленных работах отмечается склонность Николая II к различным авантюрам, постоянная смена политических «фаворитов» (которая приводила к постоянным сменам внешнеполитического курса), его неумение просчитывать последствия собственных решений. В ряде работ появляются попытки анализа его действий с точки зрения психологии. В

целом же, исследователи отмечают, что именно Николай II, оказавшийся на российском престоле в столь трудное для страны время, своими действиями привел страну к войне 1904–1905 гг., которая имела драматические последствия как для международного статуса России, так и для всей империи.

В-третьих, стоит отметить единодушие в оценке роли Витте во внешней политике империи современными англо-американскими авторами. Высоко оценивая его заслуги, авторы отмечают, что именно самодержавие не дало полностью раскрыться политическому гению Витте. Ему не удалось до конца провести внутреннюю модернизацию, что неизбежно повлекло за собой потерю международного престижа. Между тем, он несколько раз спасал империю, продлевая агонию режима еще на десятилетие. В работах отмечается, что Витте был современным государственным деятелем, его предложения и преобразования отвечали духу времени, но он не был услышан и понят.

Говоря подробнее о субъективных факторах, стоит обратить внимание на ту солидарность современных зарубежных исследователей, которую они выражают относительно роли и значения двух ключевых фигур во внешней политике России – Николая II и С.Ю. Витте. Именно анализ их противостояния в современной западной исторической науке зачастую становится основой для понимания причин развития внешней политики и ее результатов.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что в качестве одного из главных факторов определения внешней политики многие исследователи выделяют сложившееся в России самодержавие, которое самым негативным образом повлияло на изменение положения Российской империи на международной арене на рубеже XIX–XX вв.

Глава II

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ 1894–1904 гг.

§1. Последствия японо-китайской войны 1894–1895 гг. и активизация внешней политики России на Дальнем Востоке

Японо-китайская война 1894–1895 гг. – интереснейшее событие, на наш взгляд, с точки зрения тех изменений, которые она вызвала. Военная победа Японии с одной стороны и ее дипломатическое поражение с другой создали непростую ситуацию на международной арене. Япония заявила о себе как об агрессивной державе, стремящейся распространить свое влияние на континент, что неизбежно привело ее к столкновению (пока дипломатическому) не только с Россией, но и с другими европейскими державами.

По сути, именно с японо-китайской войны 1894–1905 гг., а точнее, с того момента, когда Россия вместе с другими иностранными державами вынудила Японию отказаться от завоеванных в войне позиций, происходит постепенное изменение внешней политики страны. Если ранее на первом месте для Российской империи были отношения с Европой и Ближним Востоком, то теперь основное внимание смещается на Дальний Восток.

Однако этот регион притягивал не только российское внимание. Дипломатическая борьба на Дальнем Востоке в конце XIX века развернулась с огромной силой. Если после попытки Японии совершить переворот в Корее и превратить её в колонию (1884 г.) и китайско-французской войны (1884–1885 гг.) там установилось сравнительное спокойствие, то теперь миру в этом регионе пришел конец. Основной причиной этому послужил быстрый рост японского капитализма, происходивший в специфических условиях развития страны, в которой феодальные и милитаристские элементы обладали огромным

влиянием¹. Наличие феодальных пережитков в деревне, узость внутреннего рынка, стремление феодальной верхушки закрепить в целом архаические порядки в аграрном и политическом строе при постоянной борьбе оппозиционных кланов – все это толкало японское правительство к активной, даже агрессивной внешней политики. К 1894 г. данная ситуация только обострилась, и война Японии была необходима (и в экономическом, и в социальном, и в политическом плане). Вот почему японское правительство мгновенно среагировало на крестьянское восстание в Корее, которое, по сути, стало удачным поводом для развязывания войны с Китаем – своим давним континентальным соперником.

Экспансионистские замыслы японцев распространялась и на российскую территорию. Устами дипломата Оиси Масами они провозгласили идею оттеснения империи Романовых за Урал и превращение Сибири и русского Дальнего Востока в колонию для всех развитых наций². Придавали ли в Лондоне и Вашингтоне серьёзное значение этому обещанию поделиться награбленным или нет, но противоборство России и Японии было, безусловно, выгодно и Великобритании, и США. Поэтому они уже с 90-х гг. содействовали тому, чтобы экспансия Японии развивалась именно в северном направлении.

Огромным влиянием в этом регионе обладала Англия. И значительные экономические интересы, которыми располагал английский капитал на Дальнем Востоке, естественно, вызывали у английской буржуазии серьезную заинтересованность в том, чтобы не допустить здесь усиления какого-либо конкурента³. Англия претендовала на преобладающее влияние на всем Дальнем Востоке – и в Китае, и в Корее, и в самой Японии. Идеалом английской

¹ История дипломатии. Дипломатия в новое время 1871–1914. Т. 2. М., 1963. С. 297.

² История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1999. С. 133.

³ История дипломатии. Дипломатия в новое время 1871–1914. Т. 2. С. 303–304.

политики на Дальнем Востоке был японо-китайский союз под гегемонией Великобритании, который бы позволил создать серьезную угрозу России в этом регионе на случай любых англо-русских осложнений – на Ближнем Востоке или в Средней Азии. Именно поэтому Англия не хотела японо-китайской войны. Однако еще больше она не хотела портить отношений с Японией, союз с которой стал бы реальным противовесом царской России.

В отечественной историографии уже сложился определенный взгляд на последствия пересмотра Симоносекского договора. Многие историки детально рассматривают политику российского министерства иностранных в ходе военных действий, анализируют уже тогда наметившиеся разногласии среди высокопоставленных сановников в определении курса внешней политики страны. Интересна для многих исследователей и позиция Николая II, только что вступившего на престол и еще стремящегося придерживаться того курса, который наметил его отец, а проводил фактически С.Ю. Витте.

В современной англо-американской историографии существует небольшое количество работ, посвященных данной проблеме. Между тем, сегодня появляются исследования, целью которых является осмысление последствий японо-китайской войны. В этой связи мы бы хотели отметить работу С. Пейн «Японо-китайская война 1894–1895 гг.: восприятие разных сторон, вопросы силы и превосходства». Автор называет японо-китайскую войну судьбоносным событием в мировой истории. Отмечая тот факт, что на Западе это событие не находило широкого обсуждения в научной литературе, С. Пейн говорит о ее важности в восточной исторической науке. Эта война не только продемонстрировала слабость Китая в регионе, но и показала Западу, что у него появился сильный соперник в лице современной, быстроразвивающейся Японии¹. Японо-китайская война, как отмечает автор, разрушила гармонию конфуцианского мира, и ее отголоски стали причиной

¹ Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894-1895: perceptions, power and primacy. P. 3.

цепи территориальных и политических конфликтов, в которые оказались втянуты Китай, Япония, Корея и Россия. На наш взгляд это утверждение является достаточно спорным. Сложно говорить о гармонии в Юго-Восточной и Восточной Азии, учитывая, например, экспансионистскую политику династии Цин и две опиумные войны в Китае в XIX в.

Японо-китайская война завершилась подписанием Симоносекского договора, условия которого широко известны в исторической науке. Пейн отмечает, что фактически эти условия означали конец китайскому влиянию не только в Корее, но также и на побережье Манчжурии. К тому же они снижали влияние Цинской империи в Южно-Китайском море, т.к. Япония получала Тайвань и Пескадорские острова. Эти территориальные изменения должны были превратить Японию в настоящую империю¹. Кроме того, как отмечает автор, внушительный размер контрибуции и условия, касающиеся изменений в торговле Китая и его военного потенциала, наносили непомерный ущерб Китаю и заметно принижали его роль в новой расстановке сил на Дальнем Востоке.

Автор обращает внимание на очень интересный факт. По мере развития успеха Японии на полях сражений, постепенно росли ее аппетиты. Но, несмотря на чрезмерно высокие требования, предъявленные к китайскому правительству по окончании войны, японские политики не боялись вмешательства России (которая по вполне очевидным причинам также имела свои интересы в регионе). Представления о том, что Российская империя не будет вмешиваться в японо-китайские отношения, обуславливались, как отмечает С. Пейн, теми ключевыми и дестабилизирующими изменениями, которые произошли в России². Смерть Александра III, вступление на престол неподготовленного к управлению страной Николая II, долгая болезнь и последовавшая за ней смерть Н.К. Гирса, занимавшего пост министра иностранных дел в течение 13 лет (1882–1895 гг.), назначение 75-летнего А.Б.

¹ Ibid. P. 266.

² Ibid. P. 286–287.

Лобанова-Ростовского министром и полная неразбериха в дипломатическом ведомстве – всё внушало японскому правительству уверенность в собственных силах, и японские дипломаты решили, что они смогут извлечь выгоду из сложившейся ситуации.

Пейн отмечает промах японцев в недооценке интересов России в регионе. С 1894 г. российское правительство начало усиливать свое военно-морское присутствие на Дальнем Востоке. К примеру, к моменту подписания Симоносекского договора российский тихоокеанский флот насчитывал уже 30 кораблей. Японцы же понадеялись на то, что преобладание курса сохранена не будет.

Однако шесть дней спустя после подписания Симоносекского договора Россия, Германия и Франция дали Японии «дружеский совет»¹: вернуть Ляодунский полуостров Китаю, а также пересмотреть ряд условий договора. Для нас в этом вопросе интересны размышления автора над тем, кто был инициатором подобного «совета». С. Пейн считает, что, учитывая те события в Российском правительстве, и особенно в министерстве иностранных дел, о которых мы говорили выше, Германия кажется более вероятным зачинщиком².

В отечественной историографии инициатива полностью передается именно России. Изучая мемуары Витте и различные архивные источники, многие отечественные историки пришли к выводу о том, что в выработке внешнеполитического курса неразберихи не было. Безусловно, смена царя и министра иностранных дел вносили свои коррективы, однако человеком, который определял курс внешней политики, был именно Витте. Занимавший свой пост министра финансов еще при Александре III, он как никто другой стремился продолжить намеченную им политику. Именно С.Ю. Витте, и это доказывают многочисленные источники, стремился противостоять Японии.

¹ Ibid. P. 287.

² Ibid. P. 287.

А.В. Игнатъев пишет, что нельзя было допустить утверждения Японии на Ляодунском полуострове, поскольку это несет прямую угрозу России¹. По мнению Витте, «России выгодно иметь около себя соседом своим сильный, но неподвижный Китай»². Исходя из этих соображений, Витте предлагал отбросить мысль о каких-либо захватах, что позволит сохранить добрые отношения с Китаем и соблюсти корректность по отношению к Европе. Бовыкин В.И. продолжает эту идею, утверждая, что настаивая на политики поддержания status quo и выступая против территориальных захватов, он предлагал проводить политику более скрытого экономического проникновения в Китай под флагом территориальной его целостности³. Таким образом, Россия выступит в роли спасителя Китая, который за эту услугу добровольно пойдет на уступки и, в частности, разрешит проведение Сибирской дороги через Маньчжурию⁴.

Как отмечают отечественные исследователи, С.Ю. Витте пытался в этом убедить многих имперских политиков. Добиться положительного результата ему помогли не только дар убеждения и глубокое понимание происходящего, но и уже проделанная А.Б. Лобановым-Ростовским работа по привлечению на сторону России Германии и Франции. С.Ю. Витте в своих мемуарах отмечает, что А.Б. Лобанов-Ростовский «немедленно вошел в соглашение с Германией и Францией, которые изъявили согласие поддержать требование России; затем без промедления Россией был поставлен Японии ультиматум»⁵. Но не стоит думать, что все шло действительно так быстро и слаженно. Так, переговоры с Германией велись в течение нескольких месяцев. Лишь преследуя собственные цели, кайзер согласился поддержать Россию. Правительство Германии,

¹ Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 41–42.

² Витте С.Ю. Воспоминания. Мемуары. Т. 2. М., 1960. С. 45.

³ Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России конца XIX века – 1917 год. М., 1960. С. 26.

⁴ Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 42.

⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. Мемуары. С. 47.

понимая, что сейчас не время, решило подготовить себе почву для будущего захвата военно-морской базы в тихоокеанских водах. Подстрекая Петербург к демаршу, Вильгельм II стремился сделать все, чтобы отвлечь внимание России от Запада и перенести его на Дальний Восток. «Я сделаю все, – писал он Николаю, – все, что в моей власти, чтобы поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России, так чтобы никто не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке»¹. Франция же никак не могла отказать в поддержке: иная позиция означала бы публичное засвидетельствование слабости уже созданного франко-русского союза². Помимо этого, Франция стремилась расширить и упрочить свои позиции в Южном Китае и подорвать влияние Великобритании. В итоге, взяв на себя роль «защитника Китая», 23 апреля 1895 г. Россия совместно с Германией и Францией одновременно, но, что показательно, каждая по отдельности, потребовали от Токио отказа от Ляодунского полуострова. Под давлением японское правительство пошло на уступки, вернув Ляодун Китаю (правда, выторговав 30 млн лян дополнительной контрибуции). В ноябре 1895 г. было подписано японо-китайское соглашение о пересмотре Симоносекского договора.

Не во всех отечественных исследованиях Витте предстает перед нами как инициатор оказания давления на Японию. П.В. Мультатули утверждает, что не С.Ю. Витте, а А.Б. Лобанов-Ростовский предложил Николаю II договориться с японцами о разделе северо-восточного Китая и убедил его в необходимости таких действий, поскольку для России японские захваты есть прямое вторжение в зону ее геополитических интересов³. По-иному автор трактует поведение Франции и Германии в этом вопросе. В отличие от упомянутого нами А.В. Игнатьева, П.В. Мультатули считает, что европейские державы встали на сторону России, так как боялись возможности заключения русско-японского

¹ История русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1997. С. 28–29.

² История дипломатии. Дипломатия в новое время 1871–1914. С. 325.

³ Мультатули П.В. Указ. соч. С.218-219.

союза. Если бы события стали развиваться в подобном ключе, то западные страны не смогли бы вступить в борьбу за раздел китайского пирога, уступив противодействию мощного альянса России и Японии¹.

Возвращаясь к работе С. Пейн «Японо-китайская война 1894–1895 гг.: восприятие разных сторон, вопросы силы и превосходства», стоит отметить мнение автора относительно значения этой войны. По ее мнению, ключевое изменение, к которому привела война, заключается в новом восприятии Японии и Китая на Западе². Жалкий вид некогда великой Китайской империи после поражения убедил западные державы в безнадежности и шаткости ее внутреннего положения. Стало очевидным, что китайское правительство не способно реформировать страну, и, следовательно, каждая держава Запада может действовать вполне самостоятельно, чтобы, с одной стороны, защитить свои интересы, а с другой, избавиться от соперников.

Резко изменилось и отношение к Японии. Вследствие войны, как отмечает автор исследования, западные страны внезапно осознали, что Япония стала равной им по статусу державой, с которой нужно считаться.

Автор приходит к выводу о том, что подобные изменения (С. Пейн характеризует их как «революционные»³) в отношении как Японии, так и Китая имели определенные последствия не только для этих двух стран, но и для России и Кореи, а, затем, и для всего остального мира. События в этом регионе показали, что международная политика становится поистине глобальной.

Развивая тему последствий пересмотра условий Симоносекского договора, С. Пейн обращает наше внимание на дальнейшее развитие русско-китайских и русско-японских отношений как следствие позиции России в отношении Цинской империи. Так, на коронацию Николая II были приглашены

¹ Там же. С. 220.

² Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894-1895: perceptions, power and primacy. P. 296.

³ Ibid. P. 289.

представители Китая (Ли Хун-чжан) и Японии (Ямагато Аритомо). С обеими странами были заключены секретные договоры. Соглашение с Японией касалось Кореи, где фактически устанавливались равные права двух стран¹. Несколько подробнее С. Пейн рассматривает условия договора с Китаем (известного как «Московский секретный договор»). Автор отмечает, что этот договор и последующий договор об аренде Ляодунского полуострова сроком на 25 лет послужили началом крушения Поднебесной. Запад начал требовать и получать многочисленные концессии на строительство и эксплуатацию железных дорог, что привело к фактическому разделу Китая².

Хотелось бы отметить, что при рассмотрении данной проблемы автор фактически игнорирует роль Витте³. Как было уже отмечено выше, Пейн не рассматривала его участие в организации принуждения Японии к пересмотру условий Симоносекского договора. Автор не упоминает С.Ю. Витте и при рассмотрении проблемы заключения договора с Китаем в 1896 г. В работе С. Пейн упоминаются в основном только японские или китайские государственные деятели. Кроме того, на наш взгляд, автор слишком большое внимание уделяет субъективным вопросам. Международный статус любой державы, безусловно, является важным, но не единственным аспектом при изучении вопросов внешней политики. Но даже в контексте рассмотрения этой проблемы, достаточно спорным является мнение автора о том, что именно после японо-китайской войны Япония предстала в глазах западных держав мощной империей. На наш взгляд, и это будет показано далее, такой статус Япония приобрела после русско-японской войны 1904–1905 гг.

¹ Ibid. P. 306–307.

² Ibid. P. 308.

³ Кстати, тоже можно сказать и о работах П.В. Мультиатули и Д. Елисеева. Последний также обезличивает процесс выработки и принятия решений. См. Елисеев, Д. История Японии. Между Китаем и Тихим океаном. СПб., 2009. С. 249–250.

В отличие от С. Пейн уже известный нам Дэвид МакКензи подчеркивает выдающуюся роль С.Ю. Витте в сохранении целостности Китая по окончании японо-китайской войны. Он отмечает, что победа Японии была вполне закономерным явлением, поскольку в течение последних 25 лет эта страна усиленно проводила модернизацию системы государственного управления, армии и флота, в то время как Китай оставался недвижим¹. МакКензи правильно показывает логику Витте, сумевшего понять, что агрессия Японии на самом деле направлена против активизации России в регионе. Симоносекский договор представлял угрозу Транссибирской железной дороги, для охраны которой потребовалось бы стянуть в регион значительные военные силы. Именно для того, чтобы иметь на границе не активно развивающуюся Японию, а тихий и спокойный Китай, Витте начал активно действовать и привлек на свою сторону Германию и Францию². МакКензи отмечает, что это стало возможным благодаря тому, что Витте сумел взять в свои руки внешнюю политику на Дальнем Востоке. Стоит сказать, что автор рассматривает деятельность министра финансов на международной арене с точки зрения экономической выгоды для страны. МакКензи не случайно подчеркивает, что С.Ю. Витте был главным творцом бурного экономического развития России 1890-х гг³. Его дальнейшие действия (договор с Китаем, организация Русско-Китайского и Русско-Корейского банков, и т.п.) автор показывает как отвечающие экономическим интересам Российской империи, которая, главным образом благодаря С.Ю. Витте, извлекла значительную выгоду из японо-китайской войны и усилила свое влияние на Китай и Корею.

Другой исследователь, Дэвид Схиммельпеннинк ван дер Ойе, так же считает, что убежденность Витте в главенствующей роли экономики сформировала его политические взгляды на внешнюю политику. Именно это

¹ MacKenzie D. Указ. соч. Р. 139.

² Ibid

³ Ibid. Р. 140–141.

определило жесткую позицию Витте в вопросе о том, кого поддерживать в ходе мирных переговоров в японо-китайской войне. Автор прекрасно описывает острую дискуссию в российском правительстве, которая развернулась между сторонниками активной внешней политики и союза с Японией, с одной стороны, и теми, кто был приверженцами мирного курса в регионе¹. Он подчеркивает, что именно министр финансов был самым стойким защитником союза с Пекином. Это объяснялось тем, что определенная стабильность и спокойствие в этой стране гарантировало успешную реализацию экономической программы Витте в этом регионе. Именно поэтому важно было сохранить добрые отношения с Цинской империей, которая будет превращаться в рынок сырья и сбыта для России, а также и в экономического партнера против Англии². Именно поэтому, как показывает автор, Россия (а не какая-либо другая страна) начала искать союзников для оказания давления на Японию.

Дэвид Схиммельпеннинк ван дер Ойе хорошо показывает, какие преимущества получила Российская империя от войны 1894–1895 гг. Вмешательство царской России в китайско-японскую войну заслужило благодарность Пекина. И хотя в «тройственной интервенции» также участвовали Франция и Германия, китайские официальные лица хорошо понимали, что Россия руководила усилиями, которые позволили вернуть утраченные территории³. Кроме того, другие западные державы полностью признали влияние России в регионе.

Автор рассматривает дальнейшую деятельность России, направленную на организацию китайского займа и создание Русско-Китайского банка. Он подчеркивает, что страна стала использовать экономические методы, с помощью которых можно добиться гораздо большего влияния. С помощью

¹ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 200–204.

² Там же. С. 204–205.

³ Там же. С. 218.

банков, железных дорог, торговли и другой финансовой деятельности европейские страны распространяли свою власть на различные территории. Целью было приобретение «сфер влияния», которые осуществляли косвенный экономический и политический контроль, не утруждая себя размещением войск и устройством колониальных администраций¹. И, как показывает автор, Витте принял эту модель поведения и начал ее активно использовать.

Хотелось бы отметить и то, что в данном вопросе точка зрения профессора Схиммельпеннинка ван дер Ойе во многом совпадает с позицией Е.В. Тарле² и А.В. Игнатьева³. Ученый подробно анализирует значение встречи Витте с Ли Хун-Чжаном и получение концессия на строительство Китайской Восточной железной дороги, о которой речь пойдет далее. Автор считает, что именно это стало основным достижением России в японо-китайской войне. Фактически, именно Российская империя стала главным победителем в столкновении двух азиатских держав.

Именно строительство Транссибирской железной дороги втянуло Россию в водоворот событий 1894–1895 гг.⁴ – такого мнения придерживается Сидни Харкейв. Он отмечает, что сокрушительная победа Японии потрясла большинство европейских стран и, в особенности, Россию, которые теперь стремились удостовериться в том, что условия мирного договора не повредят их интересам. В свою очередь Китай пытался найти помощь других стран и избежать тяжелых условий мира. В тоже время Япония хотела заручиться поддержкой Запада и предлагала ему пожить за счет Китая. Фактически, как отмечает Харкейв, встал вопрос о существовании Цинской империи,

¹ Там же. С. 222.

² См. Тарле Е.В. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. С. 19–20.

³ См. Игнатьев А.В. Указ. соч. С. 98–102.

⁴ Harsave S. Указ. соч. Р. 60.

которую губили внутренняя слабость и внешнее давление европейского, а теперь и японского империализма.

Вслед за многими исследователями Сидни Харкейв подчеркивает, что в ходе мирных переговоров в Симоносеки перед Россией стоял выбор пути и дальнейшего союзника. Благодаря С.Ю. Витте Российская империя смогла сделать правильный выбор. Уговорив Николая II отказаться от территориальных захватов и заставить Японию пойти на уступки, Витте получил нечто большее – хорошее расположение Китая. Харкейв также показывает активные действия министра финансов в организации займа для уплаты контрибуции и заключении союза с Китаем, целью которого для России было получение концессий на строительство КВЖД и соответственное сокращение стоимости Транссибирской магистрали. По мнению автора, именно благодаря С.Ю. Витте, который, будучи министром финансов, понимал опасность начала войны одновременно со строительством континентальной железной дороги, Россия смогла добиться таких результатов.

О значении японо-китайской войны для России и особенно тех привилегий, которые она смогла получить по ее завершению, говорят Феликс Патрикеев и Гарольд Шукман в своей работе «Железные дороги и русско-японская война: война транспортная». Они отмечают в своем исследовании, что присутствие России на Дальнем Востоке в конце XIX века стало слишком ярким и заметным. Бурное железнодорожное строительство и заключение договора 1896 г. с Китаем нарушало сложившийся баланс сил¹. Это не могло не обеспокоить Японию, которая видела в действиях России скрытую угрозу для занятия достойного Страны Восходящего солнца места в Азии. Небезопасна была Россия и в отношении дальнейшего развития отношений с такой ключевой страной в регионе, как Корея. Авторы полагают, что эти подозрения нельзя было назвать беспочвенными, принимая во внимание

¹ Patrikeeff F., Shukman H. Указ соч. Р. 20.

действия самодержавия в отношении Японии по окончании японо-китайской войны.

Как мы видим, японо-китайская война 1894–1895 гг. по-разному рассматривается и оценивается в современной англо-американской историографии. Ряд исследователей (Дэвид МакКензи, Дэвид Схиммельпенник ван дер Ойе, Сидни Харкейв) считает, что в результате проведения такой политики Россия смогла не только сохранить силы для проведения внутренней модернизации, но и подтвердить статус великой державы, имеющей значительный вес на международной арене. Однако сама по себе политика по поддержанию status quo по периметру страны не могла длиться вечно, поскольку, с одной стороны, заложила основы русско-японского антагонизма, а с другой – не отвечала реалиям времени. В большинстве своем зарубежные историки показывают прямую связь между японо-китайской и русско-японской войной: слишком опасна была в 1895 г. победа российской дипломатии.

В то же время существуют работы (С. Пейн «Японо-китайская война 1894–1895 гг.: восприятие разных сторон, вопросы силы и превосходства»), в которых роль России и Витте в частности не показаны. Основным результатом столкновения между Японией и Китаем, по мнению автора, стало изменение статуса обеих стран в мире и превращение международной политике в политику глобальную. Кроме того, как мы уже отмечали, спорным является мнение автора о том, что именно после японо-китайской, а не после русско-японской войны Япония предстала в глазах западных держав мощной империей.

§2. Цели, задачи и значение строительства Транссибирской железнодорожной магистрали

К концу XIX в. Российская империя была одной из крупнейших держав мира, общей площадью в 21,3 млн. кв. км. Начало активного экономического развития страны в 90-е гг. и стабильность на международной арене позволяли делать положительные прогнозы относительно будущего империи. Однако существовали серьёзные проблемы как во внутренней, так и во внешней политике, решение которых требовало значительных умений, сил и времени. Решить их должна была Транссибирская железная дорога – самое амбициозное предприятие поздней российской империи и один из самых масштабных мирных проектов, когда-либо предпринимавшихся в мировой истории.

Вполне естественным является тот факт, что и сегодня в современной исторической науке появляются различные работы, посвященные проблеме строительства Великого Сибирского пути.

Интересным исследованием указанной проблемы является работа С. Маркса «Дорога к власти: Транссибирская железная дорога и колонизация российской Азии, 1850–1917 гг.». Отметим, что работа написана на основе источников, редких для западных работ. Среди периодических изданий присутствуют, например, такие газеты и журналы, как «Инженер», «Известия императорского русского географического общества», «Известия собрания инженеров путей сообщения», «Железнодорожная газета», «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь», «Восточное обозрение». Кроме того, при написании данной монографии автор использовал материалы ГАРФ¹, ИНИОН, ЛИИЖТ.

В ней он утверждает, что с точки зрения политики, Транссибирская магистраль была продуктом своего времени. Другие державы мечтали о том,

¹ Интересно, что автор использует название ЦГАОР, которое носил данный архив до 1961г.

чтобы железнодорожная сеть служила политическим целям¹. В качестве примера он приводит такие страны как Германию, Италию, Турцию и даже США, где строительство железных дорог способствовало организации территории и объединению страны. В Индии и Африке колонисты строили железные дороги, дабы укрепить контроль над территорией, и приоритетом здесь были – экономические цели². В России же трансконтинентальная дорога была призвана решать целый комплекс взаимосвязанных проблем.

Стоит отметить, что для автора Сибирь является в тот момент времени своеобразной экспериментальной площадкой внедрения схем современного экономического развития, основой которого была Сибирская железная дорога как символ российской модернизации на рубеже XIX–XX вв.³. Экономическое развитие, которому способствовало строительство железной дороги, должно было служить другой, более важной цели – поддержанию внутренней и внешней мощи империи. Автор отмечает и еще одну задачу, которую решала магистраль – необходимость «заполнения вакуума» обширных, малозаселенных сибирских территорий⁴. Эту проблему он подробно рассматривает в своей статье «Покоряя Великий Восток. Куломзин, крестьянские поселения и создание современной Сибири».

По мнению С. Маркса, человеком, которого можно было бы считать вдохновителем колонизации Сибири в конце XIX в., был С.Ю. Витте. Но ответственность за проведение в жизнь идей министра финансов следует возложить на А.Н. Куломзин. Американский ученый даже называет одним из великих колонизаторов во всемирной истории⁵. Стоит отметить, что личности

¹ Marks Steven G. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850-1917. P. 1.

² Ibid. P. 2–3.

³ Ibid. P. 125–127.

⁴ Ibid. P.125.

⁵ Marks Steven G. Conquering the Great East. Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia. P.35.

А.Н. Куломзина посвящено лишь несколько работ. Среди современных отечественных исследователей стоит упомянуть историка А.В. Ремнева, который в своих работах¹ убедительно доказывает, что Витте в своих начинаниях и идеях был не одинок. Профессор С.Маркс развивает эту же идею.

А.Н. Куломзин начал свою службу еще во времена знаменитой «эпохи 1861 года». По духу и воспитанию он был близок к людям этого времени. Куломзин был прирожденным реформатором, но как отмечает автор, расцвет его карьеры пришелся на тот период, когда реформаторские начинания были не в чести². Между тем, его роль в делах Дальнего Востока находит положительную оценку в работах Маркса.

Занимая должность управляющего делами КСЖД в течение 10 лет и будучи его членом³ с 1 января 1899 г., А.Н. Куломзин в своих руках сосредоточил широкие полномочия и большую власть. Но его влияние на дальневосточную политику, как утверждает Маркс, было намного весомее, чем тот пост, который он официально занимал⁴.

А.Н. Куломзин, как и многие другие его соотечественники, понимал, что в течение долгого времени дальневосточным территориям России практически не уделялось никакого внимания с тех пор, как они оказались в составе

¹ См., например Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2. С. 60–73

² Ремнев А.В. Анатолий Николаевич Куломзин // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 27.

³ Как известно, Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД) определял правительственную политику по освоению и развитию Сибири и Дальнего Востока. В условиях неограниченной монархии любое постановление и даже мнение КСЖД моментально приобретало обязательную силу для всех остальных государственных учреждений.

⁴ Marks Steven G. Conquering the Great East. Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia. P. 37–38.

российского государства¹. Вместе с тем, западные и южные рубежи все время находились под пристальным вниманием правительства. Целью своей колонизаторская деятельность в конце XIXв. Куломзин считал успешное завершение строительства Транссибирской железной дороги – магистрали, в задачи которой входило расширение власти Российского государства. Контролируемый процесс переселения крестьян за Уральские горы, помощь в развитии местной промышленности и, как главный результат, возможность привязать огромные территории Сибири и Дальнего Востока к России – те задачи, которые, как отмечает Маркс, и ставил перед собой Куломзин. Проводя политику, направленную на реализацию поставленных задач, этот чиновник не забывал о возможном противостоянии с иностранными державами.

Проблема «желтой угрозы» не остается без внимания С.Маркса. Он утверждает, что она является одним из наиболее значимых элементов дальневосточной политики России не только в указанный период, но и в дальнейшем. Территория страны была заселена неравномерно (см. таблица 1)², что представляло определенную угрозу для ее безопасности. Значительное количество людей Европейской части страны (98 млн. человек) проживало на сравнительно небольшой территории (5,5 млн. кв. км), что в условиях «земельного голода» являлось причиной социальной напряженности. Совсем иначе дела обстояли в Сибири. Здесь обширнейшие территории были практически незаселенны (0,5 человека на 1 кв. км). В качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся в то время в Уссурийском крае, который по своим размерам можно было сравнить с Португалией. При этом если численность населения этой европейской страны насчитывала 5 миллионов человек, на территории Уссурийского края, являющимся стратегически важным

¹ Ibid. P. 26

² Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М., 1973.

регионом, в 1893 г. проживало около 70 000 человек¹. Данную ситуацию усугублял тот факт, что на востоке Российская империя граничила с такими ключевыми странами в регионе как пока еще слабые Китай и Корея и активно развивающаяся Япония. Как полагает американский исследователь, Петербург осознавал стратегическую слабость и уязвимость российско-китайской границы. Это объяснялось диспропорцией китайского и российского населения на Дальнем Востоке². Так, согласно переписи 1897 г. численность китайцев и корейцев в Амурском регионе и Приморье составляла 25% от численности городского населения и 32% от общего числа.

таблица 1

**Соотношение численности и плотности населения в регионах
Российской империи (конец XIX в.)³**

	Площадь территории (млн. кв. км)	Численность населения (млн. человек)	Плотность населения (человек/кв. км)
Российская империя	21,3	128,2	6,01
Европейская часть	5,5	98	17,8
Сибирь	12	5,7	0,5

Такая сложная демографическая ситуация вела к ослаблению позиций Российской империи в этом регионе. Необходимо было заселить эти территории, причем весь процесс миграции жителей империи (а именно, крестьян, которым не хватало земли в центральной части страны) должен быть поставлен под жесткий государственный контроль. Всё это достигалось благодаря строительству трансконтинентальной магистрали, поскольку строительство железной дороги – это не только чисто технический проект, но и

¹ Marks Steven G. Conquering the Great East. Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia. P. 27.

² Ibid. P. 27.

³ Составлено по данным: Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 101, 131. 152.

развитие инфраструктуры региона. По обе стороны от нее неизбежно должны были появиться различного рода предприятия, обслуживающие как саму дорогу, так и людей, проживающих на близлежащей территории. С другой стороны, четкое функционирование такой магистрали требовало привлечения квалифицированных кадров и пристального внимания собственно правительства, что, в свою очередь, сдерживало бы все центробежные тенденции. С.Ю. Витте как никто другой осознавал эти положительные аспекты строительства столь грандиозного сооружения.

Проведение особой политики правительства, во-первых, должно было способствовать противостоянию «желтой угрозе» на Дальнем Востоке, а, во-вторых, помочь в решении проблемы «земельного голода» в Центральной России. Это, в свою очередь, помогло бы ослабить сложившуюся социальную напряженность. Предполагалось, как утверждает профессор Маркс, что Сибирь должна была стать своего рода Америкой, которая в свое время решила проблему большой численности сельского населения в Западной Европе¹.

Профессор С. Маркс отмечает положительные итоги строительства Транссибирской магистрали с точки зрения именно экономики региона. Сооружение Великого Сибирского пути подстегнуло экономическое развитие как Сибири, так и России в целом. Так, в период с 1897 г. по 1917 г. в сельскохозяйственный оборот было введено более 6,8 млн. га. Численность крупного рогатого скота возросло на 38 млн. голов². Усилилась урбанизация в регионе. Например, число жителей одного только Сретенска с 1897 г. по 1900 г. увеличилось на более чем 6000 человек³. Потребности железной дороги

¹ Marks Steven G. Conquering the Great East. Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia. P. 29.

² Он же. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850-1917. P. 207.

³ Ibid. P. 208.

(рельсы, вагоны, паровозы) в несколько раз увеличили объемы производства в тяжёлой промышленности по всей стране.

Называя Сибирь сложным, но важным регионом Российской империи и учитывая всё вышеперечисленное, Маркс, между тем, приходит к достаточно спорному выводу о том, что российская колонизация в этот регион была проявлением геополитической слабости. Он считает, что главным толчком к началу этого процесса было именно стремление к созданию «однородного» государства, а эта идея, в итоге лишь усилила межнациональное напряжение и потребовала отвлечения значительных материальных средств из бюджета страны¹. В итоге резкого пересмотра приоритетов рухнула не только с таким трудом создаваемая в Сибири на Дальнем Востоке база для дальнейшего развития, но и вся империя в целом.

Идею о том, что перед Транссибирской магистралью стояли, главным образом, не экономические задачи, развивает Дэвид МакКензи в работе «Имперские мечты в столкновении с реальностью: царская внешняя политика России, 1815–1917 гг.». Он утверждает, что существовало принципиальное различие между российской экспансии на Восток и действиями ведущих индустриальных стран Европы в этом же регионе. Автор резко критикует дальневосточную политику России, считая, что она была проявлением экономической слабости. Все шаги самодержавия на Дальнем Востоке в указанный период МакКензи называет ни чем иным как ничтожными попытками казаться великой державой².

Свою позицию он объясняет рядом причин. Во-первых, российское правительство не располагало нужным количеством денежных средств, необходимых для реализации программы развития собственных дальневосточных территории (Амурского региона и острова Сахалин), не

¹ Он же. *Conquering the Great East. Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia*. P. 36.

² MacKenzie D. Указ. соч. P. 35.

говоря уже об экономическом проникновении на территорию Китая. Во-вторых, автор утверждает, что российские товары в отличие от тех же европейских были неконкурентоспособными, поэтому смысла в поиске рынков сбыта не было¹. Таким образом, автор приходит к выводу о том, что идея проникновения в Корею и Манчжурию, желание выйти к океану и получить незамерзающий порт основывались не на экономических интересах, а на идеях восточников о великой русской миссии в Азии². Социокультурные и стратегические интересы были для России того времени куда важнее экономических.

С ним согласен И.В. Лукоянов, который отмечает безосновательность надежд на роль Транссибирской железной дороги как транзитной магистрали, соединяющей Европу с Дальним Востоком³. Среди очевидных недостатков Сибирской дороги он называет высокую стоимость провоза грузов, низкую пропускную способность, высокая стоимость строительства. Автор отмечает, что эта дорога нужна была стране больше из стратегических соображений. Но добиться таких целей было практически невозможно из-за слишком масштабной и крайне слабо разработанной мечты С.Ю. Витте о захвате китайских рынков.

Однако такого мнения придерживаются не все отечественные историки. Так, например, А.П. Корелин и С.А. Степанов полагают, что особое внимание Витте уделял тому, какое воздействие железная дорога окажет на экономику страны. Министр финансов отмечал, что если даже не учитывать отдаленные местности, а считать, что экономическое оживление коснется стоверстной полосы по обе стороны дороги, то и в этом случае в хозяйственный оборот были бы вовлечены территории, равные тогдашней Австро-Венгрии, Бельгии,

¹ Ibid. P. 136.

² Ibid. P. 137.

³ Лукоянов И.В. Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.: борьба за выбор политического курса: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. С.24

Германии, Голландии и Дании, вместе взятыми¹. Витте в этом смысле обращал огромное внимание на промышленный потенциал Сибири. По его замыслу, железнодорожная магистраль должна была превратиться в становой хребет сибирской промышленности.

Возвращаясь к работе МакКензи, стоит отметить, что автор всё же говорит о том, что Транссибирская магистраль решала и социально-экономические вопросы. Он пишет о том, что хотя при принятии решения о ее строительстве руководствовались в первую очередь военно-стратегическими соображениями, эта железная дорога открывал широкие возможности для колонизации Сибири, которая, в свою очередь, должна была способствовать оттоку крестьян из Центрально-черноземного района и снятию там проблемы земельного голода².

В отличие от двух предыдущих исследователей Дэвид Схиммельпеннинк ван дер Ойе обращает внимание на то, что Витте как вдохновитель и создатель Великого Восточного пути думал прежде всего об экономических интересах страны. Он в своей работе «Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией» говорит о том, что Витте, будучи министром финансов, понимал необходимость создания производственного сектора в экономике. Для этого государство должно одновременно строить железные дороги, которые будут стимулировать национальную угольную и сталелитейную промышленность, а также машиностроение³. При этом Александр III, при котором началось строительство, исходил из военно-стратегических соображений. Таким образом, в самом начале автор показывает столкновение в видении целей, которые стояли перед Транссибирской магистралью. Именно такое

¹ Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 102–103.

² MacKenzie D. Указ. соч. Р. 139.

³ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 113–121.

расхождения во взглядах привело к тому, что впоследствии при определении методов ведения внешней политики был сделан выбор не в сторону развития экономики.

Еще одним исследованием, посвященным проблеме развития железнодорожного транспорта в Российской империи в контексте внешней политики на рубеже XIX–XX вв., является работа Феликса Патрикеева и Гарольда Шукмана «Железные дороги и русско-японская война: война транспортная».

Авторы отмечают, что на рубеже веков в России началось широкое строительство железных дорог. Темпы этого строительства были необычайно высокими. В качестве примера они приводят тот факт, что КВЖД была построена в рекордно короткие сроки – за 6 лет (1897–1903 гг.)¹. Но КВЖД была всего лишь частью Великого Сибирского пути.

Развитие железнодорожной системы в России, по мнению авторов, имела как свои преимущества, так и недостатки. Феликс Патрикеев и Гарольд Шукман подробнейшим образом анализируют те позитивные результаты, которые приносила и могла принести России Транссибирская магистраль. Они пишут, что до строительства Транссибирской железной дороги можно было добраться из европейской России до Дальнего Востока через Сибирь только верхом на лошади. Такое путешествие длиною в несколько месяцев по российскому бездорожью часто приводило к полному истощению путников. В 1883 г. был открыт морской путь по арктическому побережью России, что сокращало время пути до нескольких недель. Однако возникала сложность – судоходный сезон здесь очень короткий и длится несколько месяцев. Создание же Транссибирской магистрали сокращало путь до одного месяца, впервые за долгое время позволив широким массам добираться до периферии империи².

¹ Patrikeeff F., Shukman H. Указ. соч. Р. 1.

² Ibid. Р. 2–3.

Это привело, как отмечают авторы, к увеличению численности переселенцев из центра в Сибирь и на Дальний Восток.

Рассматривая те преимущества, которые получила Россия от строительства магистрали, авторы обращают внимание на геополитический аспект. Так, они отмечают, что благодаря созданию Транссиба можно говорить о расширении территории российского «хартленда»¹ на Северо-Восточную Азию и о появлении «географической оси» в истории. Россия быстро начала смещать свое внимание с моря на сушу, т.к. теперь с помощью железной дороги перевозка людей и машин стала более быстрой и дешевой, что, в свою очередь, изменила собственно имперский кругозор и, в более широком контексте, стратегическое расположение «хартленда»² в Северо-Восточной Азии.

Ф.Патрикеев и Г.Шукман отмечают, что Транссибирская магистраль способствовала достаточно быстрому, но в то же время, сравнительно спокойному развитию внутренних регионов страны. Помимо этого, она

¹ Термин «хартлэнд» («heartland») ввел в научный оборот Х. Макиндер в докладе «Географическая ось истории», опубликованном в 1904 году в «Географическом журнале» (Mackinder H.J. Указ. соч. РР. 421–432). Макиндер утверждает, что для любого государства наиболее выгодным географическим положением является срединное, центральное. Центральность понятие относительное, и в каждом конкретном географическом контексте она может варьироваться. Но с планетарной точки зрения, в центре мира лежит Евразийский континент, а в его центре – «сердце мира» или «heartland». Heartland это сосредоточие континентальных масс Евразии. Это наиболее благоприятный географический плацдарм для контроля надо всем миром. (Дугин А. Основы политики: Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. Т. I. М., 2000. С. 26.)

² Рассмотрению Транссибирской магистрали с точки зрения геополитики посвящено мало работ. В большей степени, это – исследования по внешней политики России указанного периода. См. напр. Мартынов С.Д. Государственный человек Витте. СПб., 2006. С. 243–248; Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М., 2005. Среди зарубежных исследований стоит отметить широко известную работу Киссинджера Г. Дипломатия. М., 1997.

создавала на территории Манчжурии выгодные для российской коммерции рынки сбыта. На практике же развитие торговли в указанном регионе не было столь сильным и мощным. Авторы обращают особое внимание на то, что главную роль сыграло то, как это активное продвижение России вглубь своей страны и на территорию Манчжурии было воспринято на международной арене, особенно в Японии¹. Здесь создавалось впечатление, что в планах Российской империи находится весь Китай, а не только его северная часть. Экспансия России на Восток с ее масштабным железнодорожным строительством стало представлять угрозу для Японии с ее не менее экспансионистскими замыслами. Авторы полагают, что если бы не было этой железной дороги, масштаб войны не просто был бы меньшим, но ее (самой войны) можно было избежать.

Рассмотрев наиболее крупные исследования в современной англо-американской историографии можно сделать вывод, что все авторы подчеркивают выдающуюся роль Витте в разработке и реализации планов освоения восточных окраин империи. Кроме того мы можем отметить, что в западной исторической науке сложилось представление о том, какие конкретно задачи должна была решить Транссибирская магистраль. Это, во-первых, социально-экономическое освоение региона, импульс для развития национальной промышленности и расширение внутреннего рынка, решение проблемы «земельного голода» в Центральной России. Во-вторых, укрепление авторитета самодержавия внутри страны и за ее пределами. В-третьих, усиление обороноспособности страны на ее дальневосточных рубежах и международного влияния. В-четвертых, обеспечение культурной интеграции данного региона. Однако на вопрос о том, какая конкретная цель являлась первоочередной, современная англо-американская историография не дает однозначного ответа.

¹ Patrikeeff F., Shukman H. Указ. соч. Р.4.

Современные западные историки отмечают, что, несмотря на некоторые успехи, достигнутые при выполнении этих задач, и титанические усилия С.Ю. Витте, начавшаяся экономическая модернизация натолкнулась на сопротивление самодержавия. Последствием этого был уход Витте, смена экономического и политического курса в данном регионе, что привело к печально известным последствиям.

§3. Причины и последствия строительства Китайской Восточной железной дороги

Для России всегда была актуальна проблема построения отношений между центральной частью страны и ее окраинами. Несмотря на то, что продвижение России на Восток к побережью Тихого океана приносило немало выгод, вопрос о том, как сохранить целостность огромной страны, удержать освоенные территории и ослабить центробежные тенденции всегда был насущным. Особенно острой ситуация сложилась в конце XIX в. Это было связано главным образом с тем, что совсем неподалеку от дальневосточных рубежей страны набирала мощь некогда закрытая от всего мира Япония. Кроме того, вследствие особенностей мирового экономического развития европейские страны вынуждены были искать новые рынки сырья и сбыта. Взоры развитых промышленных держав устремились на Китай, относительного мирного и недостаточно сильного соседа России. В Петербурге стали появляться опасения, что в случае военной агрессии России будет крайне затруднительно дать отпор из-за слабой заселенности Сибири и Дальнего Востока и, как следствие, плохо развитой инфраструктуры и хороших дорог для быстрой переброски войск.

Как уже говорилось выше, решить весь этот комплекс внутренних и внешних проблем должна была Транссибирская железнодорожная магистраль, решение о постройке которой было принято еще во времена Александра III. По первоначальному плану, маршрут магистрали проходил исключительно по территории Российской империи, однако в 1896 г. в него были внесены некоторые изменения. А именно, было принято решение о строительстве менее затратной и более короткой ветки Великого Сибирского пути – Китайской Восточной железной дороге. Но такое решение, впрочем, как и сама дорога, вызывали многочисленные споры как среди современников, так и у исследователей этой темы.

Изучая проблему причин и последствий строительства КВЖД, интерес для нас представляют работы профессора С. Маркса. В работе «Дорога к власти: Транссибирская железная дорога и колонизация российской Азии, 1850–1917 гг.» он рассматривает многочисленные аспекты освоения территории Сибири и Дальнего Востока Россией, а также особенности развития сети железных дорог в этом важном со стратегической точки зрения регионе. Автор в своем исследовании уделяет пристальное внимание тем причинам, которые побудили к строительству КВЖД.

Профессор С. Маркс пишет, что в 80-х гг. XIX вв. обсуждение проблемы строительства железной дороги в Сибири в целом и ветки от Владивостока до реки Амур в частности было вызвано несколькими причинами. Во-первых, с помощью КВЖД российское правительство стремилось контролировать процесс переселения крестьян и стимулировать развитие местной промышленности, дабы привязать огромный по территории и отдаленный от центра регион¹. Во-вторых, необходимо было усилить обороноспособность Российской империи на дальневосточном участке границы. В-третьих, предполагалось, что железную дорогу можно будет использовать в качестве средства экономического проникновения на территорию Китая².

Автор утверждает, что идея проведения Сибирской железной дороги по китайской территории стала логическим завершением стратегической мысли 1880х гг.. Она была ключевым элементом решительного наступления и одновременно лучшей защитой³ от так называемой «желтой угрозы», которая, по мнению этого американского профессора, являлась одним из основных

¹ Marks Steven G. Conquering the Great East. Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia. P. 23–39.

² Он же. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850-1917. P. 44–45.

³ Он же. P.45

компонентов российской внешней политики на Дальнем Востоке в течение более чем целого столетия (с 1880-х по 1990-е гг.)¹.

На деле же, как подчеркивает Стивен Маркс, сооружение КВЖД ожидаемых результатов не принесло и поставленных задач не решило, скорее, наоборот, доставило определенные проблемы и нанесло ущерб экономике страны. И дело тут не только в тех колоссальных средствах, затраченных на ее постройку. Продолжая речь об экономическом развитии дальневосточного региона и Сибири при помощи строительства железнодорожной сети, Стивен Маркс рассматривает проблему Амурской железной дороги как антипода КВЖД.

Строительство Амурской железной дороги, заключительного участка Транссибирской магистрали, было приостановлено в 1896 г., когда появилась возможность «выровнить» российскую границу на Дальнем Востоке при помощи КВЖД. Этим достигалось определенное господство над северной Маньчжурией с одной стороны, и создавалась военно-стратегическая линия защиты Амурского и Уссурийского регионов, с другой стороны². Однако, как отмечает профессор Маркс, эффект получился обратным.

Строительство КВЖД задержало развитие региона: крестьяне-колонисты предпочитали селиться в Маньчжурии (где, в итоге и проходила железная дорога), либо остаться в западной и центральной Сибири. Особенно пострадал Владивосток. Из-за КВЖД Транссиб в итоге вел не к российскому порту, а к Желтому морю. Следующим ударом по городу стало решение перенести российскую морскую базу в Порт-Артур, а центр торговли в порт Дальний. И вновь оба находятся не на территории Российской империи, а на Ляодунском

¹ Marks Steven G. Conquering the Great East. Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia. P. 23–39.

² Он же. The Burden of the Far East: the Amur Railroad Question in Russia, 1906–1916. P. 10.

полуострове¹. Как пишет автор, по мнению лондонской газеты «Таймс» из-за КВЖД Транссиб был не магистралью к Владивостоку, а железной дорогой к водам Китая с веткой к Владивостоку².

В результате, строительство дороги на китайской территории фактически привели к упадку Амурского региона, поскольку произошел экономический сдвиг в сторону Манчжурии. КВЖД сместила экономическую жизнь с русского Дальнего Востока в Маньчжурию, интересы огромнейшей и бедствующей российской территории были принесены в жертву китайской провинции.

Говоря о КВЖД, автор отмечает, что эта дорога имела довольно-таки противоречивый характер в военно-стратегическом отношении. Он обращает наше внимание на тот факт, что Совет Министров признавал, что если китайцы или японцы захватят контроль над КВЖД, то они смогут отрезать от России Благовещенск и Хабаровск, фактически лишив страну ее Дальнего Востока. В свою очередь дорога, проходящая исключительно по российской территории, предотвратила бы такие действия³.

В своих работах Стивен Маркс так же подвергает сомнению саму идею т.н. «мирного проникновения» на Дальний Восток. Для него сам факт использования китайской территории для различных стратегических (и в меньшей степени для экономических) целей стал важным, хотя и скрытым, компонентом проекта железнодорожного строительства в Сибири и на Дальнем Востоке⁴. В действительности же, как считает автор, можно предположить, что российские чиновники считали проводимый миролюбивый курс внешней политики в указанном регионе как меру временную. Когда же строительство Великого Сибирского пути будет закончено, Россия сможет разговаривать с

¹ Ibid. P. 11–28.

² Ibid.

³ Marks Steven G. The Burden of the Far East: the Amur Railroad Question in Russia, 1906-1916. P. 11–28.

⁴ Он же. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850-1917. P. 44–45.

китайцами, англичанами и даже японцами с позиции силы¹. В этом точка зрения Маркса схожа с мнением Б.А. Романова² о том, что по своей природе курс Витте мало чем отличался от курса Безобразова – оба этих направления носили захватнический характер. Разница была лишь в отдельных методах.

Тему двух дорог продолжает Чиа Йин Хсу, профессор Университета Портленд. Так, она отмечает, что строительство КВЖД в 1896–1902 гг. и Амурской железной дорогой в 1908 г. отметили последний этап экспансии Российской империи в Восточную Азию и консолидации ее дальневосточных границ. Только если КВЖД – это продвижение «Европы» в «Азию», то Амурская дорога – проявление некоего разочарования как в вопросах «колониального» видения территориальной экспансии, так и в отношении политики русификации окраин³. Демонстрируя разницу между целями и задачами, которые ставились перед двумя дорогами, исследователь утверждает, что строительство Амурской дороги стало явным поворотом к такой политике, целью которой было ограничить, или даже исключить поток «желтой рабочей силы» на территорию Российской империи, в то время как привлечение этой рабочей силы было целью КВЖД⁴.

Говоря непосредственно о КВЖД, автор называет её инструментом и одновременно продуктом политики Витте. Он стремился провести программу превращения России в европейскую страну, для чего необходимо было достичь национальной идентичности (цель, к которой стремились все страны Европы в то время). Именно КВЖД должна была помочь ему в этом начинании. КВЖД пересекала китайскую территорию в Манчжурии и соединяла Сибирскую железную дорогу с российской территорией в Приамурье и побережьем Тихого

¹ Ibid. P. 45.

² Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 74.

³ Hsu Ch.Y. Указ. соч. P. 217–253.

⁴ Ibid. P. 217–253

океана, создавая, в то же время, российскую колониальную сферу влияния в Китае.

Уделяя особое внимание проблеме создания единой страны (в территориальном и национальном плане), Чиа Йин Хсу рассматривает и те экономические преимущества, которые давала КВЖД. В частности, она отмечает, что С.Ю. Витте прекрасно понимал, что аграрная Россия являлась прекрасным рынком сбыта промышленных европейских стран. Манчжурия, по его мнению, давала хороший шанс превратиться из «служанки» Европы в настоящую метрополию. Таким образом, американский исследователь показывает двойственный характер тех целей, которые ставились перед этой железной дороги.

Очень интересна работа Ф. Патрикеева и Г. Шукмана «Железные дороги и русско-японская война: война транспортная», в которой проблеме строительства КВЖД так же уделяется особое внимание. Здесь КВЖД определяется как один из самых выдающихся проектов, которые во многом изменили ход истории.

Значительное внимание в указанной работе уделяется именно КВЖД. По мнению авторов, с помощью этой железной дороги Россия смогла бы не только занять достойное место в Азии, но и, что более важно, способствовать экономическому развитию очень богатого, но пока еще слабо освоенного дальневосточного региона. В отношении последнего стоит отметить, что авторы работы особо подчеркивают роль Витте и его министерства. Детально проработанная концепция «железных дорог и торговли»¹ поощряла развитие разнообразной экономической деятельности в Манчжурии. Такая изошренная политика была направлена именно на развитие торговли, которая должна была стать основой российского присутствия в регионе. В таком случае, как

¹ Patrikeeff F., Shukman H. Указ. соч.

отмечено в работе, причин для конфликта между Россией и Японией из-за Манчжурии было бы меньше.

Для достижения этой цели значительные средства были инвестированы в строительство инфраструктуры вдоль КВЖД. Это являлось необходимым источником обеспечения безопасности нахождения России в регионе, а также способствовало созданию здесь основного центра – города Харбина (население которого к 1903 г. насчитывало 40 000 человек, половина из которых были русскими)¹. В целом, авторы очень высоко оценивают то культурно-историческое влияние, которое оказала российская железная дорога на китайскую провинцию.

Интересный взгляд на проблему КВЖД предлагает американский исследователь С. Харкейв. Особый интерес его работа «Граф Сергей Витте и сумерки имперской России: биография» представляет в сравнении с отечественным исследованием Игнатьева А.В. «С.Ю. Витте – дипломат»². В обеих работах проблема строительства КВЖД рассматривается сквозь призму взглядов министра финансов и его деятельности в этой области. Подробнейшим образом рассматривая проблему создания КВЖД, Харкейв особо подчеркивает роль Витте в том, что, несмотря на попытки китайского правительства сохранить лицо при проведении иностранной для них железной дороги, он смог сделать этот проект частным и международным де юра, но российско-государственным де факто³. Более того власть КВЖД была куда шире, чем это подразумевал изначальный проект, что должно было увеличить вес России в северной Манчжурии⁴. Это, по мнению автора, еще в большей степени подчеркивало роль Витте в формулировании курса внешней политики в регионе и давало возможность говорить об «империи Витте».

¹ Patrikeeff F., Shukman H. Указ. соч.

² Игнатьев А.В. Указ. соч.

³ Harcave S. Указ. соч. Р. 64.

⁴ Ibid. Р. 65.

Эту же идею продолжает в своих работах Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе. Автор называет С.Ю. Витте «тщеславным министром финансов»¹, но при этом отмечает, что в отношении КВЖД царского чиновника упрекнуть было не в чем. Благодаря стараниям министра финансов была получена самая крупная концессия на строительство железной дороги, на которую когда-либо соглашался Пекин². Схиммельпеннинк пишет, что понадобилось несколько лет разведывательных работ и предварительного строительства, прежде чем присутствие КВЖД стало ощутимым. По прошествии времени проект Витте превратился в полунезависимый домен на китайской земле со своими собственными городами, администрацией и полицией³. Автор отмечает, что, управляя шахтами, пароходами, телеграфами и лесопилками, КВЖД стала своего рода королевством на Дальнем Востоке, руководил которым С.Ю. Витте.

Подробно рассматривая те экономические преимущества, которые давало строительство железной дороги по китайской территории, Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе не обходит вниманием те последствия, к которым это строительство привело. Автор утверждает, что последующее боксерское восстание было непосредственной реакцией на строительство и работу КВЖД. Он пишет: «нет сомнений в том, что военные действия могли и не произойти, если бы не начало работы над железной дорогой Витте; имея на этой территории железную дорогу, Петербург не мог больше игнорировать какие-либо угрозы для такого массивного вложения русской рабочей силы и финансовых средств»⁴. Между тем автор в некоторой степени оправдывает С.Ю. Витте, заявляя о том, что аннексия китайской территории не входила в

¹ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 233.

² Там же.

³ Там же. С. 234–235.

⁴ Там же. С. 235.

планы министра финансов. Как мы видим, в этом вопросе автор расходится с мнением С. Харкейва.

Приблизительно в таком же ключе пишет российский историк А.С. Сенин¹. Он отмечает, что С.Ю. Витте тщательно изучил все материалы относительно проблем, связанных со строительством Амурской дороги (как, например, резкие перепады климата, когда на смену суровой зимы приходило дождливое лето), аналитические выкладки сотрудников министерства финансов по эффективности транзитного движения и т.п.. Как утверждает исследователь, строительство КВЖД было действительно выгоднее с точки зрения экономики.

Говоря о военно-стратегическом аспекте этой дороги, А.С. Сенин подмечает такой интересный факт, о котором не пишет ни один западный исследователь. Он обращает внимание на то, А.Д. Старцев, консул в Тяньцзине, одним из первых предложил сделать провести дорогу не до Владивостока, а к порту Дальнему на Ляодунском полуострове, так как это было удобное и экономически выгоднее. Это подтверждает мысль о том, что у России не было программы «захвата» китайской территории. Стоял лишь вопрос экономической целесообразности.

Итак, в своих работах авторы подчеркивают двойственную природу железной дороги, которая своим появлением обязана предприимчивости С.Ю. Витте. Все исследователи обращают внимание на то, что Российская империя в строительстве железной дороги преследовала собственные экономические цели. Однако неоспоримым является тот факт, что было оказано сильнейшей историко-культурное влияние на развитие территории когда-то слабо развитой провинции Китая. В этом схожи мнения практически всех исследователей.

Еще одним аспектом рассматриваемой проблемы является вопрос об Амурской железной дороге. Авторы различных работ обращают внимание на определенный стратегический просчет при принятии решения о постройке

¹ Сенин А. Как начиналась Амурская дорога // Родина. 2012. № 5. С. 78.

КВЖД вместо дороги, проходящей по российской территории. Такое утверждение становится важным при изучении русско-японской войны 1904–1905 гг. и анализе причин поражения.

На наш взгляд, решение о строительстве КВЖД было своевременным и необходимым, даже с учетом всех негативных последствий. Фактически, у России была два пути развития экономической и политической деятельности в данном регионе. Первый предполагал вкладывание значительных средств в инфраструктуру собственных регионов. Действительно, строительство Амурской железной дороги этому способствовало. Но в таком случае Россия опаздывала к разделу сфер влияния на Дальне Востоке. Вследствие такого развития событий, Российская империя на дальневосточных границах столкнулась бы не с азиатскими, а мощными европейскими державами и США, которые стали бы распространять свое влияние уже на российскую территорию. Второй путь (строительство КВЖД) помогал России не только быстрее выйти к океану, но и способствовал ее мирному проникновению в Китай. В конкретных исторических условиях выбор данной политики кажется нам более подходящим.

§4. Аренда Ляодунского полуострова и начало изменений в дальневосточной политике России

Мы уже отмечали, что в рассматриваемый период многие страны начинают проводить активную внешнюю политику на Дальнем Востоке. Ранее все амбициозные проекты не находили реализации в силу ряда обстоятельств, как то: стойкое противодействие С.Ю. Витте, отсутствие материальной базы, безволие царя и т.п. Однако уже через два года после успеха России на Дальнем Востоке ситуация поменялась коренным образом. Изменению российского внешнеполитического курса во многом способствовали действия Германии в ноябре 1897 г. Исходя из этого, некоторые исследователи полагают, что действия России являлись, по сути, абсолютно адекватным ответом. Другие же считают, что захват Ляодуна – заранее спланированная и хорошо подготовленная операция.

Еще в 1895 г. в ходе переговоров о предоставлении китайского займа под гарантии русской казны на очень выгодных для Китая условиях¹ в правительственных кругах Англии и Франции появились первые слухи о планах России занятия этой военно-морской базы. В отечественной историографии отмечается, что хотя правительство России не пыталось и не планировало захват или приобретение Порт-Артура, нельзя говорить и о полной беспочвенности подобных слухов². В результате японо-китайской войны 1894–1895 гг. усилился флот Российской империи в Тихом океане. В силу определенных особенностей (специфике природно-климатических условий и технического оснащения) Владивосток не мог выступать в роли надежной базой для столь значительных военно-морских сил. Надеяться же по-прежнему на порты Японии, для войны с которой и готовился флот, было уже

¹ Дацышен В. Андреевский флаг над Порт-Артуром. С. 106–111.

² См. Лукоянов И.В. Порт-Артур в политике России (конец XIX в.) // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 51–60; Широкоград А.Б. Япония. Незавершенное соперничество. М., 2008. С. 50.

нельзя. Да и сами японцы желали избавиться от русских кораблей. В частности, в марте 1897 г. они объявили о своем намерении превратить Нагасаки, где обычно зимовал русский флот, в свою закрытую военно-морскую базу¹. Естественно, вставал вопрос о приобретении порта в другой стране, то есть в Китае или Корее, а от китайцев поступали даже предложения на этот счет. Данная международная ситуация вызывала достаточный интерес у отечественных исследователей. Не оставляют ее без внимания и современные западные историки.

Очень подробно эту проблему рассматривает Дэвид Схиммельпенник ван дер Ойе. Он отмечает, что поражение Китая в войне с Японией показало беспомощность династии Цин, которая не смогла отразить нападение гораздо меньшего по размеру соседнего островного государства, и привлекло внимание европейских держав². В первые годы после подписания Симоносекского договора никто не пытался аннексировать какие-либо земли. Вместо этого все старались получить экономические преимущества за счет железнодорожных и телеграфных концессий. Великобритания, Франция, Германия, Россия, США, Япония – все вступили в это состязание под разными предлогами. Вместе с тем автор отмечает, что со своим грандиозным проектом Китайско-Восточной железной дороги Россия лидировала в погоне за получением преимуществ от Цинского правительства. Ее привилегированное положение в Пекине вызывало сильную зависть соперников³.

Схиммельпенник обращает внимание на то, что не только Россия решила извлечь выгоду из «тройственной интервенции». В качестве примера он приводит действия французского посла Огюста Жерара. Он летом 1895 г. договорился о выгодной для Парижа демаркации на индо-китайской границе, а также получил разрешение строить железную дорогу из французской колонии в

¹ Дацышен В. Андреевский флаг над Порт-Артуром. С.109–110.

² Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 244.

³ Там же. С. 245.

южные провинции Китая¹. В то же время немецкий кайзер Вильгельм II считал себя уязвленным, поскольку его дипломаты поддержали русскую интервенцию с гораздо большим энтузиазмом, чем французы, но, в отличие от последних, ему не удалось добиться никаких материальных выгод. Эта «обида» неистового и претенциозного, как его характеризует Схиммельпеннинк, императора Германии привела не только к захвату Германией бухты Циндао, но и к крушению авторитета России в Китае.

Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе показывает, как нечеткая позиция и авантюрный склад Николая II привели Россию к фактическому захвату Порт-Артура и порта Дальнего. Интересно, что исследователь анализирует действия Вильгельма II, которые предшествовали оккупации Циндао. Автор убедительно доказывает, что кайзер Германии вел переговоры со своим кузеном насчет этой территории. При этом российский самодержец, то ли из чувства страха, то ли из нелюбви к своему монаршему родственнику², ни соглашался, ни противился действиям немцев. Более того, доказывая нерешительность Николая II, отсутствие у него четкого представления о том, что следует делать дальше, автор приводит следующий пример. Когда немецкая тихоокеанская эскадра заняла залив, используя убийство двух миссионеров в качестве предлога, Николай заявил о том, что не может ни запретить, ни разрешить кайзеру посылку эскадры в гавань и отказывается от какой-либо ответственности за залив³.

Безусловно, отмечает Схиммельпеннинк, секретный договор 1896 г. обещал поддержку Китаю только в случае нападения Японии. Тем не менее, Россия в силу своих союзнических обязательств чувствовала себя обязанной защитить династию Цин от других агрессоров. Почему этого не произошло, автор показывает далее.

¹ Там же. С. 245.

² Там же. С. 248.

³ Там же. С. 250.

Самым решительным противником немецкой агрессии был С.Ю. Витте. Слабый и покладистый, но при этом суверенный Китай являлся необходимым условием реализации его идеи о постепенном распространении экономического и политического влияния России на своего соседа¹. Витте также опасался, что такой шаг со стороны Германии подтолкнет другие державы к борьбе за другие территории.

Между тем, у С.Ю. Витте были свои соперники в этом вопросе. Наиболее сильным из них стал новый министр иностранных дел М.Н. Муравьев, сменивший умершего князя А.Б. Лобанова-Ростовского в 1897 г. Дабы показать всю катастрофичность того пути, на который позже встала Россия, автор дает очень четкую и яркую характеристику М.Н. Муравьева. По мнению Схиммельпеннинка, новый министр не имел ни дипломатических талантов, ни принципов². Между тем, именно Муравьев стал в оппозицию Витте, требуя извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Такая характеристика министра иностранных дел, данная американским исследователем, расходится с оценками современных отечественных авторов. И.В. Лукоянов, например, убежден, что М.Н. Муравьев не стремился к явной агрессии против Китая. Он лишь боялся, что англичане могут захватить Порт-Артур, а Россия, у которой нет незамерзающего порта на Дальнем Востоке, может получить таковой только с помощью силы³. Т.е., действия министра, по мнению И.В. Лукоянова, носили превентивный характер. О том же пишет А.Б. Широкопад. Он утверждает, что если бы Россия не заняла Порт-Артур, то уже через пару лет на ее границах вырос и окреп сильный и агрессивный противник⁴. Автор показывает, что стремление министра иностранных дел приобрести базу на южном побережье Ляодунского полуострова, оккупированного Японией в ходе последней войны, совпало с желанием монарха.

¹ Там же. С. 215.

² Там же. С. 253.

³ Лукоянов И.В. Порт-Артур в политике России (конец XIX в.). С.49.

⁴ Широкопад А.Б. Указ. соч. С.61.

Как нам известно, Витте в своих мемуарах так характеризовал сложившуюся ситуацию: «мера эта [*занятие какой-либо территории – А.Д.*] является опасной, ибо мы только что начали постройку Восточно-Китайской дороги через Монголию и Китай, отношения у нас там превосходные, но занятие Порт-Артура или порта Дальнего, несомненно, возбудит Китай и из страны, крайне к нам расположенной и дружественной, сделает страну, нас ненавидящую вследствие нашего коварства»¹.

Между тем, несмотря на настойчивые заявления не только С.Ю. Витте, но и военного министра П.С. Ванновского и исполняющего обязанности морского министра П.П. Тыртова, Порт-Артур и порт Дальний были оккупированы. Как отмечает автор, царь наконец получил незамерзающий порт на Тихом океане, но потерял союзника².

Такой поворот событий, по мнению Схиммельпеннинка, привел к двум важным последствиям. Во-первых, был полностью разрушен китайско-русский альянс. Россия, как правомерно замечает автор, обладала престижем при цинском дворе, после того как она оказала помощь Китаю во время войны с Японией три года назад. Впервые в современной истории Китай подписал официальный оборонительный пакт с другой державой³. Когда Петербург, вместо того, чтобы помочь азиатскому соседу в борьбе с хищным кайзером, сам захватил территорию, династия Цин перестала ему доверять. В глазах Пекина царь теперь был ничем не лучше любого другого жадного уроженца Запада.

Во-вторых, грубый захват Циндао Германией и имитация аренды Ляодуна Россией спровоцировали другие страны на борьбу за подобные привилегии. Так, через два месяца после официальной сдачи в аренду Порт-Артура и порта Дальнего, французское правительство потребовало для себя военно-морскую базу на юге залива Кванджу на 99 лет. Через неделю Британия

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Мемуары. С. 134.

² Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 257.

³ Там же. С. 259.

начала вымогать аренду территории вокруг своей колонии в Гонконге¹. Теперь как и сами китайцы, так и иностранцы начали сомневаться в длительном существовании Поднебесной.

В том же духе рассматривает проблему фактического захвата Ляодунских портов и Дэвид МакКензи. Размышления на эту тему он начинает с утверждения о том, что в течение 1897–1898 гг. Китай уже был поделен на сферы влияния европейских держав, и инициатором этого процесса была Германия. Однако в отличие от Схиммельпеннинка, автор не столь категоричен в отношении Муравьева². Он лишь, отмечает, что министра иностранных дел застали врасплох действия немцев, и единственный вывод, которому он пришел, было решение занять незамерзающий порт³. Такой же точки зрения придерживается, например, отечественный исследователь, специалист по истории русско-китайских отношений В.Г. Дацышен, который утверждает, что аренда Порт-Артура стала следствием естественного хода событий и была обусловлена целым рядом факторов⁴.

Как и многие исследователи, МакКензи показывает С.Ю. Витте, как человека, пытающегося сохранить с таким трудом завоеванные в предыдущие годы позиции. Он подчеркивает и то, что если ранее министр финансов был не один и его точку зрения поддерживал и прежний министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский, и прежний военный министр П.С. Ванновский, то теперь ситуация изменилась. Николай II начал назначать новых людей, схожих с ним во мнениях и желаниях. В итоге Витте остался одинок в своем стремлении мирного развития страны.

¹ Там же. С. 257.

² MacKenzie D. Указ. соч. Р. 141.

³ Такое же мнение сложилось и в современной отечественной историографии. См. Лукоянов И.В. Порт-Артур в политике России (конец XIX в.). С. 54–62; Он же. Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.: борьба за выбор политического курса: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 26.

⁴ Дацышен В. Андреевский флаг над Порт-Артуром. С. 108.

Именно экономическое развитие для Витте, как показывает МакКензи, было главным вопросом. Безусловно, верность союзническим обязательствам всегда была отличительной чертой Российской внешней политики¹. Однако нежелание Витте в данный момент приобретать незамерзающий порт на китайской территории обуславливалось, главным образом, проблемами в бюджете страны. МакКензи утверждает, что масштабная экспансия на Восток была непомерным бременем для скудных российских финансов. Затраты на строительство Транссибирской магистрали были огромны. Более того, в Европе и России набирал силу экономический кризис (и Витте как министр финансов это видел). Все эти условия не позволяли выделять бюджетные средства на содержание воинских подразделений для защиты новых территорий на Дальнем Востоке².

Последствия такой непродуманной, опрометчивой политики Россия ощутила несколько лет спустя, когда вспыхнуло боксерское восстание в Китае. Оно повлекло за собой не только ввод и затянутый вывод российских войск, но и трагическую русско-японскую войну.

Более подробно роль С.Ю. Витте (причем как положительная, так и отрицательная) в данной ситуации представлена в работе С.Харкейва.

Сидни Харейв, так же, как и Дэвид Схиммельпенник, отмечает тот факт, что кайзер Вильгельм II, решив занять Циндао, вначале предпринял попытку заручиться согласием Николая. Российский самодержец, застигнутый врасплох, не смог ничего ответить. Между тем, захватив Циндао, Германия предложила получить компенсацию за счет китайской территории другим странам. Дальнейшие действия России автор показывает на примере противостояния С.Ю. Витте и М.Н. Муравьева. В целом, Харкейв придерживается того же мнения в отношении нового министра иностранных дел, как и

¹ Игнатъев А.В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX – XX веков // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 37.

² MacKenzie D. Указ. соч. Р. 142.

Схиммельпенник. Он называет его ленивым, но амбициозным сторонником активной политики России на Дальнем Востоке, склонным к интригам и мошенничеству¹.

Витте у Харкейва – человек с более взвешенными взглядами, ставящий реальные интересы страны на первое место. Автор показывает, как после фактического провала убедить царя не действовать подобно Вильгельму II, Витте сам пытается переубедить Германию. Министр финансов берет на себя ответственность и предпринимает попытку лично убедить немецкого посла отказаться от идеи захвата. Он предлагая ему в качестве варианта компенсации за убийство немецких миссионеров выбрать что-либо другое, но не собственно китайские территории². С. Харкейв отмечает, что Витте сильно рисковал, т.к. такая свобода действий, расходящихся с мнением императора-самодержца, была чревата серьезными последствиями.

Но, несмотря на все усилия Витте, российские войска высадились в Порт-Артуре, и министр финансов вынужден был быстро замаскировать эти действия под аренду. Сидни Харкейв показывает дальновидность Витте. Как и боялся министр финансов, действия России ускорили падение Китайской империи. Другие европейские державы быстро разделили оставшийся Китай на сферы влияния, в то время как Япония, возмущенная тем, что Россия заняла те территории, которые в свое время Страна Восходящего солнца завоевала несколькими годами ранее, начала быстро собирать армию против самодержавной империи³.

Еще одним последствием аренды Порт-Артура для России автор считает потерю союзника в лице Цинской империи. Россия фактически предала Китай, не только отказав в помощи против Германии, но и действуя по ее образу и подобию. Российско-китайский союз практически перестал существовать.

¹ Hancave S. Указ. соч. Р. 79.

² Ibid. Р. 80–81.

³ Ibid. Р. 82.

Сидни Харкейв очень эмоционально отмечает тот факт, что всё это произошло ради получения порта в незамерзающем море, в котором не было сильной необходимости¹.

Между тем автор полагает, что и С.Ю. Витте, который и всеми силами противостоял этой агрессии против бывшего союзника, был в некотором роде ответственен за произошедшие события. Существует мнение о том, что именно политика экономического проникновения в Манчжурию (а, значит, и в Китай), которую проводил министр финансов, привела к таким последствиям. Автор считает, что такое мнение может быть верно в том смысле, что решение провести Транссибирскую железную дорогу по территории северной Манчжурии привело, в некоторой степени, к активизации России на территории Квантуна². Однако Харкейв полагает, что если бы Витте удалось удержать Николая II и Вильгельма II от занятия китайских территорий, ход дальнейших событий был бы совершенно иной, и Россия смогла бы избежать войны с Японией, хотя бы в ближайшее время.

Как показывают в своих работах зарубежные исследователи, конвенция об аренде Ляодунского полуострова шла вразрез с отстаиваемой Витте тактикой. Экспансионистские шаги царского правительства в Маньчжурии лишь отчасти удалось замаскировать видимостью добровольной сделки и сохранением терминологии договора 1896 г. Однако стало очевидно, что Россия потеряла завоеванные ранее позиции в Китае и на Дальнем Востоке в целом. Кроме того, из-за своих необдуманных действий она лишилась всех возможных союзников. Более того, европейским державам стало очевидным, что Китай лишился единственного заступника, и они устремились на его территорию. Тот хрупкий баланс сил, который с огромным трудом создавал Витте, нарушился. Война с Японией стала делом времени. Это подчеркивают в своих работах все современные англо-американские авторы.

¹ Ibid.

² Ibid.

**§5. На пути к русско-японской войне 1904–1905 гг.:
боксерское восстание и проблема оккупации Маньчжурии**

После захвата Ляодунского полуострова царская дипломатия заняла на Дальнем Востоке позицию «полного воздержания» от каких-либо «решительных действий». По мнению М.Н. Муравьева, «только укрепившись прочно в Порт-Артуре и связав его железнодорожной ветвью с Россией, можно будет твердо ставить свою волю в делах Дальнего Востока»¹.

Тем временем министерство финансов царской России, во главе которого стоял Витте, вкладывало огромные суммы в маньчжурские предприятия российского империализма. Работы по постройке КВЖД и ее южноманьчжурской ветви шли полным ходом. В даляньваньской бухте сооружался новый порт Дальний, который должен был стать одним из крупнейших торговых портов на побережье Китая. Значительно активизировал свою деятельность Русско-Китайский банк. Создав свои отделения в Харбине, Гирине, Мукдене, Порт-Артуре, Нючжуане, он все глубже внедрялся в экономическую жизнь страны. Началась разработка Яньшайских и Вафандянских угольных копей в Маньчжурии. К 1900 г. российский империализм по размерам капиталов, вложенных на Дальнем Востоке, занимал третье место после Англии и Франции.

С этих позиций в 1900 г. Витте вновь выдвинул свою прежнюю программу экономической экспансии на юг от Великой Китайской стены. «Из-за Маньчжурии не стоило и огород городить: мы историческим путем будем идти на юг, весь Китай – все его богатства находятся преимущественно на юге»², – так коротко сформулировал он свою программу на полях прочитанного им доклада А.Н. Куропаткина «О задачах русской армии на XX столетие». Казалось, что на этот раз ничто не мешало Витте в осуществлении его программы. Главный его противник М.Н. Муравьев в июне 1900 г. умер.

¹ Цит. по: Бовыкин В. И. Указ. соч. С. 34.

² Там же. С. 34.

Назначенный на его место В.Н. Ламздорф, много лет исполнявший обязанности советника при министре, был абсолютно лишен дара принимать самостоятельные решения. Витте быстро подчинил его своему влиянию. Военный министр генерал Куропаткин, который никогда не понимал смысла дальневосточной политики Витте, вместе с тем никогда не находил в себе решимости активно выступить против нее. В результате Витте вновь стал безраздельным руководителем внешней политики России на Дальнем Востоке. И, тем не менее, ему не удалось осуществить свою программу. Весь последующий ход событий доказал полное несоответствие этой программы как экономическим, так и военно-стратегическим возможностям царской России.

Захват различных частей Китая всеми державами «возбудило в китайцах их национальное чувство. В стране возникло так называемое «боксерское» движение»¹, рассмотрению которого в современной англо-американской историографии будет посвящен данный параграф.

Рассматривая проблему боксерского восстания в Китае, Дэвид Схиммельпеннинк ван дер Ойе отмечает, что в течение последних ста лет произошло несколько крупных восстаний, включая мятеж поднятый сектой Белого лотоса, восстание «Восьми триграмм» и Няньцзюньское восстание. Эти восстания в большинстве своем проходили под лозунгом «Да здравствуют Мины, долой Цинов»². Однако возникшее в 1898 г. в Шаньдуне движение Ихэтуань провозгласило своей целью борьбу с иностранцами. К 1900 г. размах восстания превысил граница провинции. Мятежники добрались до столицы Поднебесной. Встревоженные иностранцы стремились начать активные действия. В России же, как считает Схиммельпеннинк, единого мнения на этот счет не существовало.

Автор показывает, что с С.Ю. Витте, как всегда выступавшему против суровых мер в Китае, был согласен не только М.Н. Муравьев, но и сам

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Мемуары. С. 173.

² Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 269.

самодержец. Витте и Муравьев противились военной интервенции столь долго, сколько это возможно. Николай II теперь их в этом поддерживал. Безусловно, действия такого альянса должны были быть более четкими, слаженными и имеющими вес. Однако Россия все же была втянута в интервенцию. Автору удалось выявить причины этого. Несмотря на то, что все трое занимали ключевые посты в альянсе, и их объединяла общая цель, действительного единства не возникло. К 1900 г. отношения Витте и Николая II всё более ухудшались. Вместе с тем, Николай обвинил министра иностранных дел в недооценке серьезности ситуации во время боксерского восстания. Кроме того, и Витте не мог забыть Муравьеву захват Порт-Артура и Дальнего. Даже после смерти М.Н. Муравьева и назначение В.Н. Ламздорфа ситуация не улучшилась, т.к., как подчеркивает Схиммельпеннинк, он принял тот факт, что в случае с Китаем все решения принимает Витте, и почти полностью подчинил свою волю воле министра финансов¹.

Этому альянсу противостояли сторонники более жесткого курса. Полковник К.И. Вогак, адмирал Е.И. Алексеев, генерал А.Н. Куропаткин – между ними было меньше разногласий, но их объединяло стремление наказать китайцев. Не последнюю роль в выборе направления действий, как показывает автор, сыграли британцы². Как подчеркивает Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе, против своей воли Николай II был вынужден вмешаться в кризис, вызванный Боксерским восстанием, и согласился на военное участие в интервенции.

Мы бы еще раз хотели подчеркнуть то, как автор исследования показывает роль Николая II в этом вопросе. Несмотря на свою страсть к авантюрам и стремлению проводить агрессивную внешнюю политику на Дальнем Востоке, российский самодержец в 1900 г., по мнению автора, ведет себя более сдержанно в вопросе участия русских войск в международной интервенции в Китай. Это особенно интересно в том плане, что двумя годами

¹ Там же. С. 278.

² Там же. С. 279.

ранее его позиция кардинально отличалась. Более того, спустя какое-то время, он вновь встанет на путь дальневосточных авантур. Такая резкая смена настроений самодержца и, соответственно, курса внешней политики, мешала упорядоченной работе министерства иностранных дел в целом и отдельных чиновников, так или иначе связанных с делами на Дальнем Востоке. Действия императора были непредсказуемы, его легко можно было убедить, и этим мог легко воспользоваться кто угодно. Однако причин такого поведения российского самодержца автор не указывает и не пытается их найти.

Несколько иного мнения придерживается Сидни Харкейв. Так, он полагает, что Николай II изначально не придерживался какой-либо конкретной точки зрения, и как всегда колебался между Витте – Ламздорфом и Куропаткиным и его сторонниками¹. Более того, профессор Харкейв отмечает, что после неохотного согласия Витте отправить войска на защиту дороги в Манчжурии, в российских высших кругах сразу возник вопрос о той пользе, которую можно извлечь из сложившейся ситуации.

После подавления Боксерского восстания внимание западных держав переключилось на то, чтобы добиться от династии Цин компенсаций за понесенные страдания. Схиммельпенник в своей работе обращает наше внимание на хищнические цели европейцев, которые в тот момент времени контрастировали с желанием России добиться спокойствия на дальневосточной границе. Он особо подчеркивает, что такая миролюбивая позиция Петербурга вызвала ярость Запада, который полагал, что Россия пытается извлечь собственную выгоду, снова представ в глазах Китая спасительницей². Таким образом Схиммельпенник ван дер Ойе приходит к выводу о том, что Боксерское восстание в Китае имело значительные внешнеполитические последствия для России. С одной стороны, Россия оттолкнула от себя Запад. С

¹ Hancave S. Указ. соч. Р. 93.

² Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 218.

другой, не смогла вернуть утраченное доверие Поднебесной. Фактически, уже в 1901г. Российская империя оказалась одна на Дальнем Востоке.

Схиммельпеннинк пишет, что Россия легко вошла в Маньчжурию, но покинуть ее оказалось сложнее. Российские чиновники стремились получить что-то взамен. Автор отмечает, что в среде военных, видным представителем которых был адмирал Е.И. Алексеев, формировался жесткий курс, которому ни Витте, ни тем более Ламздорф не смогли противостоять. Схиммельпеннинк характеризует Евгения Ивановича Алексеева как человека с властным характером и противоречивой натурой, который заработал нелюбовь многих современников (главным образом, С.Ю. Витте), но между тем играл важную роль на Дальнем Востоке в течение следующих трех лет¹. Именно благодаря его активной деятельности и сильному влиянию на царя Россия еще долго пыталась удержать Манчжурию.

Нахождение российских войск в Манчжурии не могло не беспокоить Японию. Профессор Схиммельпеннинк показывает настроения в японском правительстве и борьбу двух курсов. С одной стороны, стоявший в свое время во главе японского правительства Ито Хиробуми с большим уважением относился к России и предпочитал соблюдать определенную осторожность в отношении с ней. Автор рассматривает миссию Ито в Россию (которая, по сути, являлась частной инициативой бывшего высокопоставленного чиновника) как личную попытку примерить две державы². Ито уговаривал согласиться на корейско-манчжурскую сделку – требование Японии с конца 1890-х гг. Показывая непонимание царя в реальной возможности снизить напряженность, Схиммельпеннинк поясняет отказ Николая II его личным нежеланием видеть японцев в Корее.

С другой стороны, многие японцы теперь начали настаивать на проведении воинственной политики в Китае. Пришедший в 1901 г. к власти

¹ Там же. С. 299.

² Там же. С. 303–304.

Кацура Таро инициировал переговоры с Лондоном, в результате чего был заключен англо-японский договор. Создание такого альянса, как показывает Схиммельпеннинк, привело к тому, что Китай начал действовать более решительно в отношении России. В итоге в 1902 г. Россия обязалась эвакуировать свои войска из Манчжурии в три этапа. Стало ясно, что все планы России в отношении Дальнего Востока следует пока отложить.

О том, что задержка вывода войск из Манчжурии осложнила отношения России не только с Китаем и Японией, но и другими странами, пишет в своей работе «Граф Сергей Витте и сумерки имперской России: биография»¹ Сидни Харкейв. Он показывает, что нахождение российских войск на территории Манчжурии даже после восстановления порядка стало сильно беспокоить другие страны. Возник вопрос об истинных намерениях России в регионе. В качестве возможных ответов, как пишет Харкейв, по мнению Запада, были аннексия Манчжурии, полное исключение на данной территории экономической деятельности других держав, использование этой территории в качестве опоры для проникновения в Корею².

Более всего такая позиция России волновала, по вполне естественным причинам, Японию. Харкейв показывает, что Страна Восходящего солнца стремилась упрочить свои позиции в Корею, и, по сути, судьба Манчжурии как таковой в данный момент ее мало интересовала. Япония давно пыталась договориться с Россией по этому вопросу, предлагая широко известный план «Корея взамен Манчжурии». Эта идея была актуальна еще во время японо-китайской войны 1894-1895гг. Но до сих пор, несмотря на то, что все больше людей в Японии склонялись к агрессивной позиции в отношении России, были и те, кто предпочитал договориться мирно. И снова личность Ито Хиробуми возникает на страницах исследования, посвященного проблеме российско-японских отношений начала XX века. Сидни Харкейв предполагает, что если

¹ Harcave S. Указ соч.

² Ibid. P. 94.

бы предложения Ито было принято, избежать, или хотя бы оттянуть войну было можно. Между тем, отказ обеих стран пойти на уступки автор объясняет и позицией Англии в этом вопросе. Параллельные переговоры Японии с Великобританией, заявлявшей о готовности помочь на случай войны, придавали стойкости первой в отношении России¹.

Однако, как отмечает Сидни Харкейв, заключенный в 1902 г. союз между Великобританией и Японией, носивший явно антирусский характер, был не единственным фактором, нанесшим удар по международному положению России. Соединенные Штаты, совсем недавно ставшие Тихоокеанской державой, неофициально поддержали Англию против России. Таким образом, расстановка сил складывалась не в пользу российского царя.

Именно в такой обстановке, как показывает Харкейв, было подписано соглашение об эвакуации российских войск из Манчжурии. Автор называет его неудачей и неоправданной уступкой, совершенной под внешним давлением. Соглашение предписывало России вывести свои войска в три этапа в течение 18 месяцев. В сложившейся ситуации важно было точно выполнять условия договора, т.к. от этого зависел, как подчеркивает автор, вопрос войны и мира.

При рассмотрении данной проблемы стоит отметить заслугу Сидни Харкейва в том, как он сумел показать сложность и многогранность сложившейся международной ситуации. Распадающийся на куски Китай, беспринципные действия Запада, внутренняя борьба (как в России, так и в Японии) сторонников войны и мира – всё вместе создавало опасную сеть для любой дипломатической игры.

В отличие от двух предыдущих исследователей, Дэвид МакКензи в работе «Имперские мечты в столкновении с реальностью: царская внешняя политика России, 1815–1917 гг.» в ином ключе показывает политику России в отношении Боксерского восстания и проблемы оккупации Манчжурии. Забегая вперед, мы бы хотели отметить, что в его исследовании при рассмотрении

¹ Ibid. P. 95.

указанной проблемы участники событий показаны только в черно-белых тонах. Их действия и мнения скорее стереотипны: Витте – совсем хороший; Куропаткин – совсем плохой; Ламздорф – безвольный и прячущийся за спину министра финансов; Николай II – как всегда неуверенный ни в целях, ни в действиях; Россия – агрессивная держава. Между тем, с помощью такого эффекта автору пытается объяснить, почему Россия «скатилась» к войне.

Так, МакКензи утверждает, что Россия практически без колебаний приняла решение направить свои войска для подавления боксерского восстания. С.Ю. Витте, как показывает автор, понимал исходящую от боксеров угрозу созданной им экономической империи в регионе, основанной на КВЖД и ЮМЖД¹. При этом, он всячески противился вводу российских войск. И только А.Н. Куропаткин решил отдать приказ защитить КВЖД и выслать туда 170 000 солдат (как подчеркивает автор, это было самым крупным воинским формированием, посланным в Азию, за всю эпоху империализма). Более того, именно А.Н. Куропаткин (а не Е.И. Алексеев как у Схиммельпеннинка) был активным сторонником оккупации Манчжурии и ратовал за ее продолжении в течение, по крайней мере, трех лет. Между тем, как отмечает МакКензи, император колебался и совершал непоследовательные действия (какие, автор полностью не раскрывает). Одним из таких автор называет договор 1902г. о выводе российских войск, подписанный под международным давлением и в ходе долгих переговоров с Китаем². МакКензи пишет о том, что даже после этого Куропаткин все еще считал, что рано или поздно, но Манчжурия будет российской территорией, хотя и стремился избежать войны всеми силами.

К сожалению, в работе не показана должным образом роль Японии. Автор лишь говорить о провале миссии Ито и успешном заключении союза между Японией и Англией. О специфике сложившейся обстановки МакКензи пишет, что в результате Россия оказалась в дипломатической изоляции,

¹ MacKenzie D. Указ. соч. Р. 142.

² Ibid. Р.143.

особенно после того, как в антияпонском курсе ее отказалась поддержать Франция¹. Между тем, внутри страны все больше становилось тех, кто считал, что Россия всё громче должна заявлять о своем присутствии на Дальнем Востоке. Учитывая тот факт, что во главе страны стоял легко внушаемый и склонный к авантюрам Николай II, автор отмечает, что Россия чуть позже заплатит высокую цену за подобные шаги русской дипломатии в регионе.

Историк С. Пейн в уже рассматриваемой нами работе «Японо-китайская война 1894–1895 гг.: восприятие разных сторон, вопросы силы и превосходства» обращается к проблеме Боксерского восстания в контексте рассмотрения проблемы японо-китайской войны. Она выстраивает вполне логическую связь между усилением России в регионе и восстанием Ихэтуаней. С. Пейн утверждает, что целью боксеров было именно уничтожение маньчжурской дороги, которая стала символом российского нашествия и долгой оккупации региона². По сути, это же беспокоило и другие страны, в особенности Англию и Японию.

Автор правильно показывает, почему каждой из этих двух стран нужен был союз, однако созданная картина событий, на наш взгляд, показана односторонне. И Россия, и Япония, если следовать логике С. Пейн, уже в тот момент осознанно шли к войне. Кроме того, в исследовании не показана внутренняя борьба за курс как в России, так и в Японии. Роль как Витте, так и Ито Хиробуми в попытках прийти к соглашению, на наш взгляд, также не раскрыты.

Боксерское восстание и ввод войск в Манчжурию стало серьёзной проверкой для российской дипломатии. Действия Российской империи, как мы видим, по-разному оцениваются на Западе. Одни исследователи (как например, Дэвид Схиммельпенник ван дер Ойе, Сидни Харкейв) отмечают борьбу

¹ Ibid. P.145.

² Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: perceptions, power and primacy Cambridge, N.Y., 2003. P. 320.

курсов внутри высокопоставленных чиновников и победу тех, кто волею случая оказался под покровительством царя. Другие историки (такие как Дэвид МакКензи, С.Пейн) изображают Россию агрессивной державой с имперскими амбициями. Между тем все исследователи отмечают, что результатом этого периода во внешней политике стала фактическая международная изоляция России.

Заключение англо-японского союза означало крупнейшее стратегическое поражение России в борьбе за раздел колоний на Дальнем Востоке. Соотношение сил в этой борьбе складывалось явно не в пользу России. Отныне ей пришлось иметь дело с могущественным блоком Японии и Англии – ее исконных соперников по дележу Китая. На стороне этого блока выступали также Соединенные Штаты Америки, которые почти одновременно с заключением англо-японского союза выступили в Петербурге с протестом против попытки царской России добиться монополии в Маньчжурии. Нечего было ждать поддержки и от Германии, которая проводила на Дальнем Востоке политику провокаций, стремясь втянуть Россию в конфликт с Японией и тем самым развязать себе руки в Европе. Что касается Франции, то ее внешнеполитические руководители давно уже с неодобрением наблюдали за активизацией внешней политики России на Дальнем Востоке. Поддерживать дальневосточные авантюры царизма не входило в интересы французских правящих кругов, поскольку эти авантюры ослабляли значение России как союзника Франции в Европе.

Итак, дипломатия Витте «проиграла дело в Маньчжурии». Несмотря на то, что Россия в союзе с империалистическими державами жестоко подавила восстание и подписала в Пекине 7 сентября 1901 г. унижительный для Китая «Заключительный протокол», закрепив тем самым свои позиции в Маньчжурии, были утеряны серьезные позиции в этом регионе. Китай больше не являлся дружественной страной, Корея попала под японское влияние. Но самое главное – на полностью незащищенных дальневосточных рубежах

слабой российской империи возник мощный, враждебный англо-японский блок. Попытка Витте в марте и апреле 1903 г. поставить выполнение русско-китайского договора в зависимость от предоставления Китаем царскому правительству гарантий нерушимости русских интересов в Маньчжурии также успеха не имела.

Идея о том, что именно разногласия во взглядах между российскими чиновниками, неумение вопреки всему выработать единую линию поведения и действовать по заранее спланированному плану привели страну к печально известным последствиям, существует и в отечественной историографии. Например, И.В. Лукоянов пишет: «После 1902 г. Петербург так и не мог решить, что именно он хочет и возможно ли этого добиться»¹,

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. Первое. Однозначной оценки в современной англо-американской историографии японо-китайская война 1894–1895 гг. не получила. Ряд историков (Д. МакКензи, Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, С.Харкейв) показывают, что действия России, направленные на пересмотр условий Симоносекского договора и фактическое спасение Китая, было значительным шагом в деле поддержания относительного спокойствия на дальневосточных рубежах. Как отмечено в их работах, Россия многое получила от своей дипломатической игры, но лишь продолжение намеченного курса во внешней политике могло служить залогом дальнейших успехов. Изменения вектора развития российской внешней политики неизбежно делало победу российской дипломатии 1895 г. опасной. Другие же историки (С.М. Пейн) полагают, что война 1894–1895 гг. имела значение только для Японии и Китая, поскольку меняла их статус в глазах международного сообщества. Роль России в данной войне – минимальна, а, следовательно, и ее последствия – незначительны.

¹ Цит. по: Лукоянов И.В. Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.: борьба за выбор политического курса: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2009. С. 29.

Второе. Говоря о роли Транссибирской магистрали во внешней политике России на Дальнем Востоке глазами современных западных историков, еще раз хотелось бы отметить те конкретные задачи, которые должна была решать эта железная дорога. К ним относятся, во-первых, социально-экономическое освоение региона, что позволяло заново осваивать российскую периферию. Этот аспект важен в контексте рассмотрения внешней политики в том отношении, что развитый в экономическом отношении регион не является легкой добычей для внешней экономической экспансии. Во-вторых, строительство железной дороги, требующее колоссальных финансовых затрат и значительной политической воли, а так же связующей российский Запад и Восток, а, по сути, большую часть Евразийского континента, неизбежно усилит авторитет власти как внутри страны, так и за ее пределами. В-третьих, Транссибирская магистраль будет способствовать усилению обороноспособности страны на отдаленных от центра рубежах, что особо важно, учитывая новую международную обстановку на Дальнем Востоке. И, в-четвертых, строительство данной дороги будет способствовать расширению культурного влияния России в Азии. Называя все задачи, стоявшие перед Великим Сибирским путем, авторы всё же расходятся в понимании того, какая цель была первостепенной.

Третье. Рассматривая проблему строительства КВЖД, большинство авторов подчеркивают тот факт, что нельзя дать однозначной оценки в необходимости ее строительства. Особенно важным этот аспект становится при рассмотрении этой проблемы в контексте анализа строительства Амурской железной дороги. Вопросы экономической выгоды, экономии финансовых средств, военно-стратегического значения, а также необходимости развития того или иного региона приобретают еще большую остроту, учитывая фактор времени и изменения международной обстановки. Данная проблема в современной англо-американской историографии поставлена, ее изучение продолжается.

Четвертое. В отношении аренды Ляодунского полуострова у современных британских и североамериканских исследователей сложилось вполне четкое представление как о переломном моменте во внешней политике России на Дальнем Востоке в конце XIX в. В работах подчеркивается, что данный политический акт выпадал за рамки намеченного плана действий на международной арене. Выстраиваемая С.Ю. Витте хрупкая система взаимоотношений со странами Дальнего Востока фактически рухнула. Политический капитал, заработанный в период японо-китайской войны, исчез. Как показывают авторы, в результате подобных действий отношения с российскими союзниками ухудшились, а соперники решили воспользоваться столь удачным моментом. Неизбежность войны стала очевидной.

Пятое. Современные западные авторы показывают, что именно после получения аренды Ляодунского полуострова Николай II стал меньше руководствоваться советами Витте. Результатом стал ввод войск в Манчжурию, на территорию своего союзника. Внешняя политика России стала более агрессивной. Современные исследователи объясняют это по-разному. Одни (Д. Схиммельпенник, С.Харкейв) отмечают смену внешнеполитического курса, вызванную внутривнутриполитической борьбой. Другие (Д. МакКензи, С. Пейн) считают, что именно такая политика на международной арене и соответствует духу страны с имперскими амбициями. Внешнеполитическая изоляция России стала неизбежной, что, в свою очередь, было выгодно европейским державам и Японии.

Глава III

ИЗУЧЕНИЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг. В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

§1. Причины русско-японской войны

Русско-японская война 1904–1905 гг. – одно из наиболее значимых событий XX в. Несмотря на то, что изучение ее причин началось практически сразу, эта проблема остается актуальной для современных исследователей. В российской историографии в качестве главных причин войны принято называть действия России в отношении Японии после войны 1894–1895 гг. и пересмотр условий мирного договора, строительство КВЖД и аренда Порт-Артура, ввод на территорию Манчжурии в связи с «боксерским восстанием» войск и их долгая эвакуация, а также активизация России в Корее.

Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе, рассматривая причины русско-японской войны, как и многие исследователи данной проблемы, отмечает противоречивость и непоследовательность внешней политики России. Он объясняет это двумя факторами. Во-первых, начало XX века было временем всеобщей нестабильности во всей Европе¹. Во-вторых, Схиммельпеннинк связывает характер внешней политики с личностью Николая II, действия которого привели к падению династии и всей империи².

Канадский историк утверждает, что событием, ускорившим происходящие на Дальнем Востоке процессы конца XIX века, была победа Японии над Китаем в борьбе за Корею³. Вмешательство Российской империи и ряда европейских государств, повлекших за собой пересмотр итогов войны, стало неким катализатором тех процессов, которые в итоге и привели к русско-

¹ Schimmelpenninck Van der Oye D. Russian foreign policy, 1815–1917 // The Cambridge History of Russia. 2006. Vol. II. P. 568.

² Ibid. P. 556.

³ Ibid. P. 568.

японской войне 1904-1905 гг. Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе отмечает особую роль Московского секретного договора от 22 мая 1896 г., который провозглашал образование военного союза между Китаем и Россией против Японии, заключение контракта на постройку КВЖД и ее эксплуатацию, а также конвенции о двадцатипятилетней аренде Россией двух портов – Порт-Артура и Дальнего. Автор подчеркивает, что именно факт аренды указанных портов имел фактически судьбоносные последствия, так как, что Россия заняла ту самую территорию, которую двумя годами ранее заставила Японию вернуть Китаю, чем вызвала огромное недовольство правительства Мэйдзи.

Д. Схиммельпеннинк детально изучает вопрос о предоставлении лесных концессий на р. Ялу. Данный проект в 1899 г. оказался в руках В. Вонлярлярского и А. Безобразова. В российской историографии сложилось мнение о том, что именно «безобразовская шайка» фактически определяла деятельность внешней политики России на Дальнем Востоке в этот период. Дискуссии вызывал вопрос о том, насколько действия этой группировки отличались от курса министерства иностранных дел и финансов¹. Схиммельпеннинк, в свою очередь, показывает, что увлечение императора этой идеей было временным, как и любое другое увлечение Николая II. Скорее, в качестве антипода С.Ю. Витте стоит рассматривать адмирала Е.И. Алексеева.

Возвращаясь к теме лесных концессий России в Корее, отметим, что канадский исследователь подчеркивает авантюристичность идеи Безобразова, который волею случая оказался под покровительством императора Российской империи. В работе проказано, что Витте при поддержке Ламздорфа и позже Куропаткина пытался противостоять идее военно-экономического проникновения в Корею². Основная цель концессии на реке Ялу, как ее видел Безобразов, состояла в создании оборонительного щита на расстоянии от

¹ См. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 97–104.

² Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С.314.

Владивостока до Порт-Артура для защиты Манчжурии от японских атак¹. Поэтому Россия ни в коем случае не должна эвакуировать свои войска из Манчжурии. Хотя такая идея Безобразова в целом импонировала царю, но, как подчеркивает Схиммельпеннинк, к лету 1903 г. роль этого человека стала почти незаметной².

Автор приходит к выводу о том, что роль А.М. Безобразова была хоть и яркой, особенно когда речь шла о лесных концессиях на р. Ялу, но эпизодической. Его деятельность не была основной причиной русско-японской войны. Безобразов был удобен, даже нужен Витте и Куропаткину, ведь на него можно было возложить вину за войну с Японией. Но не следует преувеличивать значение действия гвардейского капитана. В качестве доказательства автор приводит слова Р.Розена о том, что правительство Японии не обращало особого внимания на бурную деятельность Безобразова: «Вопрос лесной концессии на р. Ялу не поднимался и даже не упоминался в ходе переговоров, предшествовавших войне. <...> Поэтому обвинения в том, что он послужил непосредственной причиной разрыва отношений с Японией ... ни в коем случае ничего не значит»³. Таким образом, по мнению автора, лесные концессии в Корею не могут рассматриваться как одна из причин русско-японской войны.

Тогда что же привело к военным действиям 1904–1905 гг.? Д. Схиммельпеннинк считает, что непосредственной причиной русско-японской войны было упорное нежелание царя эвакуировать войска с территории Манчжурии, введенные еще в 1900 г. совместно с военными подразделениями других стран для подавления «боксерского восстания»⁴. Кроме того, автор отмечает, что усугубляли ситуацию разногласия в российском правительстве, начавшиеся после того, как 26 сентября 1902 г. был осуществлен первый этап соглашения об эвакуации. Неустойчивое положение дел на Дальнем Востоке

¹ Там же. С. 315.

² Там же. С. 316

³ Цит. по: Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С.316.

⁴ Schimmelpenninck van der Oye D. Russian foreign policy, 1815–1917. P. 568.

привело к переоценке этой проблемы в министерстве иностранных дел. Испугавшись потенциальной проблемы «наплыва желтой расы» в Восточную Сибирь и возможной угрозы ущемления российских прав в Манчжурии, российская сторона начала выторговывать дополнительные гарантии у Пекина¹. Россия начала давить на Китай, который, в свою очередь, продолжал искать помощи других держав против своего северного соседа². Не последнюю роль в обострении обстановки сыграли кардинальные изменения в российском руководстве. Но для канадского исследователя отставка С.Ю. Витте не является здесь основным моментом. Ключевым событием, по мнению Схиммельпеннинка, является указ от 30 июля 1903 г. о назначении адмирала Е.И. Алексеева наместником на Дальнем Востоке. Е.И. Алексеев теперь полностью отвечал за политику Российской империи в данном регионе. Все другие должностные лица, включая военнотружущих, дипломатов и финансовых агентов подчинялись ему. Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе в своей работе приходит к выводу о том, что именно это назначение стало главной провокацией для Японии³. Именно этот шаг Николая II, по мнению автора, привел к большей дипломатической изоляции России и заставил Японию предпринять решительные шаги.

Изучая работы Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе, отметим, что для нас интересна его позиция в отношении Е.И. Алексеева и А.М. Безобразова, а также мнение о значении отставки С.Ю. Витте. В этих вопросах точка зрения канадского исследователя со сложившимся в отечественной исторической науке подходом.

Несколько иной взгляд на данную проблему представлен в работе Дэвида МакКензи «Имперские мечты в столкновении с реальностью: царская внешняя политика России, 1815–1917 гг.». Рассматривая российскую внешнюю

¹ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Указ. соч. С.318–319.

² Там же. С. 320.

³ Там же. С. 322–323.

политику накануне русско-японской войны, автор полагает, что экспансия России на Восток отличалась от экспансии великих промышленных стран Европы. В ней скорее отражалась экономическая слабость, недоразвитость и попытки казаться великой державой¹.

МакКензи считает, что империалистическая политика Петербурга была несколько неадекватной и не соответствовала реальным потребностям страны. Он объясняет это несколькими причинами. Во-первых, у России не было достаточного количества денежных средств, чтобы начать программу развития собственного Дальнего Востока (Амурского региона и острова Сахалин), не говоря уже об экономическом проникновении на территорию другого государства. Во-вторых, как отмечает автор, смысла в поиске новых рынков в Китае не было, поскольку российские товары были неконкурентоспособными². Таким образом, он приходит к выводу о том, что стремление проникнуть на территорию Кореи и Манчжурии, а также желание получить незамерзающий порт основывались в большей степени на идеях восточников о великой русской миссии в Азии, а не на реальных экономических интересах³. Д. МакКензи утверждает, что стратегические интересы были намного выше экономических. Вот почему Россия стремилась заручиться поддержкой Франции и Германии, чтобы заставить Японию отказаться от условий Симоносекского договора, который ослаблял позиции Петербурга в регионе. Но следовать разумному, по мнению МакКензи, курсу, направленному на сохранение status quo в регионе, правительству Российской империи не удалось главным образом по двум причинам. Во-первых, из-за постоянной смены руководства в министерстве иностранных дел так и не удалось выработать и проводить четкий внешнеполитический курс. Во-вторых, Николай II то и дело попадал под влияние отдельных личностей, чьи интересы и желания расходились с нуждами

¹ MacKenzie D. Указ. соч. Р. 135.

² Ibid. Р. 136.

³ Ibid. Р. 137.

страны. В совокупности это и стало, по мнению автора, причиной русско-японской войны¹.

Рассматривая причины русско-японской войны в современной англо-американской исторической науке, отметим работы С. Маркса. Причиной конфликта, по его мнению, оказались претензии России на Манчжурию. По условиям Симоносекского договора японцы должны были получить контроль над Южной Маньчжурией, и в особенности – над Ляодунским полуостровом. Но Россия не только заставила пересмотреть условия мира и отказаться от оккупации полуострова, но и сама заняла эту территорию несколько лет позже². Подобная ситуация, как отмечает С.Маркс, привела японцев в бешенство и те захотели реванша.

С точки зрения Японии, далее ситуация только ухудшалась. Чтобы расширить влияние России и получить доступ к местным портам, С.Ю. Витте построил ветку КВЖД – ЮМЖД.

Американский исследователь отмечает, что не последнюю роль в ухудшении ситуации сыграло высокомерие российского монарха в отношении японцев. Автор обращает особое внимание на то, что министр финансов убеждал о необходимости проведения умеренной политики и стараться избегать конфликтов с Японией, но его предостережения остались не услышанными. Более того, он был вынужден уйти в отставку. В результате сложившейся ситуации, Япония получила достаточно причин для начала войны.

То, что вмешательство России в японо-китайские отношения после войны 1894–1895 гг. стала причиной русско-японской войны 1904–1905 гг., считает и С. Пейн. Он полагает, что т.н. «тройственная интервенция» зародила в умах

¹ Ibid. P. 135.

² Marks Steven G. The Burden of the Far East: the Amur Railroad Question in Russia, 1906–1916. P. 11.

японцев чувство реваншизма¹. Факт дипломатического вмешательства России в войну сам по себе оказался неприемлемым в некоторой степени унижительным для Страны Восходящего солнца. Но еще большим ударом по самолюбию японцев оказалась аренда Порт-Артура 1898 г. – той самой территории, от которой Россия заставила отказаться Японию. Пейн подчеркивает, что какой бы «западной» не становилась эта азиатская страна, в ней по-прежнему значительное внимание уделяли вопросам чести страны и ее «лица» в мире². Петербург же, по мнению автора, заставили дважды потерять своё лицо Токио. Для японцев единственным способом восстановить честь и вернуть достоинство стала возможность преподать такой же урок России.

В современной российской историографии взгляд на причины русско-японской войны более широкий, отличающийся глубоким пониманием сложившейся на Дальнем Востоке ситуации. Глубинной причиной войны отечественные историки называют столкновение империалистических интересов России и Японии, а Корея стала лишь объектом, на который были направлены действия этих стран³. Они обращают внимание еще на два важнейших фактора, вследствие которых русско-японская война была неизбежна. Во-первых, это приход к власти в Японии крайних милитаристов⁴. Во-вторых, позиция европейских держав и Америки, которые не желали усиление России в регионе и сами стремились к разделу этой территории⁵. Непосредственно участвовать в войне они не стремились, но активно подталкивали к этому Японию.

¹ Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: perceptions, power and primacy. P. 322.

² Ibid.

³ Молодяков В.Э., Молодякова Э.В. Маркарьян С.Б. История Японии. XX век. М., 2007. С. 18.

⁴ См., например, Молодяков В.Э., Молодякова Э.В. Маркарьян С.Б. Указ. соч. С. 21; Мультатули П.В. Указ. соч. С. 260.

⁵ Молодяков В.Э., Молодякова Э.В. Маркарьян С.Б. Указ. соч. С. 21; Широкоград А.Б. Указ. соч. С.67–68.

Таким образом, мы видим, что в современной англо-американской историографии существует ряд работ, в которых выделяются следующие причины русско-японской войны 1904–1905 гг. Во-первых, пересмотр условий Симоносекского договора 1895 г. как начало явного противостояния между Россией и Японией. Во-вторых, это аренда Ляодунского полуострова в 1898 г. В-третьих, оккупация Манчжурии. Некоторые историки (С.Харкейв) считают, что главной причиной войны 1904–1905 гг. была борьба между Россией и Японией за влияние в Корее. Таким образом, мы видим, что изучение причин русско-японской войны до сих пор является актуальной проблемой, достойной внимания и изучения.

§2. Русско-японские отношения во время войны 1904–1905 гг.

Данный параграф посвящен изучению работ современных англо-американских исследователей, посвященных рассмотрению дипломатических отношений между Россией и Японией в период русско-японской войны 1904–1905 гг. В самом начале мы бы хотели отметить, что на развитие русско-японских дипломатических отношений от нападения японцев на Порт-Артур до заключения мира в Портсмуте значительно влиял ход военных действий. Поэтому важно рассматривать то, какие события с точки зрения ведения войны события, которые, вместе с тем, становились новыми точками отсчета, с которых начинались изменения в отношениях двух стран, выбирает исследователь.

Известно, что 6 февраля 1904 г. дипломатические отношения между Россией и Японией были разорваны. В самом начале войны ни одна из сторон не стремилась искать средств ее прекращения. Тогда возникает вопрос о том, когда же это время наступило. В отечественной историографии сложилось достаточно определенное по этому вопросу. Так, Е.В. Тарле считает, что таковой точкой отсчета следует считать лето 1904 г. В это время Витте был в Берлине по вопросу о заключении нового торгового с Германией и, как пишет Тарле, получил известие о том, что Япония не прочь заключить мир, и что Японский посол в Лондоне барон Гаяши хочет встретиться с Витте¹. Об этом же пишет и А.В. Игнатьев².

В современных зарубежных работах несколько иной взгляд. Так, Дэвид МакКензи считает, что только после Цусимского сражения японцы попросили Теодора Рузвельта о посредничестве в переговорах³. К сожалению, автор не раскрывает причин такого шага японцев, не показывает, почему фактические

¹ Тарле Е.В. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. С. 54.

² Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. С. 196.

³ MacKenzie D. Указ. соч. Р. 149.

победители войны сами не смогли договориться об организации мирных договоров. Больше внимание автор уделяет действиям России.

МакКензи показывает, что только целый комплекс проблем, включающий не только поражения в войне, но и начавшуюся революцию и тяжелую финансовую ситуацию в стране, заставили Николая II пойти на поиски мира¹. Вместе с тем, автор подчеркивает роль Вильгельма II. Именно он заставил императора России принять поступившее от Рузвельта предложение, т.к. испугался, что российская монархия не сможет устоять перед лицом революции. Германии не нужна была сильная Россия. Но это вовсе не значит, что она ей вообще не была нужна.

Подробнее тему взаимоотношений двух воюющих стран показывает Сидни Харкейв. Как мы отмечали выше, профессор Харкейв рассматривает развитие внешней политики России в указанный период через призму взглядов и деятельности С.Ю. Витте. В отношении обозначенной темы он затрагивает весьма интересные аспекты, более полным образом рисуя ситуацию на дипломатической арене в 1904–1905 гг.

Витте, как показано в работе, еще до Мукдена считал, что России следует заключить мир с Японией, даже если его страна сможет вытеснить японцев из Манчжурии. После этого поражения в феврале 1905 г. он был полностью уверен в необходимости скорейшего его заключения².

Автор показывает, что японцы еще до Мукдена поняли то же, что и Витте – мир необходим. Но в отличие от МакКензи, Харкейв поясняет причину обращения к Теодору Рузвельту: японцы несколько раз посылали своих агентов, что бы те разузнали, желает ли царь пойти на переговоры. Однако эта деятельность оказалась безрезультатной, и японцы были вынуждены обратиться за помощью к посреднику.

¹ Ibid. P. 148.

² Harcave S. Указ. соч. P. 141.

В работе показано и то, зачем это посредничество было необходимо Соединенным Штатам Америки. Автор поясняет, что, хотя Рузвельт поначалу и был на стороне японцев, но дальнейшее продолжение войны и соответственное усиление Японии было не в интересах его страны. Более того, как подчеркнуто в работе, такого же мнения стали придерживаться и другие страны, за исключением Германии¹.

Итак, во время военных действий до начала мирных переговоров дипломатические отношения между Японией и Россией напрямую не велились. Заслуга Харкейва состоит в том, что он всё же смог показать опосредованные отношения. Так, он показывает, что после провозглашения Рузвельтом в марте плана начала урегулирования конфликта царь еще колебался и не желал его принимать. В такой ситуации Витте начал переговоры с Чарльзом Гардингом, британским послом, и сообщил ему о необходимости мира для его страны и угрозе революции, а также составил приблизительный список условий заключения мира. Автор доказывает, что С.Ю. Витте прекрасно понимал, что разговаривает с союзником Японии и что правители Страны Восходящего солнца немедленно обо всем узнают². Харкейв подчеркивает, что такое поведение Витте было чем-то невозможным в самодержавной России: опальный сановник начал действовать по своей собственной инициативе на свой страх и риск против воли царя, но во имя спасения собственной страны. На фоне постоянно колеблющегося царя, авантюристов и ни к чему неспособных чиновников Витте выделялся не только своими знаниями, своим чутьем политической обстановки, умением действовать быстро и четко, но и своим искренним и истинным желанием создать, сохранить сильную Россию не смотря ни на что.

Цусимское сражение заставило не проигравшую Россию, но выигравшую Японию всё сильнее искать помощи Соединенных Штатов. Это наблюдение

¹ Ibid.

² Ibid. P. 142.

автора интересно в контексте понимания не только личности российского самодержца, но и крупнейших чиновников той эпохи. Харкейв показывает, что, вместо того, чтобы немедленно сесть за стол переговоров, царь созывает военный совет, на котором вновь нет единого мнения. Более того, ни к какому-то конкретному решению так и не пришли. При этом через шесть дней Россия всё же решилась начать переговоры.

Нелогичность и непоследовательность русской дипломатии периода войны 1904–1905 гг. привела к тому, что Россия вынуждена была соглашаться сесть за стол переговоров в Портсмуте в максимально сложной обстановке. В работе показано, что Витте стремился с помощью опосредованных разговоров начать процесс мирного урегулирования конфликта, стоившего России не только значительных человеческих потерь и финансового расстройства страны, но и начавшейся революции, положившей конец абсолютной монархии. Харкейв убедительно доказывает, что сложившаяся в стране структура власти не позволила отношениям между Россией и Японией в 1904–1905 гг. развиваться плодотворнее. Стал очевидным факт неспособности самодержавия себя спасти.

О том, что Япония первая на государственном уровне осознала необходимость прекращения войны еще до Цусимы, пишет в своей работе Джеффри Джукс. Однако, в отличие от Харкейва, автор считает, что Рузвельт первый предложил свои услуги в качестве посредника¹. После Цусимского сражения его предложения стали активно обсуждаться в японском правительстве. О том, что и в российском правительстве стала обсуждаться возможность начала переговоров, в работе, к сожалению не говорится. Интересно, что при этом автор пишет о тех противоречивых советах, которые буквально сыпались на Николая II. Но исходили они не от чиновников. Продолжения войны, как пишет Джукс, требовали супруга императора, а также

¹Jukes G. Указ. соч. Р. 78.

генералы в Манчжурии под руководством Н.П. Линевича и А.Н. Куропаткина¹. Однако тем единственным человеком, который убеждал Николая II скорее покончить с войной и заняться внутренними проблемами, у автора становится Вильгельм II. Правда, в работе уточняется, что ранее кайзер Германии наоборот убеждал Николая в необходимости продолжать военные действия, но после Мукдена и тем более Цусимы его стало сильно беспокоить судьба монархии в России².

Мы можем проследить некую схожесть между позициями МакКензи и Джукса по этому вопросу. Оба исследователя подчеркивают роль кайзера Вильгельма и не выделяют Витте и его действия по вопросу урегулирования конфликта. Однако все исследователи сходятся в том, что у России был шанс прекратить войну не осенью 1905 г., а ранее – зимой 1905 г.

Рассматривая проблему отношений России и Японии во время войны 1904–1905 гг. мы бы хотели отметить малую степень изученности проблемы на Западе. Как мы видим, лишь в некоторых работах, да и то эпизодически, рассмотрены некоторые аспекты указанной проблемы. Мы можем отметить тот факт, что российская историческая школа преуспела в этом вопросе. В нашей стране вопросам внешней политики и международной обстановке во время русско-японской войны 1904–1905 гг. посвящены такие комплексные исследования, как работы В.И. Бовыкина «Очерки истории внешней политики России конца XIX века – 1917 год», А.В. Игнатьева «С.Ю. Витте – дипломат», Б.А. Романова «Очерки дипломатической истории русско-японской войны», Е.В. Тарле «Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики», «История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции)», «История русско-японской войны 1904–1905 гг.» и ряд других работ. В них проблема русско-японской

¹ Ibid. P. 76.

² Ibid.

дипломатии раскрывается глубже, работы прекрасно характеризуются не только с фактологической, но и с аналитической точки зрения.

Единственной западной работой, заслуживающей нашего пристального внимания в этой связи, является исследование Сидни Харкейва. Профессор Харкейв показывая реальное развитие русско-японских отношений в 1904–1905 гг. Более того, он обращает внимание и на взаимоотношение воюющих сторон с другими странами, показывает роль Сергея Витте в подталкивании царя пойти на переговоры.

К сожалению, мы не можем сказать того же в отношении других авторов. Однако по нашему мнению, дальнейшее развитие исторической науки на Западе, учитывая всё возрастающий интерес к этой войне за рубежом, заполнит этот существенный пробел в современной англо-американской историографии русско-японской войны 1904–1905 гг.

§3. Портсмутский мирный договор: его результаты и последствия

Портсмутский мирный договор является неоспоримым успехом российской дипломатии. Крах международного авторитета империи, тяжелые военные потери, подъём революции внутри страны, нежелание Николая «опуститься» до территориальных уступок и выплаты контрибуции – всё вместе создавали не слишком благоприятную обстановку для ведения переговоров о мире. Однако «благопристойного мира» всё же удалось достичь. Заключенный мир был достойнее проигранной войны. Основная заслуга в этом принадлежит С.Ю. Витте, которому в очередной раз удалось спасти (по крайней мере, временно) от неминуемого краха.

Значительное количество работ посвящено изучению причин этой дипломатической победы, анализу статей самого договора и рассмотрению его последствий. Но и сегодня авторы многочисленных исследований стремятся осмыслить и понять, почему же, с учетом всех вышеперечисленных неблагоприятных условий, мир был заключен в большей степени на выгодных для России условиях, и кому в действительности были выгодны его условия.

Интересной для нас является работа С. Харкейва «Граф Сергей Витте и сумерки имперской России: биография». Автор не просто анализирует и изучает российскую историю рубежа XIX–XX вв., но делает это сквозь призму личности С.Ю. Витте¹. Сложно сказать, что данная работа отличается оригинальным подходом или взглядом на проблему. Между тем, автор в своем исследовании выстраивает цепочку фактов определенным образом и приводит читателя к не менее определенным выводам.

События августа 1905 г. исследователь рассматривает очень подробно. Особое внимание уделяется действиям и поведению ключевых фигур мирных

¹ Такой подход не нов и для отечественной историографии. См. Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат.

переговоров – С.Ю. Витте, Т. Рузвельта и Николая II. Именно они, по мнению С. Харкейва, сыграли важнейшую роль при заключении мирного договора.

Американский исследователь четко выделяет три основных направления деятельности С.Ю. Витте. И первым из них он называет попытки организации займа. Витте Харкейва – человек, просчитывающий на несколько ходов вперед. Он понимает, что восстановление страны после революции и войны потребует значительных денежных средств, но в существующих условиях получить займ – задача непростая. Видимо, по этим причинам автор обращает такое пристальное внимание на встречи Витте президентом и премьером Франции, а также с представителем банковской элиты Америки – вице-президентом Национального Банка (National City Bank) Фрэнком Вандерлипом¹. Харкейв обращает внимание на то, что и руководство Франции, и представители американской банковской системы были готовы выдать требуемые суммы, только если воюющим сторонам удастся прийти к соглашению. К сожалению, автор не пытается понять, почему представители стран, не участвующих в войне, так стремятся к миру. Не ускользает от внимания Харкейва встречи С.Ю. Витте с американским магнатом Дж.П. Морганом. Автор отмечает взаимную симпатию Витте и Моргана, которая, правда, не принесла сколь-нибудь ощутимых результатов для обеих стран.

Еще одним направлением деятельности С.Ю. Витте являлось формирование положительного имиджа России на Западе. Причем автор подробно описывает как успешные действия (прекрасно организованная работа с прессой, формирование нужного общественного мнения), так и определенные промахи российского уполномоченного (фактический провал встреч с лидерами еврейских общин).

Последнее направление непосредственно связано с ходом переговоров. Показывая всю напряженность работы Витте и ведение переговоров фактически с двумя сторонами (Японией и Николаем II), Харкейв создает образ

¹ Harcave S. Указ. соч. Р. 145,147.

настоящего борца. С.Ю. Витте вынужден вести дипломатическую войну не только по каждому пункту условий, предъявленному японцами, но и бороться против неуступчивости царя. Автор восхищается российским уполномоченным, который, ведя «войну на два фронта», с блеском ее выигрывает. Но за яркой победой Харкейв увидел трагизм личности Витте: у него не было другого выхода, кроме как добиться принятия требований проигравшего самодержавия. Даже добыв победу при столь неблагоприятных условиях, он беспокоится о том, что о нем думают при дворе, и что теперь ждет его в будущем¹.

Говоря о результатах мирных переговоров, С. Харкейв отмечает снижение влияния России на Дальнем Востоке. В исследовании показано, что результаты Портсмутских переговоров превысили все возможные ожидания. И заслуга в этом принадлежит С.Ю. Витте. Как подчеркивает автор, если бы на должность первого уполномоченного был назначен А.И. Нелидов, А.П. Извольский или М.Н. Муравьев, условия договора были бы более тяжелыми².

Личности Николая II автор уделяет не столь значительное внимание. Между тем анализ его действий позволяет автору точнее показать причины именно такого развития переговоров в Портсмуте. Харкейв изображает Николая II слабохарактерным самодержцем, который вечно всего боится. Он абсолютно уверен в своей правоте, не склонен к компромиссам и не в состоянии быстро принимать решения³. Вместо того, чтобы как можно скорее сесть за стол переговоров и завершить фактически проигранную войну, он до последнего надеялся разгромить японцев в каком-нибудь крупном сражении. Вместо того, чтобы обратить все силы на подавление революции, он надеялся на патриотический подъем. Вместо того, чтобы, не теряя времени, назначить состав делегации на мирные переговоры, Николай долго пытается найти человека на эту должность, лишь бы только не просить об этом Витте. С.

¹ Ibid. P. 153.

² Ibid. P. 153–154.

³ Как мы видим, такая характеристика российского императора несколько расходится с точкой зрения современных отечественных исследователей.

Харкейв отмечает, что Николай II не хотел обращаться за помощью к бывшему министру финансов. Кандидатура Муравьева рассматривалась в основном потому, как пишет автор, что это был один из главных противников и даже врагов Витте.

Противостоянию Витте и Николая II во время конференции уделяется особое внимание. Как считает Харкейв, российский самодержец не имел ни малейшего представления о реальном положении дел на мирных переговорах. И если бы не поздравления со всего света, как отмечает автор, Николай так бы и не удалось оценить настоящую цену такой победы.

Третья ключевая фигура в исследовании Харкейва – Теодор Рузвельт, роли которого в указанной работе уделяется значительное внимание. Американский президент выступает в роли истинного миротворца. Как нами уже было отмечено, к сожалению, Харкейв не выдает истинных причин такого политического благородства¹. Зато автор уделяет значительное внимание описанию церемоний и многочисленных обедов, организованные Соединенными Штатами. То, что американская сторона была заинтересована в скорейшем заключении мира между воюющими странами, автор стремится подтвердить активными действиями со стороны своего посланника в Петербурге. Американский исследователь обращает особое внимание на то, что именно Мейеру удалось убедить Николая II пойти на раздел острова Сахалин². Складывается такое впечатление, что Соединенным штатам в лице Т. Рузвельта принадлежит значительная, даже ключевая роль в заключении мирного договора.

Работа С. Харкейва интересна по многим причинам. С одной стороны, она не страдает наличием штампов эпохи холодной войны. С другой стороны, хотя данное исследование в целом не противоречит позиции, сложившейся в

¹ В отечественной историографии эта проблема нашла большее отражение. См. Small Паломничество С. Ю. Витте въ Портсмутъ. СПб., 1906. С.7–8, 10–14.

² Harcave S. Указ. соч. Р. 151

отечественной исторической науке, всё же некоторые акценты расставлены по-иному. Как уже говорилось, значительное внимание уделяется именно роли Соединенных Штатов. Между тем полного и всестороннего анализа роли этой страны в процессе мирного урегулирования конфликта не получилось. Цели и мотивы Америки не раскрыты, хотя отводится значительное место описанию церемоний, личных встреч и т.п., роль которых не совсем ясна. С. Харкейв не ставит перед собой задачи понять, что получит Америка в результате усиления или ослабления России или Японии.

Рассматривая проблему Портсмутского мирного договора, нельзя не назвать исследование Дэвида МакКензи «Имперские мечты в столкновении с реальностью: царская внешняя политика России, 1815–1917 гг.». В ней он по-иному, по сравнению предыдущими исследователями, рассматривает указанную проблему.

Первое. Особая роль отводится императору Германии Вильгельму II. Д. МакКензи старается показать, что, испугавшись начавшейся в России революции, Вильгельму II удалось убедить Николая II в необходимости пойти на уступки и принять предложение американского президента сесть за стол переговоров¹. Американский ученый не уделяет особое внимание процессу выбора кандидата на роль первого уполномоченного, путешествию в Америку, вопросам организации займа или вопросам организаций различного рода встреч и церемоний, как это было в работе С. Харкейва. Главным для автора является необходимость осмыслить то значение, которое оказал Портсмутский договор на последующее развитие международных отношений.

Д. МакКензи утверждает, что в результате заключенных договоренностей Россия лишалась всех своих бессмысленных² приобретений на Дальнем Востоке за последнее десятилетие. Отметим, что американский исследователь всегда являлся сторонником той точки зрения, что продвижение России на

¹ MacKenzie D. Указ. соч. Р. 149.

² Ibid. Р.149.

Восток к Тихому океану не отвечало реальным потребностям страны. Он объяснял это тем, что у страны не было средств даже для развития российского Амурского региона, не говоря уже о продвижении в Манчжурию¹. Собственно, поэтому МакКензи, говоря о причинах, побудивших царя пойти на мирные переговоры, именно фактический финансовый крах страны считает основным фактором.

Второе. Американский исследователь подчеркивает, что поражение России сильно ослабило франко-русский союз, что, в свою очередь, вселило уверенность Германии в собственных силах. Вместе с тем поражение России на море способствовало англо-русскому сближению². Таким образом, автор уже здесь объясняет причины именно такой группировки стран (Франция, Англия, Россия) накануне Первой мировой войны.

Третье. Д. МакКензи обращает особое внимание на то, что поражение России стало первой крупной победой азиатской державы над европейской страной, которая начала подрывать престиж европейского империализма.

Внимания заслуживает работа Джеффри Джукса «Русско-японская война 1904–1905 гг.». На страницах относительно небольшого исследования в 100 страниц, изобилующих иллюстрациями, автор уделяет внимание скорее фактической стороне событий, нежели аналитической. Между тем, при рассмотрении проблемы заключения Портсмутского мирного договора можно увидеть позицию автора и некоторый анализ событий.

Говоря о назначении Витте на должность главного уполномоченного, автор не показывает долгие колебания Николая. Джукс просто отмечает, что это был достаточно необычный выбор, учитывая непопулярность бывшего министра финансов при дворе. Между тем автор называет это решение одним из немногих правильных, которое принял Николай II³. Далее, вслед за многими

¹ Ibid. P.136.

² MacKenzie D. Указ. соч. P. 150

³ Jukes G. Указ. соч. P. 86.

отечественными и зарубежными исследователями данной темы Джеффри Джукс полагает, что С.Ю. Витте смог добиться успеха в том числе и благодаря тому, что смог завоевать симпатии американской прессы и американской общественности. Однако в отношении Т.Рузвельта С.Ю. Витте избрал иной образ действий. Автор вполне логично объясняет это тем, что главным фактором в достижении положительного для России результата было не личное обаяние Витте, а правильная оценка Рузвельта складывающейся международной ситуации.

Автор вполне четко показывает, что Соединенные Штаты быстро осознали тот факт, что усиление Японии могло помешать им получить ту роль, которую они планировали играть на Тихом океане¹. Далее, не показывая всю сложность и напряженность переговоров, Джукс переходит к рассмотрению тех пунктов договора, вокруг которых и разгорелись основные споры². К сожалению, краткость изложения не позволила сделать более емкие выводы. Очевидным лишь является отношение автора к Витте, как к наиболее способному чиновнику Николаевской России, доставшемуся в наследство последнему императору из рода Романовых от царя-мироотворца Александра III.

Анализируя работы современных англо-американских исследователей данной проблемы, стоит отметить, что все исследователи обращают особое внимание на роль Соединенных Штатов в процессе мирного урегулирования конфликта, а также тем последствиям, к которым привело поражение России как европейской державы перед лицом азиатской страны, вставшей на путь модернизации. Более того, мы бы хотели отметить то внимание к личности Витте, которое ему уделяется в современных исследованиях. Даже в самой обзорной работе подчеркивается его главенствующая роль в заключении «благопристойного мира» в тяжелых для страны условиях, а также показывается отношение самодержавия к этому выдающемуся деятелю эпохи.

¹ Ibid. P. 86.

² Ibid. P. 87–88.

Если сравнивать работы современных зарубежных исследователей с отечественными работами, то нам следует отметить, что основным различием является степень участия Соединенных Штатов и рассмотрение их истинных намерений. Вместе с тем, почти все исследователи подчеркивают выдающуюся роль Витте в успешном для России окончании мирных переговоров.

§4. Последствия русско-японской войны в зарубежной исторической науке

Известно, что рубеж XIX–XX вв. был особым периодом в мировой истории. Мир вступил в новую фазу развития. Это было обусловлено определенным уровнем развития экономики ведущих мировых держав. Первые мировые экономические кризисы толкали эти страны к поиску новых путей взаимодействия друг с другом и с третьими странами, что стало приводить к войне одних стран за экономическое преобладание в других. Примером такой войны и была война 1904–1905 гг. Русско-японская война была вызвана целым рядом экономических и геополитических факторов. Её окончание всех проблем не решило. Более того, она стала катализатором новых процессов во всем мире. То, какие последствия эта война имела на мировое развитие, и будет рассмотрено в данном параграфе.

В работе С. Маркса ««Браво, храбрый тигр Востока!»: русско-японская война и подъем национализма в Британском Египте и Индии» дается анализ изменений во взаимоотношениях в политическом треугольнике Россия-Англия-Япония после подписания мирного договора. Маркс прямо говорит о том, что война стала возможной из-за неправильной позиции Англии, которая не смогла правильно оценить обстановку. В начале XX в. британское правительство было обеспокоено начавшимися процессами в Индии и не могло позволить России постепенно усиливать свои позиции в Азии. Поэтому было принято решение поддерживать Японию и создать условия для ее военного столкновения с Россией. Как утверждает американский исследователь, Англия руководствовалась желанием остановить «русского медведя». Никто не мог даже представить, что Японии удастся победить¹. Главный промах британского кабинета Маркс видит в том, что для многих

¹ Маркс Стивен Г. «Браво, храбрый тигр Востока!»: русско-японская война и подъем национализма в Британском Египте и Индии. С. 95.

«покоренных» народов Россия олицетворяла Запад, а Япония – Восток¹. Англия оказывала Японии военную помощь в качестве союзника Японии и соперника России в империалистической «большой игре». Однако последствия японской победы для британских колониальных властей проявлялись со все большей очевидностью². Поражение России «разбудило» британские колонии. Был развеян миф о прочности британского (а, значит, европейского) империализма. Кроме того, Япония усилила свои позиции на Дальнем Востоке и стала основным противником Англии в регионе. Теперь Британии нужна была Россия в качестве противовеса и, видимо, нового жандарма, правда, уже Азии.

Рассмотрению проблемы влияния русско-японской войны на подъем и развитие антиколониального движения в юго-восточной Азии посвящена и работа Пола Роделла «Национализм в юго-восточной Азии и русско-японская война: новый взгляд». В исследовании показано, что Филиппины и Вьетнам подверглись наименьшему влиянию победы Японии, т.к. большее воздействие на националистов этих стран оказала японо-китайская война 1894–1895 гг.³. Между тем, автор приходит к выводу о том, что, каким бы ни было влияние победы Страны Восходящего солнца на колониальный мир, главным следствием войны 1904–1905 гг. было новое отношение стран Запада к Японии. Всё больше Европа и США стали опасаться роста могущества Японии в юго-восточной Азии. Таким образом, выиграв в войне, Япония постепенно стала проигрывать в налаживании отношений с крупными империалистическими державами.

Истории Японии посвящено издание Кэмбриджа в 6 томах. В томе V, в котором рассматриваются события XIX – начала XX вв., нам показалось

¹ Там же. С. 97.

² Там же. С. 105.

³ Rodell A.P. Southeast Asian Nationalism and the Russo-Japanese War: Reexamining Assumption // Southeast Review of Asian Studies. 2007. Voll. 29. P. 22.

интересным исследование Акиры Ирии, преподавателя Университета Чикаго, «Как Япония стремилась получить статус великой державы». Автор пишет, что после окончания русско-японской войны Япония, безусловно, стала крупнейшей, даже ключевой державой в Азии. Именно о такой минуте славы мечтала Страна Восходящего солнца со времен унижительной «тройственной интервенции»¹. Однако эта победа не остановила, а только усилила стремления Японии в дальнейшем продвижении по пути становления великой державы. Автор показывает, что именно после войны начался новый виток развития в этом направлении.

Анализируя взгляды современных западных историков, обратимся к работе Джеффри Джукса «Русско-японская война, 1904–1905 гг.». Его мнение относительно влияния войны на Российскую империю сильно отличается не только от взглядов зарубежных историков, но и от позиций отечественных исследователей.

Он пишет, что, учитывая огромнейшие территории, которые занимала Россия, поражение в локальной войне далеко от центра страны за ее пределами, которое повлекло за собой лишь уступку части дальнего острова, который и служил-то местом для ссылки, не привлекло значительного внимания общественности, и без того утратившего веру в режим². Между тем, это утверждение нам кажется достаточно спорным. Ведь именно русско-японская война стала катализатором внутренних процессов. Стране в тот момент нужен был толчок, чтобы понять безнадежность положения империи. Русская общественность тяжело отреагировала на поражение своей Родины. В качестве доказательства приведем отрывок из дневника А. Богдановича от 17 мая 1905 г.:

¹ Iriye A. Japan's drive to great power status // The Cambridge History of Japan. Voll. V. 2008. P. 777.

² Jukes G. Указ. соч. P. 88.

Сегодня у нас говорили, что якобы Рожественский не пошел кругом оттого, что у него не хватило бы угля, что он не раз телеграфировал про это. Путятин это отрицает, говорит, что этого не было. Ужасно тоже, что три военных судна эскадры Небогатова и сам он сдались японцам. Такого ужасного погрома еще не было за эту войну, а сколько их было — Порт-Артур, Ляоян, Мукден и др. Все наши гости сегодня сильно упали духом, все ожидают внутренних смут, катастрофы, что повалится монархия, что сам царь даст не только конституцию, но и республику¹.

В отношении Японии автор отмечает, что, несмотря на успех Витте в Портсмуте, победа Страны Восходящего солнца в войне 1904–1905 гг. резко поставила ее в ранг великих держав. Джукс вслед за многими исследователями отмечает ту роль, которую сыграла Япония в становлении антиимпериалистических сил². Однако здесь он подмечает еще один интересный аспект: постепенно стало ясно, что цель Японии не уничтожить империализм, но укрепить его под своим началом³. Свидетельством тому служит дальнейшая экспансия Японии и, в качестве примера автор приводит факт аннексии Кореи в 1910 г. В целом работу Джеффри Джукса можно охарактеризовать как краткий обзор основных событий.

Таким образом, рассматривая последствия русско-японской войны в современной англо-американской историографии, стоит отметить малочисленность комплексных работ по данной теме. Всё больше исследований посвящено отдельным аспектам того влияние, которое оказала русско-японская война 1904–1905 гг. Среди множества работ стоит особо выделить исследования Ротема Коунера — одного из крупнейших современных специалистов по истории Японии. Он подробнейшим образом проследил влияние войны 1904–1905 гг. на мировое развитие, показав связь

¹ Богданович А.И. Три последних самодержца. М., 1990. С. 348.

² Jukes G. Указ. соч. Р. 88.

³ Ibid. Р.88.

между этой войной и Первой мировой войной. В своем исследовании автор комплексно подходит к изучению указанной темы, показывает направления развития темы в историографии.

Каковы же последствия русско-японской войны, по мнению современных англо-американских исследователей? Во-первых, в современной англо-американской историографии существуют разные точки зрения относительно причин русско-японской войны. В работах говорится как о комплексе причин, столкнувших две страны, так и о неизбежности конфликта вследствие особенностей исторического развития каждой державы.

Во-вторых, анализируя работы современных западных историков по проблеме дипломатических отношений между Россией и Японией периода войны 1904–1905 гг., можно отметить следующие ключевые аспекты, нашедших наибольшее отражение в исследованиях. Первое – авторы обращают внимание на то, что Япония первая поняла необходимость в заключении мира еще зимой 1905 г., однако непреклонность Николая II заставила Россию сесть за стол переговоров уже после Цусимы. Второе – анализ деятельности Витте, удаленного от реальной политики, но уже ищущего возможные варианты сотрудничества и посредничества еще зимой 1905 г. Третье – рассмотрение предложений посредников (США, Германии) в вопросе урегулирования военного конфликта.

В-третьих, стоит отметить то единодушие, которое проявляют современные англо-американские исследователи в отношении той высокой роли С.Ю. Витте в заключении Портсмутского мира. Интересен анализ причин заключения мира сквозь призму взглядов и действий отдельных личностей. К такому методу как понимание определения направления развития внешней политики России на Дальнем Востоке в указанный период с помощью анализа отношений Николая II и С.Витте современные западные историки уже прибегали, то теперь к этому дуэту присоединяется Т.Рузвельт.

Но если в отечественной историографии роли президента США уделялось не столь пристальное внимание, то в современной англо-американской историографии роли этой личности в деле мира отводится значительное место.

В-четвертых, в современной англо-американской исторической науке интересна характеристика последствий русско-японской войны. В работах исследователей (например, С. Маркс) поднимается вопрос о реальных победителях и проигравших. Рассматривая русско-японскую войну как борьбу между Западом и Востоком, он приходит к вполне логичному выводу о проигрыше Англии как западной страны, которая владела колониями именно на Востоке. Здесь он видит глобальные геостратегические просчеты Туманного Альбиона. В работах современных западных историков последствия войны 1904–1905 гг. анализируются с точки зрения ее мирового влияния. Всё большее количество ученых приходят к выводу о том, что главным результатом русско-японской войны было создание такой системы международных отношений, при которой стала возможна Первая мировая война.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная англо-американская историография представляет собой новый этап в развитии западной исторической мысли. Ее отличительными чертами являются: во-первых, характерное стремление отойти от подходов времен холодной войны в изучении российской истории и на основе различных источников сформировать свои собственные; во-вторых, история России начинает рассматриваться в контексте западной и общемировой истории как ее неотъемлемая составная часть, проводятся параллели с историческими процессами западного мира; в-третьих, возросший интерес к истории отдельных регионов.

Состав англо-американских исследователей дальневосточной политики России на рубеже XIX–XX вв. неоднороден. Большую его часть составляют профессиональные историки, которые являются профессорами крупных британских и североамериканских университетов (С.Г. Маркс, Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе, Ч.Й. Хсу, Д. Ливен и многие другие). Между тем, изучением российской внешней политики занимаются и профессиональные военные (Дж. Джукс), разведчики (С. Харкейв), политики (Г. Киссинджер, З. Бжезинский).

Источниковая база современных англоязычных исследований многообразна и обширна. Получив доступ к российским архивам (РГИА, РГВИА, АВПРИ, ГАРФ, СПбФ АРАН, НА РГО, РГА ВМФ и др.), многие ученые использовали их материалы при написании своих трудов (А. Маршалл, Ф. Вчисло, С.Г. Маркс, Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе и др.). Некоторые историки (Ф. Патрикеев, Г. Шукман, Ф. Вчисло и др.) прибегали к документам американских архивов (Бахметьевский архив российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета, Архив Института Гувера при Стенфордском университете). Однако большая часть исследователей работала с опубликованными источниками (мемуары, воспоминания, дневники различных деятелей эпохи; сборники документов) и

трудами других исследователей (наибольшей популярностью пользуются исследования Е.В. Тарле, Б.А. Романова, А.В. Игнатьева).

В современной англо-американской исторической науке появились работы, в которых помимо событий, фактов и явлений, относящихся непосредственно к проблеме внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке на рубеже XIX-XX вв., подробно рассматривается развитие общественно-политической мысли как фактора, который прямо или косвенно влияет на определение дипломатического курса в указанном регионе. Нами было установлено то, что в современной англо-американской историографии наметилась следующая дискуссия. Одни исследователи (например, Д. МакКензи) утверждают, что существовала одна концепция развития, которая претерпевала различные внутренние изменения. Другие (например, Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе) полагают, что в России того времени действительно были разные подходы в понимании роли и места империи в мировом развитии, и смена таких концепций приводил к смене политического курса.

Однако всё же стоит отметить тот факт, что данная проблема требует дальнейшего изучения. Несмотря на те успехи, которые уже были достигнуты в изучении этой темы она нуждается в дальнейшем изучении.

Особое внимание уделяется в современной англо-американской историографии Николаю II и С. Ю. Витте как ключевым фигурам. Во многих работах эти два человека фактически противопоставляются друг другу. Вступивший на престол в сложный период мирового развития, неподготовленный к правлению огромной страной, не умеющий просчитывать последствия своих действий последний император из династии Романовых практически во всех работах противопоставляется министру финансов. Многие исследователи стремятся найти корни поведения Николая, обращаясь к особенностям его психики, к проблемам его взаимоотношений с отцом и т.п., т.е. делая психологический анализ. Стали появляться работы

(например, Р. Коунер), фактически написанные на стыке истории и психологии. К сожалению, такие исследования не носят комплексного характера, их источниковая база недостаточно сформирована.

Личности С.Ю. Витте, его деятельности на посту министра финансов, неподдельному интересу к внешней политике России, личной жизни посвящено куда больше работ, чем императору Николаю II. Помимо отдельных глав и параграфов в изданиях, посвященных внутренней и внешней политики России конца XIX – начала XX вв., в современной англо-американской науке существуют комплексные работы. К таким работам мы можем отнести исследование С. Харкейва «Граф Сергей Витте и сумерки имперской России: биография» и монографию Ф. Вчисло «Рассказы об имперской России: эпоха Сергея Витте, 1849–1915 гг.». В них особо подчеркивается та роль Сергея Юльевича, которую он играл в позднеимперской России. Но в настоящее время работы подобного рода появляются не только на Западе, но и в России. Возрождается интерес к личности этого выдающегося политического деятеля.

Выше мы уже упомянули о том, что, сравнивая Николая II и Сергея Витте, авторы приходят к более значимому выводу. Практически все авторы показывают столкновение двух персоналий как неизбежный результат самого политического строя. Трагедия Витте заключается в том, что его неумная жажда действий, в большинстве случаев разумных и взвешенных, наталкивается на самодержавие. В стране, где все зависело только от воли одного человека, от воли абсолютного монарха, человек формата Витте не мог реализовать в полной мере все свои замыслы. Авторы обращают наше внимание на то, что постепенно Витте становиться нужен только тогда, когда необходимо исправлять ошибки, а не задавать вектор развития.

Во взаимоотношении Николая и Витте мы, по сути, видим двойной конфликт. Во-первых, это борьба императора и чиновника, где в условиях царской России неизбежно выигрывает монарх. Во-вторых, это

противостояние между слабой и сильной личностью, где победа остается за последней. По данному аспекту сегодня стало появляться значительное количество работ. Однако, на наш взгляд, выбор пути развития внешней политики России не стоит сводить к противостоянию двух людей.

Анализируя события на Дальнем Востоке в 1894–1905 гг., англо-американские исследователи подчеркивают, что война япон-китайская 1894–1895 гг. стала первым серьезным дипломатическим испытанием для только что вступившего на престол юного монарха. Позиция, которую заняла Россия по окончании войны, привела к тому, что именно ее стали считать главной победительницей. Россия получила значительные экономические и военно-стратегические дивиденды. Но заслугой Николая II это назвать нельзя. Фактически, это было продолжением политики Александра III, которую после его смерти продолжал Витте. Именно это привело к тому, как отмечают западные исследователи, что Япония недооценила силы Российской империи и дипломатически проиграла эту войну при фактической военной победе.

В современных западных работах дается анализ причин военной победы и дипломатического проигрыша Японии. Исследователи отмечают, что после революции Мейдзи Япония стала превращаться в мощную в экономическом и военно-политическом отношении страну, которая рано или поздно обратила бы свое внимание на континент, где неизбежно столкнулась с Россией. Война 1894–1895 гг. стала первым таким столкновением. В противоборстве между Японией и Россией в этот раз победило саможержавие. Однако Япония сумела извлечь уроки и показать их спустя почти 10 лет в новой войне.

Важным событием, которое во многом определило развитие не только внешней, но и внутренней политики страны, как отмечается в современных англо-американских работах, было строительство Великого Сибирского пути, начатое еще при Александре III. Наиболее спорным моментом является

дискуссия об истинных целях этой железной дороги. Как мы уже отмечали в нашем диссертационном исследовании, на основе анализа работ современных западных авторов мы можем выделить четыре основные задачи, которые должна была решить Транссибирская магистраль: социально-экономические, военно-стратегические, внутривластные, культурно-исторические. Различные ученые по-разному определяют иерархию этих целей. От того, какая задача определяется как первая и основная, зависит дальнейший анализ событий. В ряде работ (Дж. Ледонн, Ч. Й. Хсу, С. Г. Маркс) показано, что разные представители власти по-разному видели эти цели. Следовательно, тот, кто в конкретный момент времени имел возможность определять направление внешней политики России на Дальнем Востоке, руководствовался собственным пониманием задач, а, значит, нельзя выделить главную цель, т.к. часто происходила смена людей, имеющих право формулирования политики.

Несмотря на то, что многие исследователи называют именно военно-стратегическую цель строительства железной дороги главной, практически все историки подчеркивают те позитивные изменения в экономике региона, которые были достигнуты за столь короткий срок. Наиболее детально данная проблема проработана в работах С. Маркса, Ч. Й. Хсу, Дж. Хейвуд.

Не меньшие споры в современной англо-американской литературе разворачиваются по вопросу о значении Китайской Восточной железной дороги. Все исследователи без исключения называют КВЖД плодом политики Витте и фактически апогеем его внешнеполитической деятельности на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. Однако авторы расходятся в оценке значения этой дороги. Ряд исследователей (А. Трудов, С. Г. Маркс и др.) полагает, что, принимая решение о проведении участка железной дороги по китайской территории, Витте руководствовался исключительно экономическими соображениями. Во-первых, проведение более прямой и короткой дороги сэкономило государству значительные

суммы денег. Во-вторых, открывало перед российскими товарами широкие рынки сбыта отечественно продукции, которая пока еще не могла конкурировать с европейскими товарами. Другие считают, что сам факт строительства КВЖД является доказательством активной военно-экономической экспансии России на Восток.

Появляется всё большее количество работ, в которых проблема строительства КВЖД рассматривается в контексте сравнения с Амурской железной дорогой. Ряд современных англо-американских исследователей (С. Маркс, Ч. Й. Хсу) отмечают, что, сделав ставку на дорогу, проходящую по территории Китая, министр финансов во многом просчитался. Во-первых, как уже было сказано, не получили развития собственно российские земли и огромная территория своей страны была «принесена в жертву» китайской провинции. Во-вторых, КВЖД стала своеобразным военно-стратегическим просчетом. События русско-японской войны 1904–1905 гг., и на это обращают авторы в своих исследованиях, это подтвердили.

Поворотом во внешней политики России многие исследователи (Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, С. Харкейв и др.) называют аренду Ляодунского полуострова в 1898 г. Практически все современные англо-американские историки сходятся во мнении о том, что если после японо-китайской войны столкновение России с Японией стало делом времени, то после 1898 г. – делом пары лет. Решение о занятии Ляодунского полуострова привело к ряду серьёзных внешнеполитических последствий. Во-первых, усилилось напряжения между Россией и Японией за указанный полуостров. Во-вторых, Россия фактически осталась без союзников. Если после войны 1894–1895 гг. на нашей дальневосточной границе располагался дружественный нам Китай, обязанный своей независимостью Россией, то теперь для китайского правительства Российская империя ничем не отличалась от хищнических европейских стран. Более того, как подчеркивают авторы в своих работах, начался фактический распад

китайский империи, главным претендентом на которую была совсем не дружественная нам Япония.

Следующими событиями, ускорившими начало русско-японской войны, было боксерское восстание и последующая за ним оккупация Манчжурии. При рассмотрении этих событий на страницах современных англо-американских работ стоит отметить единство в оценках значения этих событий и их последствий. Наиболее интересным аспектом становится рассмотрение проблемы политической борьбы в российском правительстве: определение группировок и их противостояние, а так же действия Николая II. Многие исследователи пытаются найти людей, непосредственно виновных, во-первых, во вводе войск в Манчжурию, во-вторых, в задержке их вывода, в-третьих, в нежелании ведения переговоров с Японией. В связи с этим, большего внимания удостоиваются такие личности, как А.Н. Куропаткин, Е.И. Алексеев, М.Н. Муравьев, А.М. Безобразов. К сожалению, в современной англо-американской историографии нами не было обнаружено отдельных исследований по жизни и деятельности этих личностей.

В работах западных исследователей показывается и внутриполитическая борьба в Японии. Рассматривается т.н. «миссия Ито» как реальная попытка отдельных высокопоставленных чиновников предотвратить начало войны, по крайней мере, в 1904 г. В исследованиях показано, что Россия упустила, скорее всего, намеренно и осознанно, шанс мирного урегулирования отношений с Японией.

В целом можно сказать о том, что при рассмотрении указанной проблемы современные авторы удачно показывают всю сложность и многогранность международной обстановки накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. Сегодня многие исследователи отмечают, что не только Россия была виновна в развязывании войны. Определенная доля вины лежит на Японии, которая не меньше стремилась к экспансии. Кроме того, обеих стран поощрял европейский империализм, который стремился столкнуть

двух соперников, обессилить их и открыть себе свободный доступ в Азию и на Дальний Восток.

Русско-японская война 1904–1905 гг. как апогей развития внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. является актуальной темой исследования. Ей посвящены как отдельные работы (например, Дж. Джукс «Русско-японская война 1904–1905», Ф. Патрикеев, Г. Шукман «Железные дороги и русско-японская война: война транспортная», «Русско-японская война в глобальной перспективе. Мировая война под номером ноль»), так и блоки в исследованиях по внешней политике указанного периода.

Говоря о причинах русско-японской войны, стоит отметить, что большинство современных англо-американских историков (Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе, С.Г. Маркс, Дж. Джукс, А. Трудов и др.) среди основных причин войны 1904–1905 гг. называют, во-первых, пересмотр условий Симоносекского договора 1895 г. как начало явного противостояния между Россией и Японией; во-вторых, аренду Ляодунского полуострова в 1898 г.; в-третьих, оккупацию Манчжурии. Некоторые историки (С. Харкейв, Дж.П. ЛеДонн, Д. МакКензи и др.) считают, что главной причиной войны 1904–1905 гг. была борьба между Россией и Японией за влияние в Корее. К такому же мнению приходят и современные отечественные исследователи, которые главной причиной войны называют столкновение империалистических интересов Японии и России.

Значительным недостатком современных англо-американских работ является то, что в большинстве случаев в них упускается из виду заинтересованность других стран (США, Великобритании, Германии) в японо-российском столкновении. Например, современные российские ученые (В.Э. Молодяков, С.Б. Макарьян, А.Б. Широкоград, В.П. Мультиатули и др.) подчеркивают, что великие державы старались не допустить чрезмерного усиления России или Японии в Китае, так как сами

претендовали на установление своего порядка и своей гегемонии на данной территории.

Большинство современных англо-американских историков (Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, С.Г. Маркс, Дж. Джукс, А. Трудов и др.) среди основных причин войны 1904–1905 гг. называют, во-первых, пересмотр условий Симоносекского договора 1895 г. как начало явного противостояния между Россией и Японией; во-вторых, аренду Ляодунского полуострова в 1898 г.; в-третьих, оккупацию Манчжурии. Некоторые историки (С. Харкейв, Дж.П. ЛеДонн, Д. МакКензи и др.) считают, что главной причиной войны 1904–1905 гг. была борьба между Россией и Японией за влияние в Корее. Значительным недостатком современных англо-американских работ является то, что в большинстве случаев в них упускается из виду заинтересованность других стран (США, Великобритании, Германии) в японо-российском столкновении.

Проблема заключения мира в Портсмуте рассматривается намного подробнее в современной англо-американской историографии, по сравнению с предыдущей темой. Большинство исследователей обращают внимание на ведущую роль США и президента Рузвельта. Между тем, все ученые отдают должное роли С.Ю. Витте, его дипломатическому, актерскому таланту. В очередной раз его деятельность показана как некая борьба с режимом за спасение все того же режима. Работы авторов изобилуют различными подробностями пребывания Витте в Америке (что обусловлено широким спектром собственно американских источников). Особо подчеркивается желание Витте вписаться в американскую культуру политической жизни и его неумная энергия. При этом в англо-американской литературе прекрасно показан парадокс ситуации и трагедия Витте: многие авторы обращают внимание на то, что человек, с таким трудом добывший мир для своей проигравшей в войне страны, с опаской возвращается домой, потому что не может предугадать, что его ждет на Родине. Вновь самодержавие

становиться на пути позитивно направленной деятельности этого грандиозного человека.

Рассматривая последствия, к которым привела русско-японская война, современные англо-американские исследователи пришли к следующим выводам. Во-первых, русско-японская война была, по сути, войной между страной Европейской и страной Азиатской. Победа Япония показала другим азиатским державам, в большинстве своем являющимися колониями, что бороться против западного империализма можно. Это привело к значительным волнениям в европейских колониях. Во-вторых, русско-японская война оказала значительное влияние на перегруппировку стран перед Первой мировой войной.

Подводя итог анализу современной англо-американской историографии внешней политики России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. стоит отметить, что сегодня на Западе были сделаны значительные достижения в области изучения указанной проблемы и намечены направления дальнейших исследований. Однако некоторые проблемы не получили комплексного изучения. К ним относятся вопросы идеологии внешней политики России накануне падения самодержавия, переговоры России и Японии во время войны 1904–1905 гг. и проблемы поиска выхода из нее, роль отдельных российских, японских, китайских и европейских сановников в процессе определения направления развития международных отношений на Дальнем Востоке, опыт позитивного взаимодействия между Россией и странами Азии и Дальнего Востока. Между тем изучение работ современных британских и американских авторов способствует обогащению научных знаний по проблеме внешней политики России в дальневосточном регионе на рубеже XIX–XX вв., формированию более объективной и менее политизированной оценки событий того времени, позволяет наметить новые аспекты для дальнейшего изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Список источников

1. Историографические источники

а. Монографии и статьи западных авторов

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 1998. – 112 с.
2. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
3. Ливен, Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Д. Ливен. – М.: Европа, 2007. – 688 с.
4. Маркс, С. Г. «Браво, храбрый тигр Востока!»: русско-японская война и подъем национализма в Британском Египте и Индии / С.Г. Маркс // Русский сборник: исследования по истории России. – 2007. – № 4. – С. 89–107.
5. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М.: Независимая газета, 1993. – 423 с.
6. Схиммельпенник ван дер Ойе, Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / Д. Схиммельпенник ван дер Ойе. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 422 с.
7. Хейвуд, Дж. Э. «Самый катастрофичный вопрос»: железнодорожное строительство и военная стратегия в позднеимперской России / Дж. Э. Хейвуд // Русский сборник: исследования по истории России. 2009. – № 6. – С. 112–143.
8. A History of Russian Thought / W. Leatherbarrow, D. Offord. – N.Y.: Cambridge University Press, 2010. – 466 p.

9. Davis, C. L. Linkage Diplomacy: Economic and Security Bargaining in the Anglo-Japanese Alliance, 1902–23 / C. L. Davis // *International Security*. – 2008 / 2009 – № 3. – P. 143–179.
10. *Encyclopedia of World History*: 7 vol. / M. E. Ackerman, M. J. Schroeder, J. J. Terry, Jiu-Hwa Lo Upshur, M. F. Whitters. – New York: Facts on File, 2008. – 7 vol.
11. *Cambridge History of Japan*: 6 vol. / D. H. Shively, W. H. McCullough, J. W. Hall, M.B. Jansen. – N.Y.: Cambridge University Press, 2008. – 6 vol.
12. *Cambridge History of Russia*: 3 vol. / M. Perrie, D. Lieven, R. G. Suny. – N.Y.: Cambridge University Press, 2006. – 3 vol.
13. *Cambridge History of Southeast Asia*: 2 vol. / N. Tarling. – N.Y.: Cambridge University Press, 2008. – 2 vol.
14. Cassels, A. *Ideology and International Relations in the Modern World* / A. Cassels. – L., N.Y.: Routledge, 1996. – 317 p.
15. Charques, R. *The Twilight of Imperial Russia* / R. Charques. – L., Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1965. – 257 p.
16. Cohen, A. J. Long ago and Far Away: war monuments, public relations, and the memory of the Russo-Japanese War in Russia, 1907–1914 / A. J. Cohen // *The Russian Review*. – 2009. – № 3. – P. 388–411.
17. Cowen, T. *The Russo-Japanese war: from the outbreak of hostilities to the Battle of Liaoyang* / T. Cowen. – L.: Edward Arnold, 1904. – 426 p.
18. Fainsod, M. *How Russia is Ruled* / M. Fainsod. – Cambridge: Harvard University Press, 1953. – 575 p.
19. Forsyth, J. *History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990* / M. Forsyth. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 476 p.
20. Harcave, S. *Count Sergei Witte and the twilight of Imperial Russia: a biography* / S. Harcave. – N.Y.: M.E. Sharp, 2004. – 340 p.

21. Hsu, Ch. Y. A Tale of two railroads: «Yellow Labor», agrarian colonization, and the making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s – 1910s / Ch. Y. Hsu // *Ab Imperio*. – 2006. – № 3. – P. 217–253.
22. Iriye, A. Japan's drive to great power status / A. Iriye // *The Cambridge History of Japan*. – N.Y.: Cambridge University Press, 2008. – Vol. V. – P. 721–782.
23. Jukes, G. *The Russo-Japanese War 1904–1905* / G. Jukes. – Oxford: Osprey Publishing, 2002. – 96 p.
24. Kort, M. *A Brief History of Russia* / M. Kort. – N.Y.: Facts on File, 2008. – 310 p.
25. Kowner, R. A turning point in Japanese modern history? / R. Kowner // *The Impact of the Russo-Japanese War*. – L., N.Y.: Routledge, 2007. – P. 29–46.
26. Kowner, R. Becoming an honorary civilized nation: Remaking Japan's military image during the Russo–Japanese War, 1904–05 / R. Kowner // *The Historian*. – 2001. – № 64. – P. 19–34.
27. Kowner, R. Between a colonial clash and World War Zero: The Impact of the Russo-Japanese War in a global perspective / R. Kowner // *The Impact of Russo-Japanese War*. – L., N.Y.: Routledge, 2007. – P.1–25.
28. Kowner, R. *Historical Dictionary of the Russo-Japanese War* / R. Kowner. – Lanham, Md.: Scarecrow Press, 2006. – 620 p.
29. Kowner, R. Nicholas II and the Japanese Body: Images and decision making on the eve of the Russo-Japanese War / R. Kowner // *The Psychohistory Review*. – 1998. – № 26. – P. 211–252.
30. LeDonne, J. *The Russian Empire and the World. The Geopolitics of Expansion and Containment* / J. LeDonne. – N.Y.: Oxford University Press, 1997. – 394 p.

31. Lensen, G. A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea and Manchuria, 1884–1899 / G. A. Lensen. – Tallahassee: University Presses of Florida, 1982. – 508 p.
32. Lieven, D. Nicholas II: Emperor of All the Russians / D. Lieven. – L.: John Murray, 1993. – 292 p.
33. MacKenzie, D. Imperial Dreams Harsh Realities: Tsarist Russian Foreign Policy, 1815–1917 / D. MacKenzie. – N.Y.: Harcourt Brace College Publishers, 1994. – 196 p.
34. Mackinder, H. J. The Geographical Pivot of History / H.J. Mackinder // The Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23 – №. 4. – P. 421–437.
35. Malozemoff, A. Russian Far-Eastern Policy 1881–1904. With Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War / A. Malozemoff. – Berkeley: University of California Press, 1958. – 358 p.
36. Marks, S. G. Conquering the Great East. Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia / S. G. Marks // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. – Armonk, N.Y., L.: M.E. Sharpe. – 1995. – P. 23–39.
37. Marks, S. G. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917 / S. G. Marks. – L.: I.B. Tauris and Co Ltd Publishers, 1991. – 240 p.
38. Marks, S. G. The Burden of the Far East: the Amur Railroad Question in Russia, 1906 – 1916 / S. G. Marks // Sibirica: the Journal of Siberian Studies. – 1993 / 1994. – № 1. – P. 9–28.
39. Marks, S. G. The Historical Context / S. G. Marks // Understanding Contemporary Russia. L.: Lynne Rienner Publishers, 2009. – P. 33–91.
40. Marshall, A. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917 / A. Marshall. – L., N. Y.: Routledge, 2006. – 287 p.
41. Marples, D. R. Motherland: Russia in the 20th Century / D. R. Marples. – L.: Pearson Education Limited, 2002. – 390 p.

42. McDonald, D. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914 / D. McDonald. – Cambridge: Harvard University Press, 1992. – 276 p.
43. Nish, J. The Origins of the Russo-Japanese War / J. Nish. – L.:N.Y.: Longman, 1985. – 274 p.
44. Paine, S. C. M. Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier, 1858–1924 / S. C. M. Paine. – N.Y.: M.E. Sharpe, 1996. – 417 p.
45. Paine, S. C. M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: perceptions, power and primacy / S. C. M. Paine. – Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2003. – 380 p.
46. Patrikeeff, F., Shukman, H. Railways and the Russo-Japanese war: Transporting war / F. Patrikeeff, H. Shukman. – L., N.Y.: Routledge, 2007. – 165 c.
47. Peattie, M. R. The Japanese colonial empire, 1895–1945 / M. R. Peattie // The Cambridge History of Japan. – N.Y.: Cambridge University Press, 2008. – Vol. VI. – P. 217–270.
48. Rodell, A. P. Southeast Asian Nationalism and the Russo-Japanese War: Reexamining Assumption / A. P. Rodell // Southeast Review of Asian Studies. – 2007. – Vol. 29. – P. 20–40.
49. Service, R. A History of Modern Russia: from Nicholas II to Vladimir Putin / R. Service. – Cambridge: Harvard University Press, 2003. – 658 p.
50. Schimmelpenninck van der Oye, D. The Asianist Vision of Prince Ukhtomskii / D. Schimmelpenninck van der Oye // Казань, Москва, СПб: Российская империя взглядом из разных углов : сб. научных трудов. – М., 2007. – P.188–201.
51. Schimmelpenninck van der Oye, D. Russian foreign policy, 1915 – 1917 D. Schimmelpenninck van der Oye / D. Schimmelpenninck van der Oye // The Cambridge History of Russia. – N.Y.: Cambridge University Press, 2006. – Vol. II. – P. 554–574.

52. Schoonover, T. Uncle Sam's War of 1898 and the Origins of Globalization / T. Schoonover. – Kentucky: University Press of Kentucky. – 180 p.
53. Stephan, J. The Russian Far East: a history / J. Stephan. – Stanford: Stanford University Press, 1994. – 481 p.
54. Stone, D. R. A Military History of Russia: From Ivan the Terrible to the War in Chenchnya / D. R. Stone. – Westport: Praeger Security International, 2006. – 280 p.
55. The Russo–Japanese War in Global Perspective. World War II. / D. Wolff, S. G. Marks, B. W. Menning. – Leiden, Boston: Brill, 2007. – 583 p.
56. Trudov, A. Taming the Dragon: Russian Imperial Drive towards the Far East (mid. 16th century to 1905), its historical significance and consequences: A thesis ... the degree of Master of Arts in Military Studies and Diplomacy. Honolulu, 2004.
57. Webb, J. The Harmonious Circle: The Lives and Works of G.I. Gurdjieff, P.D. Ouspensky, and Their Followers. N.Y.: Shambhala, 248 p.
58. Western Political Thought in Dialogue with Asia / T. Shogimen, C. J. Nederman. – Lanham, Boulder, N.Y., Toronto, Plymouth: Lexington Books, 2009. – 337p.
59. Wcislo, F.W. Tales of Imperial Russia: The Life and Time of Sergei Witte, 1849–1915 / F. W. Wcislo. – N.Y.: Oxford University Press, 2011. – 313 p.
60. Wilson, S. The Russo-Japanese War and Japan: Politics, Nationalism and Historical Memory / S. Wilson // The Russo-Japanese War in Cultural Perspective, 1904–1905. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 1999. – P. 160–193.
61. Wolff, D. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914 / D. Wolff. – Stanford: Stanford University Press. – 262 p.

Монографии и статьи отечественных и зарубежных авторов:

1. Remnev, A. *Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power* // *Russian Empire: Space, People, Power*. – Bloomington: Indiana University Press, 2007. – P. 425–454.
2. Small. *Паломничество С. Ю. Витте в Портсмут* / Small. – СПб., 1906. – 128 с.
3. Suvorov, V. V. *Prince Esper Ukhtomskiy and the Ideology of the Asianists* / V. V. Suvorov // *Представляем научные достижения миру. Гуманитарные науки: материалы науч. конф. (г. Саратов, 29–30 марта 2010 г.)*. – Саратов, 2010. – P. 118–121.
4. Авдеев, В. Е. *Александр Петрович Извольский* / В. Е. Авдеев // *Вопросы истории*. – 2008. – № 5. – С. 64–79.
5. Ананьич, Б. В. *Запад и Восток в экономической программе С.Ю.Витте* / Б. В. Ананьич // *Россия во внешнеэкономических отношениях: уроки истории и современность*. – М., 1993. – С. 18–28.
6. Ананьич, Б. В. *С.Ю.Витте и П.А.Столыпин – российские реформаторы XX столетия: Опыт сравнительной характеристики* / Б. В. Ананьич // *Звезда*. – 1995. – № 6. – С. 104–108.
7. Ананьич, Б. В. *О рукописях и тексте мемуаров С.Ю.Витте* / Б. В. Ананьич // *Вспомогательные исторические дисциплины*. – 1981. – № 12. – С. 188–203.
8. Ананьич, Б. В., Ганелин, Р. Ш. *Сергей Юльевич Витте и его время* / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 430 с.
9. Ананьич, Б. В., Ганелин, Р. Ш. *Сергей Юльевич Витте* / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин // *Вопросы истории*. – 1990. – № 8. – С. 32–52.
10. Ананьич, Б. В., Ганелин, Р. Ш. *С.Ю. Витте – мемуарист* / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. – СПб.: РТ и Фор, 1994. – 96 с.

11. Андреев, А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России / А. И. Андреев. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во А.Терентьева «Нартанг», 2006. – 464 с.
12. Андреев, Д. А. Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения / А. И. Андреев // Российская история. – 2011. – № 4. – С. 114–125.
13. Белозерова, О. А. Военный министр Алексей Николаевич Куропаткин о наместничестве на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны (1903 год) / О. А. Белозерова // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 14. – С. 73–93.
14. Белозерова О.А. Военный министр А.Н. Куропаткин накануне Русско-японской войны (1904–1905) / О. А. Белозерова // Война и Оружие. Новые исследования и материалы: труды пятой международной научно-практической конференции (г. СПб., 14–16 мая 2014 г.). – СПб., 2014. – С. 141–153.
15. Белянин, Д. Н. Кому владеть Сибирью? / Д. Н. Белянин // Родина. – 2012. – № 4. – С. 60–63.
16. Белянин, Д. Н. Переселение крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы / Д. Н. Белянин. // Российская история. – 2011. – № 1. – С. 86–95.
17. Благих, И. А. Экономические взгляды С.Ю.Витте / И. А. Благих // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист. – 1999. – Ч.1. – С. 179–208.
18. Блажнова, Т. Граф Полусахалинский и его половина / Т. Блажнова // Карьера. – 2001. – № 5. – С. 66–69.
19. Бовыкин, В. И. Очерки истории внешней политики России конца XIX века – 1917 г. / В. И. Бовыкин. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1960. – 216 с.

20. Боханов, А. «Русский Бисмарк» / А. Боханов // Родина. – 1996. – № 2. – С.77–82.
21. Букин, А. Железная ось империи / А. Букин // Деловые люди. – 2004. – № 3 (156). – С.108–111.
22. Былинин, С. Русско-японская война 1904–1905 гг. Утраченные возможности / С. Былинин. – М.: Цейхгауз, 2006. – 62 с.
23. Васильев Л. С. История Востока: 2 т. / Л. С. Васильев. – М.: Высшая школа, 1993. – 2 с.
24. Верисоцкая, Е. В. С. Ю. Витте и российская дипломатия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века / Е. В. Верисоцкая // Материалы XXI российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония) (г. Владивосток, 5–6 сентября 2005 г.). – Владивосток, 2007. – С. 57–65.
25. Виттенберг, Б. М. К истории личного архива С.Ю. Витте Б. М. Виттенберг // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1985. – № 17. – С. 248–260.
26. Водарский, Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.) / Я. Е. Водарский. – М.: Просвещение, 1973. – 160 с.
27. Воловников, В. Г. Смейтесь, глядя на врага. О монографии Т.А. Филипповой «Враг с Востока» / В. Г. Воловников // Восточный архив. – 2013. – № 2 (28) – С. 90–94.
28. Воскресенский, А. Д. Россия и Китай – теория и история межгосударственных отношений / А. Д. Воскресенский. – М.: Издательский центр научных и учебных программ, 1999. – 408 с.
29. Гарусова, Л. Н. Российско-американские отношения на Дальнем Востоке (конец XVIII–XX вв.). Исторический опыт / Л. Н. Гарусова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 108 с.

30. Герасимов, В. Премьер, которого не хотели слышать: С.Ю.Витте: Страницы истории / В. Герасимов // Правительственный вестник. – 1990. – № 52. – С. 9.
31. Гиндин, И. Ф. С.Ю.Витте как государственный деятель / И. Ф. Гиндин // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист. – 1999. – Ч. 1. – С.49–110.
32. Глебова И. И. "Образ" С.Ю.Витте в отечественных документальных публикациях / И. И. Глебова // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист. – 1999. – Ч. 2. – С. 123–142.
33. Гулишамбаровъ, С. О. Всемирная торговля въ XIX в. и участие въ ней Россіи / С. О. Гулишамбаров. – СПб: Типографія В.Киршбаума, 1898. – 230 с.
34. Дацышен, В. Андреевский флаг над Порт-Артуром / В. Дацышен // Международная жизнь. – 1998. – № 6. – С. 106–111.
35. Дипломатия и войны царской России в XIX веке: сборник статей. – М.: Красная новь, 1923. – 392 с.
36. Добычина, Е. В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–1897 годах / Е. В. Добычина // Отечественная история. – 2000. – № 4. – С. 161–170.
37. Доккю, Ч. Россия в Корее 1893–1905 гг. / Ч. Доккю. – СПб.: Зеро, 1996. – 160 с.
38. Доккю, Ч. С.Ю.Витте и Р.Р.Розен: Два взгляда на политику России на Дальнем Востоке (1895–1903) / Ч. Доккю // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность : докл. междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 12–15 октября 1995 г.). – М., Иркутск, 1995. – С. 125–130.

39. Дугин, А. Основы политики: Геополитическое будущее России. Мыслить пространством: в 2 т. / А. Дугин. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. – 623 с.
40. Елисеев, Д. История Японии. Между Китаем и Тихим океаном / Д. Елисеев. – СПб: Евразия, 2009. – 2 т.
41. Жукова, Л. В. Военное духовенство в Порт-Артуре в период русско-японской войны / Л. В. Жукова // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2003. – № 2. – С. 33–43.
42. Зайцева, Н. Л. Сергей Юльевич Витте – реформатор России / Н. Л. Зайцева // Материалы научной конференции (г. М., декабрь 1999 г.). Выпуск 4. – М., 2000. – С. 197–202.
43. Захаренко, И. А. Формирование российской границы на Дальнем Востоке в XVII – XIX веках / И. А. Захаренко // Отечественная история. – 2008. – № 5. – С. 66–72.
44. Зензинов, Н. А. Строители Китайской Восточной железной дороги / Н. А. Зензинов // Инженеры путей сообщения: железнодорожный путь, мосты, строительства : сборник статей. – М., 2007. – С. 526–545.
45. Игнатъев, А. В. Последний царь и внешняя политика / А. В. Игнатъев // Вопросы истории. – 2001. – № 6. – С. 3–23.
46. Игнатъев А.В. Публицистическая деятельность С.Ю.Витте / А. В. Игнатъев // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 1996. – № 1. – С. 91–97.
47. Игнатъев А.В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX – XX веков / А. В. Игнатъев // Вопросы истории. – 1998. – № 8. – С. 32–43.
48. Игнатъев, А. В. С. Ю. Витте – дипломат / А. В. Игнатъев. – М.: Международные отношения, 1989. – 333 с.
49. Игнатъев, А. В., Субботин, Ю. Ф. Под гром пушек: С.Ю.Витте и договоры 1904 и 1905 годов с Германией и Японией / А. В. Игнатъев,

- Ю. Ф. Субботин // Российская дипломатия в портретах: сборник статей. – М., 1992. – С. 319-336.
50. Иконникова, Т. Я. Очерки истории взаимоотношений России и Японии в конце XIX – 1917 г. / Т. Я. Иконникова. – Хабаровск: ХККМ, 2001. – 119 с.
 51. Ильин, С. Витте / С. Ильин. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 512 с.
 52. История дипломатии: в 2 т. / В. М. Хвостов. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. – 2 т.
 53. История внешней политики России: в 5 т. / А. Н. Сахаров, А. В. Игнатьев, О. В. Орлик, Г. А. Санин, В. М. Хевролина. – М.: Международные отношения, 1999. – 5 т.
 54. История русско-японской войны 1904–1905 гг. / И. И. Ростунов. – М.: Наука, 1997. – 384 с.
 55. Кагарлицкий, Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории / Б. Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. – 576 с.
 56. Канн, С. К. Комитет Сибирской железной дороги во главе работ по изучению Сибири в конце XIX – начале XX века / С. К. Канн // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века. Сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск, 2007. – С. 257–258.
 57. Кессельбреннер, Г. Л. Известные дипломаты России: Министры иностранных дел Российской империи / Г. Л. Кессельбреннер. – М.: ОАО Московские учебники и Картолитография, 2007. – 416 с.
 58. Кисловский, И. Ю. От политики «Drang nach Osten» к доктрине «Открытых дверей». Экспансия против России на рубеже XIX–XX вв. / И. Ю. Кисловский. – М.: РУСИНА, 2002. – 304 с.
 59. Кожинов, В. В. Россия. Век XX-й (1901–1939) / В. В. Кожинов. – М.: Алгоритм, 1999. – 560 с.

60. Колосов, В. А., Мироненко, Н. С. Геополитика и политическая география: учебник для вузов / В. А. Колосов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 479 с.
61. Корелин, А. П. Сергей Юльевич Витте / А. П. Корелин // Россия на рубеже веков: исторические портреты : сборник статей. – М., 1991. – С. 8–47.
62. Корелин, А. П. С.Ю. Витте и бюджетно-финансовые реформы в России конца XIX – начала XX века/ А. П. Корелин // Отечественная история – 1999 . – № 3. – С. 42–64.
63. Корелин, А. П., Степанов, С. А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат / А. П. Корелин, С. А. Степанов. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – 464 с.
64. Коростовець, И. Я. Россія на Дальнем Востокъ / И. Я. Коростовець. – Пекинъ: Т-во «Восточное Просвѣщеніе». Типл-литографія Россійской Духовной Миссіи, 1922. – 156 с.
65. Краснова, Л. И. С. Ю. Витте и российский Дальний Восток / Л. И. Краснова // Международные отношения в тихоокеанском регионе в XIX–XX веках. Сборник статей. – Хабаровск, 1997. – С. 88–102.
66. Красовитов, Д. В. Реформы С.Ю.Витте в области железнодорожного строительства / Д. В. Красовитов // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук : сб. тез. докл. II Новосиб. межвуз. науч. студ. конф. (г. Новосибирск, 16-19 мая 1995 г.). – Новосибирск, 1995. – С. 76.
67. Кузнецова, О. Н. Дальний Восток и развитие русско-французских отношений в 1902–1905 гг. / О. Н. Кузнецова // Вопросы истории. – 2009. – № 3. – С. 29–47.
68. Куликова, С. В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы / С. В. Кузнецова // Российская история. – 2009. – № 4. – С. 45–60.

69. Курлова, С. Ф. Человек, который делал хорошо все, за что брался (Сергей Юльевич Витте и его программа развития России) / С. Ф. Курлова // ЭКО: Экономика и организация промышленного производства. 1992. – № 9. – С. 120–127.
70. Кушаков, К. П. Южно-маньчжурские беспорядки в 1900 г. / К. П. Кушаков // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 2. – С. 60–69.
71. Ланин, Н. К. Легенды и факты русско-японской войны / Н. К. Ланин // Преподавание истории в школе. – 1999. – № 4. – С. 31–36.
72. Лукоянов И. В. Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.) / И. В. Лукоянов // Отечественная история. – 2008. – № 5. – С. 73–82.
73. Лукоянов И. В. Миллион для Ли Хунчжана / И. В. Лукоянов // Родина – 2009. – № 1. – С. 61–64.
74. Лукоянов И. В. Порт-Артур в политике России (конец XIX в.) / И. В. Лукоянов // Вопросы истории. – 2008. – № 4. – С. 49–66.
75. Лукоянов И. В. Портсмутский мир / И. В. Лукоянов // Вопросы истории. – 2007. – № 2. – С. 16–33.
76. Лукоянов И. В. С.Ю.Витте и планы сооружения Сибирской железной дороги: К предыстории русско-японской войны / И. В. Лукоянов // Новый Часовой. – 1996. – № 4. – С. 45–52; 1997. – № 5. – С. 56–64.
77. Лю Ин. Россия и Китай: экономическое сотрудничество в первой трети XX века / Ин Лю. – П., Ланьчжоу: ПГПУ им. Белинского, 2005. – 206 с.
78. Макаренко, В. П. Моральные концепты политических идеологий: специфика концептологического подхода / В. П. Макаренко // Политическая концептология. – 2012. – № 3. – С. 212–227.
79. Макаренко, В. П. Научно-обывательское знание – интеллектуально-политические моды? / В. П. Макаренко // Политическая концептология. – 2009. – № 2. – С. 5–28.
80. Маринченко, А. В. Геополитика: учебное пособие / А. В. Маринченко. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 429 с.

81. Мартынов, С. Д. Витте-дипломат. Поручение в Портсмуте / С. Д. Мартынов // Звезда. – 2003. – № 7. – С. 143–157
82. Мартынов, С. Д. Государственный человек Витте / С. Д. Мартынов. – СПб.: Людовик, 2006. – 520 с.
83. Мартынов, С. Д. КВЖД: политика Витте и русский капитал в Маньчжурии / С. Д. Мартынов // Годы. Люди. Судьбы: История рос. эмиграции в Китае : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию г. Харбина и КВЖД. (г. М., 19–21 мая 1998 г). – М., 1998. – С. 45–47.
84. Мельгунов, С. П. Последний самодержец. Черты для характеристики Николая II / С. П. Мельгунов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 16 с.
85. Михайлец, Г. Иуда России, спаситель России? / Г. Михалец // Босс. – 2003. – № 8. – С. 122–127.
86. Молодяков, В. Э., Молодякова, Э. В., Маркарян, С. Б. История Японии. XX век / В. Э. Молодяков, Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарян. – М.: ИВ РАН; Крафт+, 2007. – 528 с.
87. Мультатули, П. В. Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917) / П. В. Мультатули. – М.: ФИВ, 2012. – 840 с.
88. Нарочницкий, А. А. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895гг. / А. А. Нарочницкий. – М.: Издательство АН СССР, 1956. – 900 с.
89. Нартов, Н. А. Геополитика: учебник для вузов / Н. А. Нартов. — М.: ЮНИТИ, 1999. – 359 с.
90. Никифоров, В. Н. Очерк истории Китая: II тысячелетие до н.э. – начало XX столетия / В. Н. Никифоров. – М.: Институт Дальнего Востока РАН., 2002. – 448 с.
91. Ольденбург, С. С. Царствование Николая II / С. С. Ольденбург. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 764 с.

92. Павлович, М. Русско-японская война / М. Павлович. – М.: Красная звезда, 1925. – 75 с.
93. Пак, Б. Б. Вопрос о направлениях восточной ветви сибирской железной дороги во внешней политике России в конце XIX - начале XX века / Б. Б. Пак // Россия и политика держав в странах Востока : межвузовский сборник научных трудов. – Иркутск, 1991. – С. 76–88.
94. Папазов, А. В. Генерал А. Н. Куропаткин на службе Отечеству / А. В. Папазов // Вестник Екатеринбургского Института. – 2011. – № 4. – С. 156–160.
95. Переслегин, С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин. – М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2005. – 620 с.
96. Полунов, А. Ю. Отец золотого рубля: Денежно-финансовая реформа Сергея Витте / А. Ю. Полунов / Родина. – 2003. – № 8. – С. 70–71.
97. Протопопов, А.С., Козьменко, В.М., Елманова, Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648–2000) / А.С. Протопопов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 344 с.
98. Раш, К. Дорога и судьба / К. Раш. // Завтра. – 2000. – № 35 / 352. – С. 6.
99. Ремнев, А. В. Анатолий Николаевич Куломзин/ А. В. Ремнев // Вопросы истории. – 2009. – № 8. – С. 26–45.
100. Ремнев, А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков / А. В. Ремнев. – Омск: Издательство Омского гос. ун-та, 2004. – 552 с.
101. Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления / А. В. Ремнев // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 60–73.
102. Романов, Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны / Б. А. Романов. – М.: Издательство АН СССР, 1947. – 480 с.
103. Романов, Б. А. Россия в Маньчжурии (1892 – 1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма / Б. А.

- Романов. – Л.: Издание Ленинградского Восточного Института имени А.С. Енукидзе, 1928. – 605 с.
104. Романова, Г. Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX в. / Г. Н. Романова. – Москва: Наука, 1987. – 168 с.
 105. Россия на рубеже веков: исторические портреты: сборник статей. – М., 1991. – 378 с.
 106. Рыбаченок, И. С. Кофе для кайзера. Бьёркский договор глазами повара / И. С. Рыбаченок // Родина. – 2006. – № 4. – С. 80–82.
 107. Рыженков, М. Р. "Патриотические газеты и журналы писали. . . о начинающейся великой борьбе Георгия Победоносца с драконом" / М. Р. Рыженкова // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 9. – С. 63–64.
 108. Русско-японская война 1904-1905 / В. Черемисов. – 2-е изд. – СПб.: В. Березовский, Комиссионер военно-учебных заведений, 1909. – 512 с.
 109. Самонов, С. В. Министр финансов С.Ю. Витте глазами русской периодической печати (по материалам газет «Новое время», «Биржевые ведомости» и «Русский труд») / С. В. Самонов // Вестник Московского Университета. Серия 8: История. – 2008. – № 2. – С. 69–78.
 110. Сапрыкин, Р. В. А.Н. Куропаткин и С.Ю. Витте: альянс и противостояние двух министров / Р. В. Сапрыкин // Актуальные проблемы истории Российской цивилизации : материалы III межвузовской научной конференции (г. Саратов, 26 февраля 2010 г.). – Саратов, 2010. – С. 60–65.
 111. Сенин, А. Как начиналась Амурская дорога / А. Сенин // Родина. – 2012. – № 5. – С. 78–81.

112. Сергеев, Е. Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд / Е. Ю. Сергеев // Российская история. – 2011. – № 5. – С. 3–15.
113. Слепнев, И. Транссиб: семь тысяч верст по тайге и болотам / И. Слепнев // Родина. – 1996. – № 11. – С. 17–19.
114. Совастеев, В. Хиробуми Ито в интерьере японской истории // Япония сегодня : сборник статей. – М., 2003. – С. 47–57.
115. Сорокин, А. И. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905 / А. И. Сорокин. – М.: Воениздат, 1952. – 272 с.
116. Степанов, В. Л. Н. Х. Бунге: Судьба реформатора / В. Л. Бунге. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. – 398 с.
117. Струве, П. Графъ С.Ю. Витте. Опыт характеристики / П. Струве. – М., Петроградъ: Книгоиздательство «РУССКАЯ МЫСЛЬ», 1915. – 8 с.
118. Суворов, В. В. «Восточничество» Э.Э. Ухтомского и историческая память / В. В. Суворов // Историческая память: Люди и эпохи. Тезисы научной конференции (г. М., 25–27 ноября 2010 г.). – М., 2010. – С. 271–274.
119. Суворов, В. В. Редакторская деятельность Э.Э. Ухтомского и воздействие «Санкт-Петербургских ведомостей» на общественное мнение / В. В. Суворов // Казань на перекрестке эпох и культур : сборник науч. ст. – Казань, 2011. – С. 194–199.
120. Суворов, В. В. Князь Э.Э. Ухтомский о задачах России на Дальнем Востоке / В. В. Суворов // Актуальные проблемы исторической науки : международный сборник научных трудов молодых ученых. Пенза: ГУМНИЦ, 2009. – Вып. 6. – С. 370–372.
121. Суворов, В. В. Князь Э.Э. Ухтомский об историческом призвании России / В. В. Суворов // История, экономика, культура: взгляд молодых исследователей. Межвуз. сб. науч. тр. аспирантов и молодых ученых. – Саратов, 2011. – С. 100–104.

122. Суворов, В. В. Князь Э.Э. Ухтомский о популяризации знаний о Востоке / В. В. Суворов // История идей и история общества : материалы IX Всероссийской научной конференции (г. Нижневартонск, 14–15 апреля 2011 г.). – Нижневартонск, 2011. – С. 353–356.
123. Суворов, В. В. Миссия России на Дальнем Востоке в книге кн. Э.Э. Ухтомского «К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку» / В. В. Суворов // Платоновские чтения : материалы и доклады XV Всероссийской конференции молодых историков (г. Самара, 20–21 ноября 2009 г.). – Самара, 2009. – С. 40–42.
124. Суворов, В. В. Национально-религиозные взгляды князя Э. Ухтомского / В. В. Суворов // Власть. – 2010. – № 9. – С. 68–70.
125. Суворов, В. В. Э.Э. Ухтомский и Николай II / В. В. Суворов // Новый век: история глазами молодых : межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых, аспирантов и студентов. – Саратов, 2010. – Вып. 9. – С. 244–249.
126. Суворов, В. В. Черты евразийства во взглядах на Восток в российском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. / В. В. Суворов // Платоновские чтения: материалы и доклады XIV Всероссийской конференции молодых историков (г. Самара, 14–15 ноября 2008 г.). – Самара, 2008. – С. 149–151.
127. Тарле, Е. В. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики / Е. В. Тарле. – Л.: Книжные новинки, 1927. – 96 с.
128. Тарле, Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIXв.) / Е. В. Тарле. – М., Л.: Наука, 1963. – 435 с.
129. Тимошенко, А.И. Концепция развития Сибири / А. И. Тимошенко // ЭКО: Экономикаи организация промышленного производства. – 1994. – № 4. – С. 121–141.

130. Толстогузов, С.А. Российско-японские отношения и мировая политика. 1905–1907 гг. / С. А. Толстогузов // Вопросы истории. – 2008. – № 9. – С. 17–28.
131. Федоров, П. Вторые Дарданеллы / П. Федоров // Родина. – 2008. – № 6. – С. 84–87.
132. Филиппова, Т. А. «Враг с Востока»: Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX / Т. А. Филлипова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 384 с.
133. Фурсенко, А. А. С.Ю. Витте и экономическое развитие России в конце XIX – начале XX вв. / А. А. Фурсенко // Новая и новейшая история. – 1999. – № 6. – С. 3–17.
134. Харбинский, Ст. Что такое Китайская Восточная ж.д. и куда идти ей миллионы? / Ст. Харбинский – СПб.: Типо-Литография «Печатное искусство», 1908. – 132 с.
135. Харуки, В. Русско-японские переговоры. Путь Японии к началу войны с Россией / В. Харуки // Вопросы истории. – 2012. – № 3. – С. 97–107.
136. Хвостов, В. М. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX – начале XX вв. / В. М. Хвостов. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1977. – 654 с.
137. Хвостова, И. А. Политическое противостояние в дальневосточном вопросе на рубеже XIX-XX вв.: С.Ю. Витте – А.М. Безобразов / И. А. Хвостова // Достижения вузовской науки. – 2013. – № 5. – С. 16–21.
138. Хусаинов, Ф. И. Железнодорожные страницы в биографии С.Ю.Витте / Ф. И. Хусаинов // Бюллетень транспортной информации. – 2007. – № 10 (148). – С. 34–40.
139. Чернов, К. Н. Россия – Восток во взглядах Н.М. Пржевальского и Э.Э. Ухтомского / К. Н. Чернов // Мир Евразии. – 2010. – № 1 (8). – С. 61–67.

140. Чжинцин, С. Китайская политика в русской публицистике конца XIX – начале XX века: «желтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке / С. Чжинцин. – М.: Наталис, 2008. – 256 с.
141. Шилов, Д. Н. Министры финансов царской России: краткий обзор / Д. Н. Шилов // История финансовой политики в России : сборник статей. – СПб., 2000. – С. 233–261.
142. Широкоград, А. Б. Япония. Незавершенное соперничество / А. Б. Широкоград. – М.: Вече, 2008. – 488 с.
143. Шишов, А. В. Витте: финансовый гений последних Романовых / А. В. Шишов. – М.: Вече, 2004. – 432 с.
144. Шишов, А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов / А. В. Шишов. – М.: Вече, 2001. – 576 с.
145. Штиглиц, А. Н. 1898 годъ въ международномъ отношеніи / А. Н. Штиглиц. – СПб.: Типографія Г.Я. Герца, 1900. – 281 с.
146. Шувалов, В. И. Теория индустриального общества / В. И. Шувалов. – Пенза: Пензенский государственный педагогический университет, 2008. – 72 с.
147. Яргаев, М. Х. Формирование административного аппарата в Квантунской области. 1898–1903 гг. / М. Х. Яргаев // Вопросы истории. – 2008. – № 10. – С. 78–90.

в. Диссертации и авторефераты

1. Белоконь, И. В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А.Н. Куропаткина: автореф. дис. канд. ист. наук : 07.00.02 / Белоконь Ирина Васильевна. – Омск, 2012. – 22 с.
2. Дацышен, В. Г. Российско-китайские отношения в 1881-1903 гг. : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.03 / Дацышен Владимир Григорьевич. – Иркутск, 2006. – 42 с.

3. Лукоянов, И. В. Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.: борьба за выбор политического курса: дис. ... докт. истор. наук : 07.00.02. / Лукоянов Игорь Владимирович. – СПб, 2009. – 795 с.
4. Пименов, П. С. Внешняя политика России на Дальнем Востоке 1895-1905 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Пименов Павел Сергеевич. – Самара, 2006. – 24 с.
5. Пискулова, Ю. Е. Российско-корейские отношения в середине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02 / Пискулова Юлия Евгеньевна. – М., 2002. – 234 с.
6. Стрижак, Ю. Н. Проблемы диалога культур в мировоззрении Э.Э. Ухтомского: автореф. дис. канд. философ. наук : 24.00.01 / Стрижак Юлия Николаевна. – СПб, 2013. – 28 с.
7. Суворов, В. В. Князь Э.Э. Ухтомский: жизнь, деятельность, идейное наследие: дис. ... канд. истор. наук / Суворов Валерий Владимирович. – Саратов, 2011. – 227 с.

2. Исторические источники

а. Фонды архивов РФ

1. ГАРФ Ф. 568 (Ламздорф В.Н.). Оп. 1. Д. 217, Д. 381
2. РГИА Ф. 1622 (Витте, гр. Сергей Юльевич (1849-1915), министр путей сообщения, министр финансов, председатель комитета министров, председатель совета министров). Оп. 1. Д. 112, Д. 113, Д. 114, Д. 116, Д. 118, Д. 120, Д. 124, Д. 125, Д. 130, Д. 132, Д. 171, Д. 172, Д. 178, Д. 718, Д. 936, Д. 982

б. Опубликованные документы

1. Из эпохи японо-китайской войны 1894-95 гг. // Красный архив. – 1932. – № 1–2. – С. 50–51.
2. Министерство финансов 1802–1902 гг.: в 2 т. – СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. – 2 т.
3. Накануне русско-японской войны (декабрь 1900 г. – январь 1902 г.) // Красный архив. – 1934. – № 2 (63). – С. 3–54.
4. Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888–1903 гг.) // Красный архив. – 1932. – №3 (52). – С.34–124.
5. Переписка о подкупе китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-ин-Хуана. // Красный архив. – 1922. – №2. – С.287 – 293.
6. Переписка С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина в 1904 – 1905 гг. // Красный архив. – 1926. — № 6. – С. 65–81.
7. Внешняя политика России XIX – начале XX в.: документы Российского МИД / под ред. А. А. Громыко: в 8 т. – М.: Госполитиздат, 1960–1972. – 8 т.
8. Внешняя политика России XIX – начале XX в.: документы Российского МИД / под ред. А. А. Громыко: в 6 т. – М.: Госполитиздат, 1974-1984. – 6 т.

в. Воспоминания, мемуары, дневники, письма

1. Бадмаев, П. А. Россія и Китай / П. А. Бадмаев. – СПб.: Типографія А.С. Суворина, 1905. – 104 с.
2. Богданович, А. И. Три последних самодержца / А. И. Богданович. – М.: Новости, 1990. – 288 с.
3. Верещагин, А. Въ Китаѣ. Воспоминанія и рассказы 1901–1902 гг. Съ рисунками и портретами / А. Верещагин. – СПб.: В. Березовский Комиссіонеръ Военно-учебныхъ заведеній, 1903. – 224 с.

4. Витте, С. Ю. Воспоминания. Мемуары: в 3 т. / С. Ю. Витте. – М.: Соцэкиздат, 1960. – 3 т.
5. Витте, С. Ю. Вынужденныя разьясненія по поводу отчета Ген.-Ад. Куропаткина о войнѣ съ Японіей / С. Ю. Витте. – М.: Типографія Т-ва И.Д.Сытина, 1911. – 104 с.
6. Витте, С. Ю. Хроника. Документы. Воспоминания / С. Ю. Витте. – СПб: Лики России, 1999. – 288 с.
7. Дневник императора Николая II 1890-1906 / Николай II. – М.: Полистар, 1991. – 305с.
8. Извольский, А. П. Воспоминания/А. П. Извольский. – Петроград, М.: Петроград, 1924. – 192 с.
9. Истинная правда о Русско-Японской войне: главнейшие эпизоды войны, заимствованные из правительственных сообщений и рассказов очевидцев. – М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1904. – 20 с.
10. Куропаткин, А. Н. Дневник генерала А.Н. Куропаткина / А. Н. Куропаткин. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2010. – 455 с.
11. Куропаткин, А. Н. Русско-японская война 1904–1905. Итоги Войны / А. Н. Куропаткин. – СПб.: Полигон, 2003. – 525 с.
12. Ламздорф, В. Н. Дневник 1886–1890 гг. / В. Н. Ламздорф. – Минск: Харвест, 2003. – 400 с.
13. Ламздорф, В. Н. Дневник 1891–1892 гг. / В. Н. Ламздорф. – Минск: Харвест, 2003. – 416 с.
14. Ламздорф, В. Н. Дневник. 1894 – 1896 гг. / В. Н. Ламздорф. – М.: Международные отношения, 1991. – 456 с.
15. Милюков, П. Н. Воспоминания / П. Н. Милюков. – М.: Политиздат, 1991. – 518 с.
16. Окраины Россіи. Сибирь, Туркестанъ, кавказъ и полярная часть Европейской Россіи. Съ приложеніем карты окраинъ Россійской

имперіи / П.П. Семенов. – СПб.: Типографія Акц. Общ. «Брокгаузъ-Ефронъ», Прачешный, 1900. – 287 с.

17. У стѣнь недвижнаго Китая. Дневникъ корреспондента “Новаго Края” на театре военныхъ дѣйствій въ Китаѣ вх 1900 году Дмитрія Янчевецкаго. – СПб.: Портъ-Артуръ: Изданіе П.А. Артемьева, 1903. – 682 с.
18. Японско-китайская война 1894–1895. / Н. В. Симанскій. – СПб: Издаѣ В. Березовскій, 1896. – 1287 с.

II. Список литературы

1. Collins, D. N. Steven G.M. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850-1917. – London: I.B. Tauris & Co Ltd Publishers, 1991. – 240p. / D. N. Collins // European History Quarterly. – 1993. – №23 (1) – P .628–629.
2. Jones, W. Revive the Legacy of Russia’s Sergei Witte / W. Jones // Executive Intelligent Review. – 2006. – № 13. – P .37-41.
3. McDonald, D. The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. By John P. LeDonne. N.Y.: Oxford University Press, 1997. 394 p. / D. McDonald // Slavic Review. – 1998. – № 2. – Vol. 57. – P. 445–447.
4. Бурбанк, Д. Новые течения в американской историографии о России: власть и культура / Д. Бурбанк // Исторический ежегодник. – 1996 (1997). – С .60–68.
5. Глебова, И. И. "Образ" С. Ю. Витте в отечественных документальных публикациях / И. И. Глебова // Сергей Юльевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист. – 1999. – Ч.2. – С. 123–142.
6. Ипполитов, Г. М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика / Г.

- М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т.15. – №1. – С.184–195.
7. Казаков, Р. Б., Маловичко, С. И., Румянцева, М. Ф. Классификация историографических источников: опыт соотнесения библиографического и источниковедческого подходов / Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // 150 лет на службе науки и просвещения : сборник материалов юбилейной международной научной конференции (Москва, 5– 6 декабря 2013г.). – М., 2014. – С.421–430.
 8. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486с.
 9. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии как инструмент для изучения профессиональной исторической культуры / С. И. Маловичко // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Выпуск 13. – Ставрополь, 2012. – С. 11–24.
 10. Медушевский, А. Н. Д. Ливен. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / А. Н. Медушевский // Российская история. – 2008. – №3. – С. 185–187.
 11. Меншиков, И. С. Исторический факт в историко-политическом дискурсе / И. С. Меншиков // Методологические аспекты современного историописания и исторической локалистики : сборник статей. – Курган, 2011. – С. 5–15.
 12. Полунов, А. Ю. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 421с., ил. / А. Ю. Полунов // Российская история. – 2010. – № 5. – С. 203– 205.
 13. Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – М.: Наука, 1975. – 282 с.

14. Рибер, А. Изучение истории России в США. // Исторические записки. – 2000. – № 3 (121). – С. 65–105
15. Сахаров, А. М. Методология истории и историография / А. М. Сахаров. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 216 с.
16. Троякова, Т. Г. Американские исследования Дальнего Востока России / Т. Г. Троякова // Вестник ДВО РАН. – 2006. – №2. – С. 125–133.
- 17.
18. Шляпентох, В. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом / В. Шляпентох. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. – 254 с.